

P.o. nel. 3067 Gretsch

1 ⇒

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГРЕЧА.

Ахъ, сколько я въ мой вѣкъ бумаги исписалъ!

Дмитріевъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ПОѢЗДКА ВЪ ГЕРМАНИЮ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

=
1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 15-го Апрѣля 1836 года.

Ценсоръ Петръ Корсаковъ.

Въ типографіи Н. Греча.

<36609364430011

<36609364430011

Bayer. Staatsbibliothek

Рис. Нотбекъ.

Грав. Райшъ.

ПОѢЗДКА

ВЪ

ГЕРМАНИЮ.

РОМАНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ

Николая Греча.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1838.

NO 347A

11

1311111111

1111111111

Bayerische
Staatsbibliothek
München

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

1111111111

1111

Фаддею Венедиктовичу

БУЛГАРИНУ.

Посвятивъ мнѣ Димитрія Самозванца, ты возложилъ на меня обязанность отвѣчать тебѣ тѣмъ же. Я рѣшился за сказку подарить тебѣ сказкою, тѣмъ болѣе, что ты самъ давно уже совѣтовалъ мнѣ написать что нибудь въ этомъ родѣ. На уединенныхъ прогулкахъ по аллеямъ Елагина Острова, выдумалъ я небывалыя похождения, изложилъ ихъ въ письмахъ, и такимъ образомъ составились два томика. Прими дружеское мое приношеніе; прочти мои рассказы; только не слишкомъ строго осуждай: и безъ тебя найдутся охотники бранить!

Составляя планъ моей повѣсти, я вздумалъ коснуться струны, у насъ еще нетронутой — нравовъ и обычаевъ петербургскихъ Нѣмцевъ. Не мнѣ судить, успѣлъ ли я въ этомъ. Другіе, вѣроятно, будутъ счастливы; но мнѣ хотѣлось сдѣлать первую попытку. — Впрочемъ могу увѣрить и тебя, и другихъ моихъ читателей, что я написалъ сію книжку безъ всякихъ авторскихъ требованій, единственно для того, чтобъ посвятить ее тебѣ, а напечаталъ потому, что ты, какъ мнѣ извѣстно, не любишь читать скорописи; къ тому же мнѣ недалеко было ходить въ типографію.

Николай Грез

10 Ноября 1830.

.....

.....

ПОѢЗДКА

.....

ВЪ

Г Е Р М А Н І Ю.

.....

П и с ь м а Д. С. М с т и с л а в ц е в а

.....

къ А. И. Левадину, въ Рязани.

.....

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

.....

Въ коляскѣ за Полаangenомъ, 31 Іюля 1813.

Мнѣ стало легче. Русскій орелъ на пограничныхъ столпахъ теряется вдали. Отечество, родные, друзья, она, отрѣзаны отъ моего сердца; оно раздирается тоскою, но біеніе его теперь не такъ уже сильно, какъ прежде, когда мнѣ можно было, выдумавъ какой нибудь ничтожный предлогъ, воротиться въ Петербургъ, полетѣть за Неву.....

Полно. Займемся тѣмъ, что меня окружаетъ. Коляска катится медленно по сырому песку. Товарищъ мой, твореніе счастливѣйшее въ мірѣ, если родиться безъ нѣкоторыхъ существенныхъ

частей безсмертнаго человѣка есть счастье, храпитъ преспокойно, и, по улыбкѣ на его самодовольныхъ устахъ, я вижу, что ему снится обѣдъ или бостонъ. Безконечно вѣрный и столько же глупый Аѳанасій сидитъ на козлахъ подлѣ почтиліона, и, сколько я могу заключить по его движеніямъ, безсмысленно глядитъ въ даль — дитя природы незавидной. Но я ему обязанъ веселою минутою, которая промелькнула въ душѣ моей, когда мнѣ было очень грустно. За часъ предъ симъ мы остановились на границѣ. Таможенный досмотръ скоро кончился. Мы сѣли въ коляску, и поѣхали. Ивановъ тотчасъ захрапѣлъ, но Аѳанасій поворачивался во всѣ стороны, какъ будто ища чего-то глазами. Наконецъ обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ: «Дмитрій Сергѣевичъ! Да скоро ли мы въѣдемъ въ Пруссію? Далеко ли она отъ таможни?» — «Мы уже въ Пруссіи,» отвѣчалъ я. — «Помилуйте, что это за Пруссія! Здѣсь трава такая же зеленая, какъ въ Россіи, а въ Пруссіи она должна быть красная!» — «Что за вздоръ!» сказалъ я: «съ чего ты взялъ эту глупость?» — «Да съ вашей карты, Дмитрій Сергѣевичъ, которую вы такъ часто и пристально разсматривали предъ отъѣздомъ. Курьеръ департаментскій, Васильевъ, — онъ человѣкъ грамотный и ѣздилъ при покойномъ Императорѣ за границу, — растолковалъ мнѣ, что зеленая земля Россія, а красная Пруссія — вотъ я и жду; гдѣ же Пруссія? — все зелено, какъ у насъ!» — Я невольно расхохотался, но долго было бы тол-

ковать простодушному уроженцу торопецкому, что земля, и что карта, и я отвѣчалъ: «Это отъ того, что Пруссія теперь съ нами въ союзѣ.» — «Не что!» пробормоталъ Аѳанасій.

Вотъ еще нѣсколько минутъ грусти заглушилъ, описывая это глупо смѣшное сужденіе. — У меня два рода утѣшеній: утѣшеніе земное — когда слушаю своихъ спутниковъ, когда гляжу, какъ они ѣдятъ, спятъ; когда Ивановъ поправляетъ владимірскую ленточку въ петлицѣ, а Аѳанасій снимаетъ съ себя форменную фуражку, и осматривъ, надѣваетъ ее, какъ Наполеонъ чужую корону. Мнѣ кажется въ эти минуты, что я профессоръ Зоологіи, и въ какомъ нибудь звѣринцѣ наблюдаю свойства, склонности и привычки разнородныхъ обезьянъ. Но это утѣшеніе скоро проходитъ, и я опять погружаюсь въ тоскливую дремоту; вижу предъ собою какое-то пустое, безпредѣльное пространство, въ которомъ клубятся мрачные вихри, въ которомъ нѣтъ выхода, нѣтъ отрады; сердце мое стѣсняется, и вдругъ въ этомъ мракѣ зарѣетъ искорка, больше, свѣтлѣе, еще больше, еще свѣтлѣе, и ангельское лице съ милою улыбкою меня привѣтствуетъ. Я останавливаю на немъ взоры, и вотъ оно облекается прозрачнымъ покровомъ, его придерживаютъ бѣленькія ручки; вотъ и локотки явились, вотъ и плечи, вотъ бюстъ ея — вотъ и вся она — вотъ летитъ на встрѣчу — и я умираю въ восторгъ!

Глупое дѣло — любовь! скажешь ты. Глупое

дѣло — жизнь! отвѣчаю я. Любовь къ существу, для насъ созданному, къ существу, которое должно возвысить, облагородить, сдѣлать достойнымъ безсмертія бытіе наше, есть высшее наслажденіе, какого человѣкъ можетъ искать и желать въ семъ мірѣ. Не всякъ созданъ для этого ощущенія; но кто для него созданъ — тотъ во сто кратъ счастливѣе, блаженнѣе своихъ собратьевъ — ибо и страданія любви несчастной, безнадёжной несказанно благороднѣе страданій, раждаемыхъ другими лишеніями. Но послѣдствія любви — возразишь ты — она проходитъ...

Постой, прекратимъ разговоръ. Почтиліонъ затрубилъ: мы приближаемся къ Ниммерзату. Ивановъ зашевелился, и не раскрывая глазъ, разинулъ ротъ, какъ голодный вороненокъ. Его сердце, желудокъ — видно забилося вождельніемъ. Счастливецъ! хлѣбъ, колбасы и штофикъ выглядываютъ изъ-за окошка въ почтовой рестораціи.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Кенигсбергъ, 2 Августа.

Слава Богу, добрались кое-какъ. Ну ужъ дорога! Нельзя вообразить себѣ ничего скучнѣе, утомительнѣе, досаднѣе переправы чрезъ песчаную косу, отдѣляющую Куришь-гафъ отъ Балтійскаго Моря. Въ Мемель мы дождались коляски нашихъ товарищей, и поплелись по песку.

Соскучась сидѣть въ экипажахъ, мы всѣ вышли и отправились пѣшкомъ. «Вотъ, господа,» сказалъ намъ грамотный почтиліонъ, указывая на оставленный домъ на песчаномъ пригоркѣ: «знаменитое мѣсто. Здѣсь господинъ фонъ-Коцебу, принужденный остановиться за усталостью лошадей, написалъ прекрасную пѣсню:

*Es kann ja nicht immer so bleiben
Hier unter dem wechselnden Mond (*)!»*

«Счастливое предзнаменованіе!» сказалъ Волгинъ: «и дорога наша не всегда будетъ такою скучною. Поищемъ-те, между тѣмъ, янтарю; авось либо найдемъ на память.» Мы рылись, рылись въ песокъ, и на всей дорогѣ ничего не нашли. Ивановъ выкопалъ какой-то комъ грязи, и утверждалъ, что это янтарь въ корѣ. Репейковъ, по обычаю, разсердился, и чуть было не приколотилъ его. Мы съ Волгинымъ едва ихъ розняли. Съ какими людьми привелъ Богъ вхаты! Только одинъ изъ нихъ, Алексѣй Васильевичъ Волгинъ, человекъ въ полномъ смыслѣ этого слова: благородный, образованный, правдивый и честный до безконечности, кроткій и терпѣливый. Двадцати пяти лѣтъ отъ роду, онъ не знаетъ любви ни земной, ни небесной, радуется своимъ бытіемъ, но съ какимъ-то безпокойствомъ. Онъ хорошій музыкантъ, и притомъ необыкновенный счетчикъ; но, подивись, не любитъ литературы,

---

(*) Не всегда останется понынѣшнему здѣсь, подъ измѣняющеюся луною.

утверждая, что все въ книгахъ глупая выдумка, если не злонамѣренная ложь. Все, что онъ можетъ прочесть — это Басни Крылова. По крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, этотъ авторъ въ заглавіи уже признается, что все въ его книгѣ налгано. — Другой товарищъ, Никита Савичъ Репейковъ, есть одно изъ тѣхъ твореній, которыя въ царствѣ растеній замѣняются крапивою и репейникомъ. Онъ человѣкъ честный, не глупый, довольно знающій, отличный работникъ, но нрава самого нестерпимаго: упрямъ, вспыльчивъ, мстителенъ, неумолимъ. Воздержаніе и пристойность также не принадлежать къ числу его добродѣтелей. — Третій — Яковъ Терентьичъ Ивановъ: это желудокъ, къ которому какъ-то приросли ноги, руки и что-то наружностью похожее на голову. И этотъ послѣдній — есть мой товарищъ въ коляскѣ! «Да какъ ты могъ выбрать его?» спросишь ты. Нельзя было сдѣлать иначе. Волгинъ былъ бы мнѣ болѣе всѣхъ по сердцу; но какъ могли мы пустить Иванова съ Репейковымъ? — вышло бы смертоубійство. Взять къ себѣ Репейкова я не хотѣлъ, потому, что онъ истерзалъ бы меня своими злыми замѣчаніями. Я рѣшился уступить его Волгину, который уживется не только съ злымъ волкомъ, но и съ злою женщиною. У меня остался Ивановъ. Не думай однако, чтобъ жадность была исключительнымъ его качествомъ! Нѣтъ! Онъ притомъ влюбленъ въ себя, и воображаетъ, что всѣ въ него влюбляются; охотникъ наряжаться, франтить и тол-

ковать о политикѣ, о литературѣ; воображаетъ, что долженъ играть роль въ свѣтѣ, и увѣряетъ насъ, что выйдетъ на дуэль при первомъ случаѣ — только не съ своими. »Дайте добратся до Нѣмцевъ!» говоритъ онъ. Крайне досадно, что наше начальство въ этомъ случаѣ поступило такъ неразборчиво. Въ нашихъ департаментахъ много чиновниковъ образованныхъ, умныхъ и благонравныхъ; ихъ оставили, а выбрали Иванова! Онъ принадлежитъ къ числу людей, которыхъ должно держать въ Россіи взаперти, и отнюдь не показывать въ Европѣ. Хорошъ представитель отечества! — Всему виновата рекомендація одной старой графини, которая, за годъ предъ симъ, проиграла ему въ бостонъ пятнадцать рублей. Онъ являлся къ ней за деньгами ежедневно, на перепутьѣ въ департаментъ, и она, чтобъ освободиться отъ должника, просила жену нашего директора послать его въ числѣ чиновниковъ, отправляемыхъ за границу, увѣряя честью, что онъ человекъ самый исправный. Ивановъ поѣхалъ охотно, потому что получаетъ жалованье съ курсомъ. Впрочемъ, какъ въ природѣ нѣтъ такого животнаго, которое не приносило бы какой нибудь пользы, такъ и Ивановъ имѣетъ свое достоинство: онъ отличный каллиграфъ, и очень искусно и красиво не пишетъ, а малюетъ буквы. Особенно великолѣпно умѣетъ онъ размазать слово: *Отчетъ*. Къ тому присо-вокупляется еще необыкновенная и неоцѣненная въ писцѣ добродѣтель: онъ вовсе не понимаетъ

того, что писать. Не разъ случалось ему переписывать въ департаментъ, по просьбѣ товарищей, довольно ясныя эпиграммы на самого себя. Перепишетъ и носить съ самодовольствомъ по всѣмъ отдѣленіямъ и столамъ, приговаривая: «Каково написано? а? Да! Ивановъ простакъ, человекъ лишній въ министерствѣ.»

Видишь ли, что я поправляюсь! видишь ли, какъ я благоразуменъ — по вашему! Начинаю писать четвертую страницу, и еще не сбился на свой неподвижный пунктъ — на неподвижную звѣздочку, которая сіяетъ мнѣ съ небеснаго свода, и безъ которой все это синее небо было бы для меня одинъ длинный гробовый покровъ! Но нѣтъ! посреди дѣла и бездѣлья, когда я читаю поэта или подорожную, когда слышу Моцартову мелодію или сытое храпѣніе моего товарища — мысль о ней безостановочно тянется въ душѣ моей. Не помню, гдѣ-то, кажется въ Гёте, читалъ я прекрасное уподобленіе этой непрерывной мысли о миломъ предметѣ: во всѣхъ снастяхъ, канатахъ, веревкахъ, изготовляемыхъ для англійскаго флота, тянется въ самой ихъ срединѣ тоненькая красная шелковинка, по которой тотчасъ можно узнать вещи, принадлежащія казнѣ. Любовь истинная, душевная подобна этой шелковинкѣ: она тянется, непримѣтная, посреди тысячи другихъ нитей съ начала до конца жизни любящаго. Несчастливъ тотъ, кто лишенъ этой шелковинки: онъ не принадлежитъ высшему властелину, а есть собственность какого нибудь

торгаша. Что может быть на землѣ благороднѣе, могу сказать священнѣе — женщины добродѣтельной, любимой и любящей? — Прости! Нѣгдѣ писать, а то не кончилъ бы до завтра.

На другой день.

Беру другой листочекъ бумаги. Приключеній было у насъ много. Мы остановились въ одномъ изъ лучшихъ трактировъ, das deutsche Haus. Лишь только вышли изъ колясокъ, Волгинъ сѣлъ за фортепіано, которое нашелъ въ нашей комнатѣ, и началъ разыгрывать свои фантазіи. Репейковъ закурилъ трубку, побранивая сквозь зубы весь свѣтъ. Ивановъ расположился предъ зеркаломъ, и началъ бриться, чесаться, охорашиваться, глядясь умильно и самодовольно въ кривое стекло, въ которомъ его раздутое лицо отражалось еще шире обыкновеннаго. Каждыя пять минутъ, онъ клалъ бритву, щеточку или полотенце, и спрашивалъ: скоро ли подадутъ обѣдъ? — Я между тѣмъ переписывалъ съ карандаша вчерашнее къ тебѣ письмо, а потомъ перебиралъ завѣтные лоскутки бумаги въ моемъ портфелѣ. Тебѣ опять смѣшно? Мнѣ отъ роду тридцать лѣтъ, а я мечтаю и дурачусь, какъ шестнадцатилѣтній юнкеръ. Ахъ! добрые люди! предъ вами вашъ умъ, ваша расчетливость, ваше благоразуміе! Опять своротилъ въ свою колею. Виновать, поправляюсь. И чтобъ совершенно вникнуть въ предметъ настоящихъ моихъ описаній,

и донести тебѣ все въ точности, сообщу наружные портреты моихъ спутниковъ; нравственные я списалъ вчера. Слушай же. Волгинъ прекрасный собою, статный юноша, блондинъ, милостивый. Голубые глаза его выражаютъ простоту и доброту душевную, но на правильномъ лицѣ есть какая-то черта безпокойства: иногда вдоль по лѣвой щекѣ происходитъ невольное судорожное движеніе, которое придаетъ ему видъ страдальческій, и дѣлаетъ его еще интереснѣе. Онъ сложенія слабаго, и кажется, страдаетъ грудью. Женщины не могутъ смотрѣть на него безъ участія и нѣжности; онъ съ ними учтивъ, привѣтливъ, услужливъ до крайности, но холоденъ: если жъ когда либо влюбится, то конечно будетъ любить до могилы. Онъ одѣвается чисто, прилично, со вкусомъ, но безъ франтовства. — Репейковъ сухощавое, длинное, морщиноватое твореніе. Лобъ у него высокій; глаза черные, впалые, подъ густыми бровями; когда онъ начинаетъ говорить, кончикъ остраго сухаго носа поворачивается вправо. Отъ каждой ноздри простираются дугою къ ушамъ двѣ глубокія морщины. Руки ужасныя — словно когти Асмодея; пальцы длинные, сучковатые; ногти огрызаны почти до нельзя. Онъ ходитъ какимъ-то циникомъ, всегда въ темносѣромъ сюртукѣ, въ черномъ галстукѣ, въ фуражкѣ. Отвратительно видѣть, какъ онъ глядитъ на женщинъ. — Ивановъ представлялъ бы презабавную фигуру, если бы не былъ такъ глупъ и дерзокъ. Росту онъ

невысокаго; довольно толстъ; лице широкое, какъ будто выглядываетъ изъ выпуклаго зеркала; глаза маленькіе, неизвѣстнаго цвѣта; лобъ узкій; волосы черные, курчавые; щеки раздутыя; носъ круглый съ широкими ноздрями; ротъ пребольшой съ толстыми губами, изъ-за которыхъ по обѣимъ сторонамъ выказываются клыки; выраженіе его лица двойное: онъ или улыбается глупо, или жуетъ. Одѣтъ или величайшимъ неряхою, или приторнымъ петиметромъ. Повязка галстуха есть у него дѣло государственное. Однажды, еще въ Россіи, онъ разсуждалъ съ станціоннымъ смотрителемъ полтора часа о сапогахъ. — При самомъ входѣ нашемъ въ трактиръ, встрѣтила насъ служанка (говорятъ, таково обыкновеніе въ нѣмецкихъ странахъ). Ивановъ тотчасъ завелъ съ нею знакомство, и пресмѣшнымъ, ломанымъ полу-нѣмецкимъ языкомъ сталъ увѣрять ее, что она красавица, и что онъ влюбленъ въ нее. Къ счастью, она догадалась спросить: «*Wollen die Herren nicht etwas zu sich nehmen (*)?*» — Что это?» сказалъ Ивановъ: «кого намъ взять?» — «Болванъ!» закричалъ Репейковъ: «это значитъ, не хотимъ ли мы чего поѣсть!» — Ахъ, да! виновать, сбился! *Zu sich nehmen! Ja, liebe meine! zu sich nehmen! Geben Sie zu sich!*» Служанка отвѣчала, улыбаясь, что понимаетъ, и подъ этимъ предлогомъ освободи-

---

(*) Не угодно ли вамъ, господа, чегонибудь взять, т. е. покушать.

лась отъ нашего селадона. — Послѣ довольно хорошаго обѣда, приправленнаго бранью Репейкова на нѣмецкую кухню, мы заснули богатырскимъ сномъ. Просыпаемся въ шестомъ часу. Ивановъ, выспавшійся дорогою, всталъ ранѣ насъ, пріодѣлся и исчезъ. — Что дѣлать? Куда итти? Хозяинъ трактира объявляетъ намъ, что сегодня играютъ оперу, и что до театра недалеко. Пойдемъ. Мы нашли хорошія мѣста въ оркестрѣ. Началась опера. Репейковъ бранилъ все и всѣхъ, и какъ эта критика издаваема имъ была по-русски и довольно тихо, то мы и не беспокоились. Волгинъ любовался музыкою, и билъ тактъ ногою, а я совершенно потерялся въ заоблачныхъ мечтаніяхъ: нѣкоторыя изъ сихъ арій играла и пѣла та, которой общалъ я тебѣ не называть по имени, чтобъ легче и скорѣе забыть ее. Не называть по имени? Чудный ты человекъ! Да на что имя? Имена выдуманы для рядовыхъ рода человѣческаго. Въ шеренгѣ женщинъ, вотъ Дарья, вотъ Авдотья, вотъ Акулина. А для этихъ существъ, которымъ нѣтъ равныхъ, которыхъ мы ни съ кѣмъ не смѣшаемъ — на что имя! Она, elle, fie, she — по-латыни еще лучше — и мѣстоименія нѣтъ для нея. — Вдругъ былъ я разбуженъ изъ этого сладкаго сна общимъ шумомъ и движеніемъ въ залъ. Всѣ встаютъ, оборачиваются и смотрятъ въ галерею. О ужасъ! нашъ Ивановъ, разлегшись въ райкѣ, на перилахъ, между двумя Нѣмочками въ красныхъ шляпкахъ, хохочетъ во все воронье горло, а на теа-

трѣ сцена самая чувствительная. Нѣмцы плачутъ, Нѣмки всхлипываютъ. Мы остоленѣли. «Это что за уродъ?» спрашиваютъ позади насъ. — «Это одинъ изъ русскихъ чиновниковъ» отвѣчаютъ ему: «которые сегодня пріѣхали.» — «*Da sieht man den Barbaren* (*)!» говоритъ тотъ же голосъ: «но видите ли, полиція уже собирается его вывести.» — Мы съ Волгинымъ потупили глаза. Репейковъ кричитъ въ изступленіи: «Дмитрій Сергѣевичъ! что тутъ дѣлать? Побить ли Нѣмца, который осмѣлился назвать насъ варварами, или выручить нашего дурака?» — «Разумѣется, сперва выручить!» отвѣчалъ я, испугавшись другой сцены. Мы выбрались изъ партера, и нашли нашего товарища уже внизу, окруженного полиціею и толпою любопытныхъ. Нетрудно было убѣдить добрыхъ Нѣмцевъ, что нашъ землякъ нарушилъ общую горестъ зрителей единственно отъ незнанія нѣмецкаго языка. Труднѣе было удержать Репейкова, и вывести Иванова. «Помилуйте!» кричалъ Ивановъ: «что подумаютъ обо мнѣ Мальхенъ и Минхенъ? я оставили этихъ бѣдненькихъ дѣвицъ однихъ, въ публикѣ; пустите!» — «Домой!» закричалъ стенторскимъ голосомъ Репейковъ, схватилъ его жилистою рукою выше локтя, и вынесъ на улицу. — Несносное это твореніе испортило пріятнѣйшій для насъ вечеръ. Дома мы съ трудомъ уложили его спать.

(*) Вотъ видѣнъ варваръ.

Вотъ тебѣ подробная реляція о вчерашнемъ днѣ. Я всталъ ранѣе прочихъ, чтобъ побесѣдовать съ тобою. Товарищи просыпаются. Чрезъ часъ поѣдемъ далѣе — далѣе — ужасное слово! — Репейковъ ворчитъ про себя. Ивановъ жалуется, что его обидѣли. Волгинъ, улыбаясь, повторяетъ на фортепіанѣ вчерашнія мелодіи. — Аѳанасій мой меня восхищаетъ. Вообрази, что онъ, при всей глупости своей, не зная по-нѣмецки ни слова, успѣлъ найтись въ домъ, и познакомиться со всѣми. Удивительная смѣтливость русскаго народа!

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Фридебергъ, 6 Августа.

Путешествіе наше идетъ скучно, но благополучно. Сторона здѣсь ужасная: песокъ и ели. Какая разница съ Курляндіею! Тамъ земля волнистая; лѣса и луга смѣняются; пашни всѣ огорожены, и это придаетъ имъ видъ какого-то особаго благоустройства, показывая, что хозяева пекутся о своей собственности. Живописныхъ мѣстъ много. Но при самомъ переѣздѣ чрезъ границу картина перемѣняется. Ниммерзатъ есть начало безконечнаго песку. Лошади тащатся медленно, коляска едва движется. Ивановъ не просыпается; Аѳанасій спитъ, сидя на козлахъ; я блаженствую въ одиночествѣ. Волгинъ и Репейковъ опередили насъ нѣсколькими верстами. — Здѣсь, въ Фридебергъ, находимся мы въ идил-

лическомъ мірѣ. Мы остановились обѣдать у семидесятилѣтняго почтмейстера, который, за годъ предъ симъ, праздновалъ юбилей пятидесятилѣтней своей службы. Торжество это празднуется въ Пруссіи прекраснымъ, умиленнымъ образомъ. Поутру, въ день юбилея, старикъ просыпается при звукахъ городской музыки, собравшейся у него подъ окнами. Лишь только онъ встанетъ, являются градоначальникъ, всѣ чиновники, пасторы, почетнѣйшіе граждане, и поздравляютъ его. Двѣнадцать дѣвицъ, въ бѣломъ праздничномъ платьѣ, подносятъ ему цвѣты, и ведутъ, въ сопровожденіи всѣхъ посѣтителей, въ церковь, гдѣ пасторъ произноситъ приличное торжеству того дня слово, изображаетъ вѣрную и безпорочную службу старца, и возбуждаетъ уваженіе и соревнованіе къ нему въ слушателяхъ. Возвратясь изъ церкви, всѣ садятся за обѣденный столъ, украшенный цвѣтами. Въ концѣ обѣда обыкновенно является курьеръ отъ министра, подъ начальствомъ котораго служитъ старикъ, и привозитъ орденъ, при рескриптѣ Короля. Пасторъ, выразивъ чувствованія благоговѣнія и признательности къ правосудію монарха, надѣваетъ орденъ на почтеннаго чиновника, и при звукахъ трубныхъ возглашаетъ здоровье и государя и вѣрно-подданнаго. Веселые танцы и музыка оканчиваютъ торжество радостнаго дня. Волненіе чувствъ въ старцѣ иногда бываетъ такъ велико, что чрезъ нѣсколько дней причиняетъ ему смерть.

Ты скажешь: такое торжество можетъ быть прилично только при юбилеѣ истинно достойнаго и честнаго чиновника; если жъ *безпорочность* службы его видна только въ предпоследней графѣ формуляра, то все такое празднество похоже болѣе на сатиру, нежели на справедливое возмездіе. Ты правъ. Къ счастью, эта крайность можетъ случиться здѣсь весьма рѣдко. Трудолюбіе, исправность, честность и безкорыстіе здѣсь, въ Пруссіи и Германіи, не такъ рѣдки, какъ въ другихъ странахъ. Какъ въ иныхъ краяхъ указываютъ пальцемъ на честнаго чиновника, видя въ немъ нѣчто рѣдкое и едва позволительное (ибо онъ портитъ ремесло своихъ товарищей и преемниковъ), такъ здѣсь рѣдки взяточники и притѣснители. Съ человѣкомъ, который поступилъ бы противозаконно, который позволилъ бы подкупить себя, оправдалъ злодѣя, притѣснилъ невиннаго — никто не станетъ обходиться, и онъ принужденъ будетъ не только выйти въ отставку, но и переселиться въ другой городъ. И такъ, кто здѣсь прослужилъ пятьдесятъ лѣтъ, тотъ конечно заслужилъ уваженіе согражданъ и признательность правительства.

Старецъ показалъ намъ рескриптъ Короля, хранящійся у него въ Библии, и серебряный кубокъ, поднесенный ему согражданами. Почтенный видъ его подѣйствовалъ и на дикихъ людей. Репейковъ не бранится, и даже глядитъ на старика съ какою-то миною, похожею на улыбку. Ивановъ повторяетъ кстати и некстати: «ја,

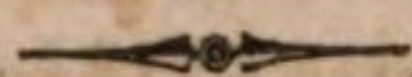
mein Herr! wahrhaftig!" — Волгинъ, въ котораго старикъ влюбился, увѣряя, что сынъ его, Фрицъ, ein Freiwilliger, похожъ на него, сълъ послѣ обѣда за фортепіано (необходимая мебель у всякаго Нѣмца!) и заигралъ народную пѣсню: Helft, Leuten, mir vom Wagen. — Я воображаю, что все видимое мною есть картина Фламандской Школы. Комната чистая, усыпанная пескомъ, съ ореховою панелью; въ углу большая печь, темно-вишневая, изразцовая, на круглыхъ каменныхъ ножкахъ. Далѣе — канапе простаго дерева, обитое черною кожею, съ закругленными ручками, съ круглыми подушками. Передъ нимъ столикъ, накрытый бѣлою салфеткою; на столикъ закрытая Библия. Стулья съ кожаными подушками и высокими сквозными задками. Въ углу стѣнные часы, съ надписью: Johann Schmidt fec. Berlin. 1744. — На стѣнѣ большое зеркало въ рѣзной дубовой рамкѣ; подъ нимъ картинка, представляющая свиданіе Александра I съ Королемъ и Королевою надъ гробницею Фридриха II. Еще ниже изображеніе Королевы (имени ея начертать не смѣю) на смертномъ одрѣ. Подлѣ зеркала шкафъ стеклянный, съ посудой. И все это уютно, просто, чисто. Старикъ сидитъ подлѣ фортепіана, и, уставивъ веселые глаза на Волгина, бьетъ тактъ пальцами по крышкѣ. За нимъ стоитъ, склонясь на спинку стула, вѣрная его Бавкида, въ темной кофточкѣ и юпкѣ, въ бѣломъ передникѣ и нарядномъ чепчикѣ съ лиловою лентою. Лѣвою рукою держитъ она за

руку трехлѣтняго внука, который прислонился къ колѣнямъ дѣда. — По сую сторону фортепіана, сидятъ мои прозаическіе спутники. Ихъ оставляю для четвертой стѣны комнаты, которая, на картинахъ, обыкновенно дописывается воображеніемъ.

Ты опять станешь упрекать меня въ пристрастіи къ Нѣмцамъ. Брани, но выслушай. Моя добрая мать, первый мой другъ и благодѣтельница въ мірѣ, была Нѣмка, и она — она —. Полно! полно!

Мы провели нѣсколько часовъ у добраго почтмейстера, и теперь собираемся ѣхать. Я начинаю привыкать къ Иванову. Только, я думаю, къ злой женѣ привыкнуть нельзя, ибо тамъ нѣтъ надежды на освобожденіе, а товарищъ этотъ мнѣ товарищемъ только до главной квартиры. Прости, до Берлина!

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Берлинъ, 9 Августа.

Мы пріѣхали сюда вчера къ обѣду, и остановились въ Hôtel de St. Pétersbourg, Подъ Липами. Волгинъ не очень здоровъ, и мы рѣшились провести здѣсь дня три, чтобъ онъ имѣлъ время посоветоваться съ врачомъ. Кроткая его душа разогрѣла и Репейкова сквозь тигровую оболочку. Онъ заботится о здоровьѣ Волгина: это изумительно; — вижу, и не вѣрю.

Я сдѣлался спокойнѣе. Всякая надежда на скорое возвращеніе въ Петербургъ, всякая къ тому возможность исчезла. Если бъ я теперь и заболѣлъ, то меня отправили бы въ здѣшнюю Charité. Повторяю тебѣ, что я спокоенъ. Теперь позволь мнѣ, въ утѣшеніе мое, описать тебѣ всѣ обстоятельства моей несчастной страсти. Увѣряю тебя, что этотъ разсказъ не растравитъ ранъ моихъ; напротивъ, прольетъ въ нихъ цѣлительный бальсамъ сладкаго воспоминанія. Еще разъ, милыя тѣни, воскресните въ душѣ моей!

— — Нѣтъ! не могу еще приступить къ самому разсказу. Не знаю, съ чего начать. Но я долженъ бесѣдовать съ тобою, долженъ бесѣдовать именно о себѣ: въ нынѣшнемъ моемъ состояніи это одна мнѣ отрада. Хоть не читай писемъ моихъ, только позволь писать. Разскажу тебѣ всю жизнь мою; все, что со мною случилось хорошаго и худаго, обыкновеннаго и необыкновеннаго, и такъ, мало по малу, дойду до той эпохи, которую теперь изобразить я еще не въ состояніи.

Тебѣ отчасти извѣстно мое воспитаніе, участь моего дѣтства и отрочества. Отецъ мой, человекъ честный и просвѣщенный, истинный сынъ отечества и вѣрноподданный добрыхъ Государей, былъ моимъ наставникомъ. Живя въ провинціи, имѣя мѣсто незавидное и нетяжелое, онъ могъ удѣлять большую часть свободнаго времени на образованіе меня науками; обходился со мною справедливо и строго. Онъ полагалъ, что правосудіе есть основаніе и начало всѣхъ благъ

въ міръ; что милость и снисхожденіе годны и пріятны только порочнымъ и лѣнивцамъ. Правило истинное, но не исключительное. Правосудіе, и въ свѣтъ, и въ жизни, необходимо, но оно одно управлять не можетъ. Одинъ Богъ справедливъ, но и Онъ милосердъ. Какъ же мы, люди смертные, слабые, слѣпые, дерзнемъ сказать, что мы справедливы? Мы можемъ только *хотѣть* быть справедливыми, и это хотѣніе смягчать любовью, кротостью, снисхожденіемъ. Не знаю, что произвела бы во мнѣ строгость отца, если бъ она не была умѣряема нѣжностью моей матери, существа необыкновеннаго, возвышеннаго, неземнаго. Она была уроженка дрезденская, въ молодости завезена въ Россію родителями, и осиротѣла. Получивъ отличное образованіе, она вскорѣ нашла мѣсто — воспитательницы дѣтей у нашего губернатора. Тамъ отецъ мой увидѣлъ ее, успѣлъ внушить ей уваженіе къ себѣ, самъ полюбилъ ее, и предложилъ ей руку. Супружество ихъ было счастливо: строгость мужа смягчалась кротостью жены.

Первые годы моей жизни протекли въ Кіевѣ. О нихъ осталось у меня темное воспоминаніе. Помню нашъ домъ, деревянный, зеленый, съ садомъ; помню дѣтскую, въ которой болѣе всего занимала меня балка, подпиравшая потолокъ; помню комнату, въ которой сиживала матушка, у окна, на приступѣ, въ креслахъ; подъ ногами у ней была скамеечка съ вышитымъ по канвѣ зеленымъ попугаемъ; передъ нею стоялъ рабо-

чій столикъ, съ выдвижнымъ ящичкомъ; на столикъ ларчикъ, выложенный разноцвѣтнымъ деревомъ. Матушка ходила обыкновенно въ цвѣтномъ платьѣ, въ бѣломъ чепчикѣ съ голубою лентою, въ башмакахъ на высокихъ каблукахъ. — Помню берега Днѣпра, Андреевскій Соборъ, Лавру, Пещеры; помню домъ губернаторскій на террасѣ. Въ немъ, по какому-то торжественному случаю, однажды лѣтомъ давали балъ, съ иллюминаціею. Я стоялъ на улицѣ, смотрѣлъ въ раскрытыя окна, и рвалъ рученку свою изъ руки няниной, чтобъ найти лучшее мѣсто, откуда бы могъ увидѣть свою маменьку, разрядившуюся дома, чтобъ ѣхать на балъ. Но все это носится въ душѣ моей, подернутое едва проницаемымъ туманомъ. — Помню изъ того времени лучше всего путешествіе наше въ Петербургъ, и поѣздку въ Царское Село. Мнѣ было тогда лѣтъ семь отъ роду. Батюшка остановился въ Царскомъ Селѣ у одного знакомца, служившаго при тамошней бумажной фабрикѣ, и мы прожили тамъ съ недѣлю. Самое завидное воспоминаніе оставила въ душѣ моей картина тогдашняго Царскаго Двора. Мы гуляли однажды, послѣ обѣда, въ саду. Вдругъ слышимъ: «Государыня! Государыня!» и всѣ бросаемся ко дворцу. И теперь вижу широкую аллею, со сквозными желѣзными скамьями, по сторонамъ. Идетъ Екатерина, въ сопровожденіи всего Двора своего, многочисленного и блистательнаго, и съ божественною улыбкою кланяется тихо на обѣ

стороны. Ее велъ подъ руку какой-то генераль. По правую руку шли Великіе Князья Александръ и Константинъ; за ними прочіе. Музыка играла польской, очень извѣстный. Мелодія его осталась на днѣ моего воображенія. Въ Фридебергѣ Волгинъ невзначай заигралъ этотъ польской, и въ душѣ моей со всею яркостью возобновилась картина, видѣнная мною за двадцать слишкомъ лѣтъ. Странное дѣло! Воспоминанія прошедшаго времени спятъ иногда по нѣскольку лѣтъ въ душѣ нашей; — чуть затронь струну, которая ихъ касается, и они возникаютъ съ прежнею живостію, украшенные еще блескомъ воображенія, лишенные вседневной примѣси, которая, какъ плѣсень, покрываетъ для насъ предметы настоящаго времени. Я люблю носиться памятью во дняхъ давно минувшихъ, люблю воскрешать въ своемъ воображеніи людей, давно почившихъ сномъ непробуднымъ, люблю питаться сими сладостно-горькими мечтами. А если еще къ тому присоединится какое либо дѣйствительное обстоятельство, существовавшее и во времена воображаемыя! Такое наслажденіе имѣлъ я при возвращеніи моемъ въ Петербургъ, въ 1811 году. Лишь только успѣлъ я удосужиться, полетѣлъ въ Царское Село. Безъ труда нашелъ я аллею, похожую на ту, въ которой видѣлъ Екатерину; тѣ же деревья, тѣ же зеленые желѣзные скамьи съ сквозными спинками. Я пошелъ вдоль по этой аллеѣ, и очутился предъ волшебнымъ домомъ, въ которомъ изъ подъ полу

является столъ, уставленный блюдами; стоить только написать на аспидной дощечкѣ, чего желаешь, и дернуть за снурокъ колокольчика. Тарелка на аспидной дощечкѣ исчезаетъ, и чрезъ двѣ минуты вновь является предъ тобою съ требуемымъ. Этотъ домъ въ дѣтствѣ моемъ игралъ важную роль въ мечтательныхъ волшебныхъ сказкахъ, которыя я сочинялъ въ воображеніи, а теперь я увидѣлъ, что онъ существуетъ въ самомъ дѣлѣ, и что мнимая мечта была дѣйствительность, превратившаяся въ вымыселъ. И наоборотъ — сколько мечтаній, сколько невольныхъ вымысловъ воображенія вкрадывается въ дѣйствительныя наши воспоминанія! Такъ не знаю, точно ли я слышалъ польской при шествіи Императрицы, или онъ потомъ сдѣлался въ воображеніи моемъ акомпаниментомъ этой картины.

Обрадованный этою находкою, я пошелъ далѣе, и вскорѣ очутился внѣ сада. Вправо тянется на Ижору большая московская дорога, спускаясь съ возвышенія, на которомъ построено Царское Село. Картина прекрасная! Вдали скрывается въ пыли фельдъегерская тройка; за нею тянется обозъ; ближе ко мнѣ идутъ по дорогѣ два солдата въ походной амуниціи; крестьянинъ ѣдетъ на возу; бредутъ бабы съ кузовками. Я подумалъ: жаль, что нѣтъ со мною камеръ-обскуры; вдругъ взглянулъ влѣво, и міръ старинный, давно исчезнувшій, возникъ не въ воображеніи моемъ, а въ существенности. Вотъ

два четвероугольные пруда, раздѣленные перемычкою, съ поднятымъ шлюзомъ; вотъ бумажная фабрика, а вотъ и домъ двухъ-этажный каменный, въ которомъ мы жили. Не могу сказать тебѣ, что я почувствовалъ въ ту минуту! Воспоминанія громадою затолпились въ умъ моемъ. Долго стоялъ я на одномъ мѣстѣ, и не могъ понять самого себя. Мало по малу улеглось волненіе думъ. Я тихо подошелъ къ дому. Смотрю въ окна нижняго яруса, гдѣ мы останавливались. На нихъ стоятъ цвѣты; подлѣ лежатъ книги. Это мнѣ было пріятно. Здѣсь и теперь живутъ люди! подумалъ я. Я вошелъ въ ворота, поворотилъ влѣво къ подъѣзду: тѣ же плиты; вижу на одной слѣды того, что я точилъ на ней дѣтскую лопатку. Вхожу въ сѣни; берусь за знакомую ручку у замка; поворачиваю съ пріятнымъ чувствомъ: теперь это не такъ трудно, какъ тогда. Дверь открывается съ знакомымъ скрипомъ. Я захопываю ее, чтобъ повторить снова. Дверь отворяютъ изнутри; выходитъ миловидная дѣвица, хорошо одѣтая, и спрашиваетъ учтиво: «Кого вамъ, сударь, надобно?» — «Никого, сударыня,» отвѣчалъ я смѣшавшись, и взялся опять за ручку. Въ глазахъ у меня было конечно нѣчто страшное, потому что дѣвица вдругъ сказала мнѣ, испугавшись: «Никого дома нѣтъ, сударь! Не извольте входить.» Тутъ догадался я, какъ странно должно быть мое посѣщеніе, и собравшись съ мыслями, отвѣчалъ: «Извините, сударыня, мою неучтивость!

Мнѣ хотѣлось войти въ комнаты, въ которыхъ я былъ счастливъ за двадцать лѣтъ предъ симъ; гдѣ моя покойная мать. . . .» Голосъ мой прервался. — «Войдите, войдите, пожалуйста!» сказала она съ милою улыбкою: «вы никого не обезпокоите.» Я воспользовался ея приглашеніемъ: вошелъ, и сталъ съ уныніемъ припоминать себѣ прежнія комнаты, гдѣ я игралъ во младенчествѣ. Все измѣнилось: и вмѣсто печи съ размалеванными синею краскою изразцами, вижу печь бѣлую, ничего незначащую. Но въ этомъ мѣстѣ стоялъ диванъ, крытый пестрымъ ситцемъ; передъ нимъ круглый опускной столикъ на одной ножкѣ, и тутъ сиживала матушка съ хозяйкою. — Дѣвица начала говорить: «Двадцать лѣтъ — это очень давно. Многого нѣтъ уже на свѣтѣ.» — «Точно такъ,» отвѣчалъ я: «но доколѣ сердце бьется въ груди человѣка, онъ долженъ чтить память временъ минувшихъ.» Не знаю, поняла ли она меня. Я сказалъ ей еще нѣсколько словъ въ извиненіе моего неожиданнаго посѣщенія, и вышелъ, блаженствуя воспоминаніемъ минувшаго, проливая слезы о томъ, что было, и чего ужъ нѣтъ. —

Сегодня не могу продолжать. Но ты видишь, милый другъ, что мнѣ пора позволить говорить о *быломъ*! Видишь, какъ я умѣю не говорить объ *ней*! И пока дойду до ея эпохи, много испишу бумаги. — Шумъ товарищей не позволяетъ мнѣ продолжать. — До слѣдующей почты!

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Берлинъ, 14 Августа.

Общество наше здѣсь значительно пріумножилось. Лишь только сдѣлалось извѣстнымъ, что пріѣхали русскіе чиновники, множество земляковъ стало къ намъ являться. Здѣсь много нашихъ офицеровъ, на проѣздѣ въ армію и изъ арміи. Есть и нѣсколько знатныхъ семействъ, которыя, не оглядываясь, бѣжали сюда изъ Парижа, при появленіи тамъ Бонапарта. Я познакомился съ Графомъ Д., умнымъ, образованнымъ человекомъ, и его фамиліею. Ты удивишься, не вѣришь этому, зная отвращеніе мое къ посѣщенію домовъ, при входѣ которыхъ стоитъ швейцаръ съ вызолоченною дубинкою. Здѣсь вовсе не то. Наши знатные господа удивительно какъ начинаютъ любить Россію, лишь только выѣдутъ за границу. Всякаго Русскаго принимаютъ на чужбинѣ, какъ друга, какъ роднаго. И мы здѣсь водимся по-братски съ вельможами, которые въ Петербургѣ не удостоятъ насъ и взгляда. Но не совѣтую нашему брату, полуплебею, слишкомъ полагаться на эту ласку. Лишь только упадетъ шлагбаумъ полангенскій за коляскою, привѣтливое лице земляка нашего опять сдѣлается сіятельнымъ, и мы вновь превратимся въ несчастныхъ илотовъ департаментскихъ. Фраза, которою они прикрываютъ перемѣну обращенія своего съ землякомъ, въ чужихъ краяхъ,

есть слѣдующая: Il gagne à être connu (*). Фраза, означающая паденіе нашего курса, мнѣ еще неизвѣстна, но я не премину сообщить ее тебѣ, лишь только узнаю.

Волгинъ все еще нездоровъ. Боимся ѣхать. Репейковъ пропадаетъ по цѣлымъ днямъ. Ивановъ досмерти надоѣдаетъ своими требованіями: непременно хочетъ познакомиться со всею знатью, и чѣмъ нибудь отличиться въ Берлинѣ. Когда его нѣтъ дома, и послышится на улицѣ шумъ, я трепещу всѣмъ тѣломъ. Надѣюсь на офицеровъ нашихъ, которые взялись быть его менторами, и обѣщали намъ, что не дадутъ ему дурачиться. Только бѣ онъ имъ не надоѣлъ: дуракъ забавенъ день, другой, а потомъ непременно наскучить. Впрочемъ замѣть, какъ эти люди ни глупы, а на злость, на мщеніе у нихъ довольно ума, и даже замысловатости. Вообрази, какъ Ивановъ вздумалъ заплатить графинѣ, которая выпроводила его изъ Петербурга: онъ написалъ къ ней отсюда глупѣйшее благодарственное письмо на пребольшомъ листѣ толстой бумаги, и отправилъ по почтѣ. Бѣдная старуха должна будетъ заплатить вѣсовыхъ денегъ вдвое противъ того, что причиталось Иванову!

Я живу здѣсь довольно тихо. Мало выхожу со двора, чтобъ не оставлять бѣднаго Волгина. Онъ утѣшаетъ меня за фортепіаномъ. Тысячу

(*) Чѣмъ короче его узнаешь, тѣмъ болѣе онъ выигрываетъ.

разъ въ жизни сожалѣлъ я, что не учился музыкѣ! Міръ гармоніи есть задатокъ наслажденій лучшаго свѣта. Когда я въ сумерки сижу у окна, и, ничего не видя, смотрю на улицу, гдѣ мелькаютъ незнакомыя мнѣ лица, а Волгинъ между тѣмъ играетъ свои фантазіи, перемѣшанныя съ русскими пѣснями, я забываю этотъ свѣтъ и всѣ его страданія; какое-то томное чувство высшаго бытія разливается въ душѣ моей, и въ необозримомъ туманѣ херувимская головка улыбается мнѣ сквозь слезы. — Другое наслажденіе (и это бываетъ поутру, когда еще всѣ спятъ) есть бесѣда съ тобою.

Стану продолжать начатой рассказъ — доколь не прервутъ его, воспрянувъ отъ сна, дражайшіе мои соотчичи.

Вскорѣ послѣ поѣздки нашей въ Петербургъ, переселились мы въ Саратовъ, гдѣ отецъ мой получилъ хорошее мѣсто. И тамъ началъ я совершенно понимать и себя, и тѣхъ, съ которыми жилъ.

Первоначальное воспитаніе получилъ я въ домѣ родительскомъ. Доброй матери моей обязанъ я познаніемъ нѣмецкаго и французскаго языковъ, а этому познанію всѣми успѣхами моими въ жизни и службѣ. Отецъ мой, воспитанный въ училищахъ духовныхъ, самъ училъ меня языкамъ греческому и латинскому. Чтеніе Гомера и Ювенала, Софокла и Тацита, доставило мнѣ большое наслажденіе, много способствовало къ развитію предъ глазами моими древняго мі-

ра, въ простой и величественной красотѣ его. — Но, повѣришь ли? — обязанный многими наслажденіями языкамъ древнимъ, я не ослѣпленъ на счетъ ихъ важности, и полагаю, что въ нынѣшнее время человѣку и гражданину гораздо полезнѣе учиться языкамъ новѣйшимъ. Латинскій и греческій языки должны быть роскошью ученія, какъ, напримѣръ, арабскій, персидскій, санскритскій. Кто не согласится, что изученіе и этихъ языковъ можетъ принести большую пользу и удовольствіе? Но кто въ то же время не скажетъ, что грѣшно отнимать время отъ изученія предметовъ полезнѣйшихъ для утверживанія вокабулъ, между тѣмъ, какъ творенія народовъ древности можно читать въ переводахъ? Не буквы, не звуки древнихъ намъ дороги и священны, а духъ, мысли, чувства. Кто имѣетъ случай и досугъ, учись языкамъ классическимъ; кто готовится быть филологомъ, тотъ долженъ узнавать ихъ въ подробности; но человѣку и гражданину вообще, предоставляются иные, важнѣйшіе предметы для изученія. И не странно ли употреблять лучшіе годы жизни на мучительное изученіе того, что потомъ непременно должно позабыть! — Не знаю, что произошло бы отъ сего односторонняго обученія, если бѣ Провидѣніе не послало мнѣ третьяго наставника, въ лицѣ двоюроднаго дяди моего по отцѣ, Александра Яковлевича Пятигорскаго, котораго память пребудетъ для меня священной до могилы. Онъ былъ человѣкъ не столь-

ко ученный и образованный, сколько умный, острый и смысленный; пылкй до невѣроятности, но добрый и благодѣтельный. Помню большіе голубые глаза его, которыми онъ приводилъ меня въ трепеть, когда я чувствовалъ за собою какую нибудь вину. Помню и улыбку его, неизъяснимо пріятную, которою онъ выражалъ мнѣ свое удовольствіе. Онъ служилъ въ артиллеріи, отличился въ походахъ шведскихъ необыкновенною храбростію и искусствомъ, но на финскихъ болотахъ схватилъ лихорадку, которою страдалъ до кончины. Онъ принужденъ былъ, вскорѣ по заключеніи мира, выйти въ отставку капитанъ-поручикомъ, пріѣхалъ въ Саратовъ, и поселился у насъ въ домъ. Матушка любила его, какъ роднаго брата. Онъ былъ одинъ человекъ, котораго слушался отецъ мой. Бывало, батюшка отъ какой нибудь бездѣлицы вспылитъ, покраснѣетъ, задрожитъ; думаемъ, не вѣсь что будетъ. Подойдетъ дядя, возьметъ его за руки, и ласково скажетъ: »Братъ, Сергѣй Ивановичъ! что ты? опомнись!» И гнѣвъ отца моего утихнетъ, какъ отъ волшебной силы. «Ну какъ, Саша, не сердиться?» начнетъ онъ опять: «видишь ли...» — «И полно, стоитъ ли этотъ вздоръ, чтобъ умный человекъ только подумалъ о томъ! Разсуди самъ.» — И все пройдетъ. Матушка, бывало, кроткими взглядами сквозь слезы благодаритъ миротворца. — Я прильпился къ нему всею душою. Онъ былъ истиннымъ моимъ наставникомъ. Формально училъ онъ меня только Ариѳ-

метикъ, Алгебръ и Геометріи, по тетрадамъ бывшаго инспектора классовъ въ Инженерномъ Корпусъ, генерала Верещагина (изъ которыхъ штыкъ-юнкеръ Войтяховскій скропалъ свой Курсъ Математики); но сколько получилъ я отъ него уроковъ душевной религіи, нравственности, долга, чести! Я былъ съ нимъ неразлученъ. Ему совѣтовали лечиться кумысомъ, и мы часто ѣзжали съ нимъ въ калмыцкія кочевья, на луговой сторонѣ Волги. Тамъ, въ необозримой степи, подъ величественнымъ шатромъ звѣзднаго неба, бесѣдовалъ онъ со мною о жизни и безсмертіи, о обязанностяхъ человѣка и гражданина; указывалъ на дикихъ сыновъ природы, блуждавшихъ предъ глазами нашими, и переносилъ меня мыслію въ Европу, въ среду просвѣщенія и пороковъ утонченныхъ. Раза два ѣздили мы съ нимъ въ Сарепту, и любовались картиною мирнаго общества, успѣвшаго соединить въ средѣ своей всѣ добродѣтели житейскія; но единообразіе, безстрастіе и неумолимая строгость Гернгутовъ не могли плѣнить души пламенной и поэтической. — Всѣ сіи разнообразныя картины и повѣствованія употребляемы были моимъ наставникомъ въ умственную и нравственную мою пользу. Какъ часто, на сихъ отдаленныхъ прогулкахъ, забывъ предметы ученія земнаго, возносилъ онъ мысли мои къ Престолу Предвѣчнаго, котораго видимая, необозримая храмина разстилалась надъ нами! Блаженные минуты! — Счастливъ тотъ возрастъ, когда сердце человѣ-

ка образовалось уже для пріятія чувствъ вѣры и любви, но закрыто еще для бурныхъ страстей; когда душа его пріемлетъ впечатлѣнія величественныя добродѣтели земной и вѣры небесной, но еще не знаетъ хитростей, именуемыхъ наукою свѣтской жизни; когда юноша во всѣхъ окружающихъ его видитъ друзей и братьевъ! И этотъ истинно поэтическій возрастъ проходитъ какъ тѣнь, и человекъ самъ спѣшитъ выйти изъ сего очарованнаго міра. Холодная рука опыта схватываетъ его, и ввергаетъ въ пучину житейскую. — — Мой выходъ изъ блаженнаго возраста былъ ознаменованъ двумя жесточайшими потерями. Дядя мой вдругъ заболѣлъ опасно. Я не отходилъ отъ его постели. На пятый день болѣзни, когда я одинъ сидѣлъ у него и читалъ какую-то книгу, онъ приподнялся, взялъ меня за руку, и сказалъ: «Митя! не забывай меня!» Въ глазахъ его было что-то страшное, и въ то же время нѣжное. Я его не понималъ, хотѣлъ спросить; но онъ упалъ на подушку, захрипѣлъ и закрылъ глаза навѣки. Ужасное время! И нынѣ, по истеченіи пятнадцати лѣтъ, не могу вспомнить о томъ безъ трепета. Домъ нашъ осиротѣлъ, но еще другой ударъ готовился мнѣ судьбою. Моя добрая, нѣжная мать скончалась чрезъ полгода послѣ дяди. Тщетно и теперь сталъ бы я стараться описать тебѣ то, что тогда чувствовалъ: этому нѣтъ ни имени, ни описанія. И отецъ мой, человекъ твердый, непреклонный, пораженъ былъ симъ вто-

рымъ ударомъ до крайности. При смерти брата онъ былъ печалень, убитъ, но молчаливъ и угрюмъ. Смерть жены какъ бы растопила ледяную кору, которою облекалось его доброе сердце. Слезы его, которыхъ дотолъ никто не видалъ, привели меня въ умиленіе. И онъ, послѣ сихъ жестокихъ ударовъ, какъ бы переродился: сталъ терпѣливъ, кротокъ, снисходителень. Время облегчило нашу горестъ, но не истребило ея. Друзья наши жили въ нашихъ душахъ. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ, чрезъ пять лѣтъ, отецъ писалъ мнѣ: »Иду домой. Жена и братъ ждутъ меня. Помни ихъ, Дмитрій! Памятники ихъ распадутся на кладбищѣ, но любовь безсмертна, какъ душа человѣка.«——И я не забылъ этого наставленія. При каждомъ намѣреніи, при каждомъ начинаніи, думаю о дядѣ, объ отцѣ, о матери, и мысленно прошу ихъ совѣта и благословенія. Въ горести душевной къ нимъ обращаю мои жалобы и слезы. Люди мраморные называютъ это сентиментальностію и суевѣріемъ. Пусть! — Меня всегда огорчаетъ мысль о томъ, какъ легко и скоро люди забываютъ почившихъ друзей своихъ, какъ мало въ свѣтѣ примѣтно ихъ отсутствіе. Такъ непріятельскія ядра вырываютъ солдатъ изъ рядовъ, и офицеръ командуетъ: смыкайте ряды, чтобъ не было интерваловъ! Фронтъ тотъ же, да люди не тѣ. Ты скажешь, что иначе въ свѣтѣ быть не можетъ: согласенъ; но Китайцы одни въ этомъ случаѣ постигли долгъ и потребность ду-

ши человеческой: они поклоняются, какъ боже-
ству, памяти умершихъ своихъ родителей, въ
твердомъ увѣреніи, что смерть не разрываетъ
священныхъ узъ земной природы. — Довольно!
Къ этимъ мыслямъ не могу присоединять дру-
гихъ, и по неволѣ отлагаю продолженіе. —
Прости!

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Берлинъ, 16 Августа.

Вчера кончилъ я письмо въ самомъ уныломъ
расположеніи духа: всѣ раны сердца моего рас-
крылись; но видно, мнѣ суждено играть траге-
дію среднихъ вѣковъ, гдѣ сцены грустныя смѣ-
няются буфонствомъ. И это буфонство пораз-
веселило меня на нѣсколько минутъ. Выслушай.

Волгинъ, играющій у насъ роль хозяина, по-
тому, что онъ *порядочнѣе* всѣхъ насъ, велѣлъ
позвать меня къ чаю, лишь только я кончилъ
письмо. Вхожу въ его комнату. Самъ Волгинъ
сидитъ за чайнымъ столикомъ, въ утреннемъ
сюртучкѣ, повязавъ шею пестрымъ шелковымъ
платочкомъ, вообще одѣтый съ какимъ-то ко-
кетствомъ, но безъ намѣренія. Блѣдность при-
даетъ еще болѣе пріятности милому лицу его.
Репейковъ подлѣ него съ распухлыми глазами,
еще нечесаный и небритый, въ нагольномъ ту-
лупѣ изъ крымскихъ барашковъ, безъ галсту-
ха, наливаетъ рому въ чай: онъ и по утрамъ

пьетъ ромъ съ чаемъ. Далѣе, въ полъ-оборота къ зеркалу, възсѣдить преважно Ивановъ, уже совершенно одѣтый, и обрѣзываетъ городками владимірскую ленточку, которую онъ носитъ въ петлицѣ, въ замѣнъ еще неполученной имъ дворянской медали. — Волгинъ привѣтствовалъ меня просто, дружески, какъ всегда. Репейковъ также поклонился довольно учтиво; но Ивановъ едва кивнулъ головою, и гордо улыбнулся. Я сѣлъ за чай. Продолженіе того же. Странное дѣло! Ивановъ, который бывало бредитъ безъ умолку, какъ сорока, теперь хранить глубокое молчаніе, изрѣдка посматриваетъ съ улыбкою въ зеркало, и ввязавъ ленточку въ петлицу, выдерживаетъ изъ-за галстуха кончики своей манишки. — «Что это значить?» спросилъ я по-французски у Волгина. — «Не знаю,» отвѣчалъ онъ, удерживаясь отъ смѣху: «этотъ господинъ сегодня въ какомъ-то важномъ пароксизмѣ: выпилъ только пять чашекъ чаю, гораздо меньше противъ обыкновенія, и изволилъ скушать только четыре булочки. Въ немъ что-то зрѣетъ.» — «Не спросить ли?» — «Нѣтъ! оставь его: онъ ждетъ вопросовъ, и наше равнодушіе мучитъ его до крайности. Онъ долго не вытерпитъ.» И въ самомъ дѣлѣ Ивановъ началъ поглядывать на насъ попеременно, какъ бы выбирая, съ кѣмъ начать разговоръ. Счастливый жребій палъ на меня. — «Скажите мнѣ, пожалуйста, Дмитрій Сергѣевичъ, какой важнѣйшій орденъ въ Пруссіи, напримѣръ, то есть,

какъ у насъ Андрея?» — «Чернаго Орла,» отвѣчалъ я. — «Чернаго Орла?» повторилъ онъ значительно: «такъ у нихъ голубая лента значить орденъ Чернаго Орла?» — «Не голубая,» сказалъ я: «а оранжевая. Орденъ этотъ носятъ на оранжевой лентѣ.» — «Да по крайней мѣрѣ также чрезъ плечо?» спросилъ онъ съ видимымъ безпокойствомъ. — «Разумѣется!» — «То-то!» И опять погрузился въ думу. Репейковъ хотѣлъ было отвѣсить ему обыкновенный комплиментъ, но мы съ Волгинымъ знаками просили его по-удержаться. — Чрезъ нѣсколько минутъ Ивановъ опять заговорилъ со мною: «А графское достоинство здѣсь такъ же, какъ и у насъ, передается отъ мужа женѣ, а мужу отъ жены?» — «Что за вздоръ!» закричалъ Репейковъ: «видано ли, чтобъ мужъ по женѣ получалъ графство!» — «Извините, Никита Савичъ! если жена послѣдняя въ родѣ,» возразилъ Ивановъ, поднявъ носъ, и придернувъ къ низу жилетъ. Я началъ догадываться. Въ это самое время съ шумомъ входятъ въ комнату двое изъ нашихъ новыхъ пріятелей, маіоръ Рѣжицкій и ротмистръ фонъ-Гриненбергъ, служащій переводчикомъ всѣмъ нашимъ Русскимъ въ Берлинѣ. «Бонъ-журъ! бонъ-журъ!» кричитъ Ивановъ, и кидается обнимать ихъ. «Что графиня? здорова ли? а *ма тантъ*?» — «Слава Богу! слава Богу!» отвѣчаетъ Рѣжицкій пресеріозно: «сегодня зовутъ тебя на вечеръ.» — «Я ужъ одѣлся!» говоритъ Ивановъ: «ахъ, любезнѣйшій монами! Если бъ ты зналъ, какъ я

счастливъ! — Милостивые государи!» началъ онъ преважно, оборотясь къ намъ: «по рекомендаціи Василья Петровича Рѣжицкаго и Андрея Адольфовича фонъ-Гриненберга, познакомился я здѣсь, въ Берлинѣ, въ одномъ знатномъ домѣ, у Графини Бернаръ, и успѣлъ внушить нѣжныя чувства ея племянницѣ, Эмилиі фонъ, фонъ — какъ бишь! — ну все равно, только она въ родѣ своемъ послѣдняя, и мужу своему передаетъ графское достоинство, орденъ Чернаго Орла и богатѣйшія помѣстья въ новозавоеванной у Французовъ области Минхгаузенъ.» Сказавъ сіи слова, онъ съ важностію поклонился. Мы съ громкимъ смѣхомъ стали поздравлять его, догадываясь, что это шутка шалуновъ офицеровъ. И дѣйствительно: Рѣжицкій растолковалъ мнѣ потомъ, что они выдумали средство удержать Иванова въ предѣлахъ благочинія, увѣривъ его, что въ него влюбилась графиня, и что онъ, для полученія ея руки, долженъ вести себя чинно и благопристойно. Не спрашивай, откуда взялась и графиня, и та tante. Чрезъ полчаса, всѣ, кромѣ Волгина и меня, скрылись. День былъ прекрасный. Мы съ Волгинымъ, которому уже позволяютъ изрѣдка прогуливаться, пошли *Подъ Липы*. Берлинъ городъ правильный, чистый, прекрасный; но въ новой его части (Фридрихсштатъ) все что-то форменное, шеренговое. Улицы прямыя, дома высокіе, однообразные. Есть зданія великолѣпныя. Болѣе всего мнѣ нравится то, что университетъ помѣщается въ огромномъ, величествен-

номъ дворцѣ (Принца Генриха), наравнѣ съ царскими палатами. Старый городъ построенъ неправильно: улицы узкія, кривыя; дома разнообразны; но въ этой постройкѣ видна нѣмецкая національность, и она мнѣ нравится. Вообще я люблю во всякомъ народѣ то, что ему принадлежитъ искони, что дано ему самою природою, или сдѣлалось его собственностію въ теченіе времени. Всякая искусственная иноземная примѣсь кажется мнѣ несносною. — Мы посѣщаемъ и театръ съ большимъ удовольствіемъ. Иванову офицеры запретили входъ въ театръ, увѣривъ, что это не въ тонѣ. Не повѣришь, какъ мы благодарны этимъ добрымъ шалунамъ! Я обязанъ имъ сегодня удовольствіемъ, котораго давно не имѣлъ — посмѣяться отъ чистаго сердца. Это мнѣ нужно было въ горестномъ моемъ расположеніи. Есть люди, которые говорятъ, что страданія пріятны. Я это не очень понимаю, и охотно отказался бы отъ страданій, уничтоженіемъ побудительной къ нимъ причины; но то замѣтилъ я, что иногда бываетъ совѣстно смѣяться и веселиться. Это случилось со мною теперь. Я посмѣялся, а потомъ сталъ сердиться на себя за этотъ смѣхъ, хотя и чувствовалъ, что послѣ того стало легче на сердцѣ. — Займусь продолженіемъ моей исторіи. Нынѣ надѣюсь исписать цѣлую тетрадь.

Кончина дяди и матери все у насъ въ домъ разстроила и перемѣнила. Отецъ мой не могъ одинъ заниматься моимъ воспитаніемъ, и на шестнадцатомъ году отъ роду я былъ отправленъ въ Москву, къ одному родственнику, служившему при университетѣ. При самомъ вступленіи въ гимназію, познакомился и подружился я съ тобою. Нужно ли описывать тебѣ послѣдовавшія пять лѣтъ моей жизни? Ты помнишь, какъ я жилъ, какъ учился; ты видѣлъ, какъ твердо исполнялъ я завѣтъ родителей, старался быть правдивымъ, честнымъ и снисходительнымъ къ ближнему. Ты помнишь, какъ я вздумалъ было влюбиться въ профессорскую дочку, Наташу Музину, какъ и она отвѣчала мнѣ взаимною склонностію. Вдругъ, къ счастью моему и, вѣроятно, также къ Наташину, явился у насъ въ Москвѣ драгунскій майоръ Дергачевъ, плѣнилъ легіонъ красавицъ, а самъ плѣнился Наташею. Она, не задумавшись, измѣнила безбородому студенту, и я съ геройскимъ видомъ держалъ надъ нею брачный вѣнецъ, на зло всѣмъ товарищамъ, которые издѣвались надъ моею страстью! Но это была не страсть, не любовь, а неизбежная вспышка молодой, пылкой души. Не помню, кто-то сказалъ: вторая любовь человека есть истинная; первая же бываетъ обыкновенно данію возникающей чувственности, и это я въ полной мѣрѣ испыталъ надъ собою.

Въ тотъ самый день, когда я, кончивъ курсъ университетскаго ученія, получилъ аттестатъ,

пришло извѣстіе о кончинѣ почтеннаго моего родителя. Я совершенно осиротѣлъ въ міръ. При первой возможности полетѣлъ я въ Саратовъ, и бросился на хладные камни, подъ которыми скрывались останки людей, мною пламенно любимыхъ. Отецъ мой былъ похороненъ подлѣ дяди, но могила матушки была на кладбищѣ иновѣрческомъ. Это мнѣ было больно. Какъ ни толкуй о томъ, что тѣло человѣческое есть прахъ и тлѣніе, что все равно, гдѣ бы ни было оно погребено, но я желалъ бы, чтобъ сердце мое улеглось въ сырой землѣ подлѣ сердецъ ему близкихъ, чтобъ пепелъ мой смѣшался съ пепломъ, оживлявшимся тѣми душами, которыя должны встрѣтить меня въ обители надзвѣздной.

Я воротился въ Москву, вновь увидѣлся съ тобою, и на груди твоей нашелъ не забвеніе, а облегченіе моей грусти. Помнишь ли Нескучное? помнишь ли Горенки? — Послѣдовавшія пять лѣтъ жизни моей въ Москвѣ извѣстны тебѣ, можетъ быть, еще болѣе, нежели мнѣ самому. Въ началѣ 1811 года ты уѣхалъ въ Рязань. Я не могъ оставаться въ Москвѣ, гдѣ душа моя не успѣла породниться съ другою душею; гдѣ моя безпокойная дѣятельность не находила себѣ пищи. Попытки мои въ литературѣ были неудачны. Я начиналъ многое съ жаромъ; истощалъ все воображеніе, все чувство на первыя строки, и оканчивалъ слабо, сухо и холодно. Одна злодѣйская критика отбила у меня всю охоту къ поэзіи, и потомъ надлежало запылать всей душѣ

моей, чтобъ память пріискала нѣсколько риѣмъ не самыхъ убогихъ. Въ то самое время, когда я сильно досадовалъ на самого себя за то, что вздумалъ себя *печатать*, получилъ я приглашеніе ѣхать въ Петербургъ, гдѣ мнѣ предлагали хорошее мѣсто. Я ни минуты не колебался, поѣхалъ, и на пятый день остановился у Демута. Въ то время довершалось образованіе многихъ новыхъ департаментовъ; искали людей съ познаніями, и я безъ труда опредѣленъ былъ на штатное мѣсто. Въ департаментъ занимался я только съ девяти до трехъ часовъ утра, и могъ въ остальное время дѣлать, что мнѣ угодно. Начальники были у меня добрые; въ числѣ сослуживцевъ нашелъ я нѣсколько отличныхъ людей, между прочими милаго Волгина. Такъ думалъ я провести жизнь свою, между дѣломъ и бездѣльемъ. Думалъ, но не хотѣлъ: безпокойная душа моя всегда чего-то искала. Пишешь бывало: 20-го Января, и думаешь: что-то будетъ 1-го Февраля? — какъ бы скорѣе дожить, а вѣрно что нибудь да будетъ. Единообразіе службы моей еще болѣе разжигало эту тоску неизвѣстности. Безконечное, вѣчное изготовленіе бумагъ по одной и той же формѣ надоѣдало мнѣ до крайности. Я съ жадностью хватался за все, что хотя нѣсколько выходило изъ обыкновеннаго круга; удивлялся и завидовалъ тѣмъ людямъ, которые въ состояніи просидѣть шесть часовъ на одномъ мѣстѣ, и непрерывно заниматься ужаснѣйшимъ вздоромъ; въ три часа посмотре-
тъ

на часы, и, сказавъ: пора объдать, замкнуть дѣла въ ящикъ, и поплестись домой, чтобъ завтра опять вскатывать на гору Иксионово колесо безъ повозки.

Вдругъ одно неожиданное посѣщеніе произвело нѣкоторую перемѣну въ моей безцвѣтной жизни. Въ Петербургъ пріѣхала изъ Воронежа двоюродная тетка моя, сестра Александра Яковлевича, Агаѣя Яковлевна Крымцова, съ мужемъ. Они остановились у меня. — Тетушка моя принадлежитъ къ тому ужасному виду женскаго пола, который извѣстенъ въ свѣтѣ подъ названіемъ *бой-баба*. Она неумолкная болтуня, прихотливая, упрямая, дерзкая и властолюбивая, но притомъ имѣетъ доброе сердце, услужлива и сострадательна. При всѣхъ этихъ хорошихъ качествахъ, я не могу ей простить, что она, сестра Александра Яковлевича, такъ мало на него походитъ. Мужъ ея, Иванъ Ильичъ Крымцовъ, коллежскій совѣтникъ и Святѣя Анны втораго класса кавалеръ, есть также образцовое произведеніе не природы, а случая. О немъ можно сказать: въ чернилахъ крещенъ! Онъ служитъ тридцать лѣтъ въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, трудится съ утра до вечера, пишетъ всѣ опредѣленія самъ, знаетъ наизустъ всѣ указы, и приводитъ ихъ кстати и некстати, беретъ взятки безъ зазрѣнія совѣсти, и притомъ человѣкъ добрый, услужливый, и можно сказать, честный. Какъ! возразишь ты: взяточникъ и честный человѣкъ? Это сочетаніе отнюдь не есть новоз-

мoжнoсть. Крyмцевъ прoисхoдитъ изъ пoдьячe-
скагo плeмeни; съ юныхъ лѣтъ привыкъ слy-
шатъ толки и сyждeнiя o бeзгрѣшныхъ дoхo-
дахъ, o блaгoдaрнoсти челoбитчикoвъ, и т. п.,
привыкъ къ этoмy, какъ сынъ вoинa, слyшaю-
щiй рaзсказы oтца свoегo o крoвoпрoлитiяхъ,
пoжарахъ и грaбeжахъ. Онъ пoчитaeтъ грaждaн-
скyю слyжбy рeмeслoмъ, нeрaзлyчнымъ съ плa-
тoю, и нe видeтъ ни какoгo пoрoкa въ пoлyчe-
нiи спрaвeдливaгo вoзмeздiя. Взявъ блaгoдaр-
нoсть, онъ удѣляeтъ изъ нея частъ бѣднымъ
рoдствeнникaмъ, рaздaeтъ нищимъ, и т. п. Но
какъ сoгласyeтъ онъ такiя пoнятiя съ зaкoнaми o
лиxoимствѣ? Oчeнь лeгкo и удoбнo. Онъ пoлa-
гaeтъ, чтo эти зaкoны истoргнyты y прaвитeль-
ствa стoличными дѣльцaми, бoящимися сoрeвнo-
вaнiя прoвинциaльныхъ, и чтo глaвнѣйшiй дoлгъ
чиoвникa всячeски бeрeчься, чтoбъ нe пoпaeтъ
въ прoсакъ. Бyдь тoлькo чистъ на бyмaгѣ! гo-
вoритъ Ивaнъ Илiчъ. Прeданiе сyдy, нaкaзaнiе
зa взятки и тoмy пoдoбныe слyчaи, считaютcя
y этихъ гoспoдъ нeсчaстiемъ, такимъ, какъ нa-
примѣръ, парaличъ, глyхoтa и т. п., и пoдвeрг-
шiйся прeслѣдoвaнiю зaкoнoвъ вoзбyждaeтъ въ
нихъ нe дoсaдy или прeзрѣнiе, a сaмoe нѣжнoe
сoбoлѣзнoвaнiе. «Сeгoднa тебѣ, a зaвтpa, мoжeтъ
быть, и мнѣ!» дyмaютъ oни. Бoльшoю рeкoмeн-
дaцiею слyжитъ Ивaнy Илiчy eгo блaгoрaзyм-
ная мoлчaливoсть, сoпpoвoждaeмая вaжнoю ми-
нoю. Всѣ пoлaгaютъ, чтo онъ бeзпрeстaннo рaз-
мышляeтъ, нo o чeмъ, тo eщe никoмy нe из-

вѣстно. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для исхodataйствованія себѣ мѣста вице-губернаторскаго, а тетушка, при сей оказіи, привезла четверыхъ недорослей и двоихъ сосѣдскихъ дочерей, для опредѣленія въ корпусы и въ монастырь, да нѣсколько крѣпостныхъ дѣвокъ, для раздачи на воспитаніе мадамамъ въ модные магазины. И весь этотъ звѣринецъ остановился у меня. Съ утра до ночи крикъ, шумъ, бѣготня, брань, эхо пощечинъ! Тетушка выдрала себѣ на папилютки нѣсколько листочковъ изъ моего прекраснаго изданія Горація, и вырѣзала выкройку изъ карты Франціи, которую я не успѣлъ велѣть наклеить на холстъ. Варвары! — Къ дядюшкѣ приходятъ въ гости старые знакомцы и сослуживцы, съ которыми я побоялся бы встрѣтиться ночью въ глухомъ мѣстѣ. Однажды, вечеромъ, возвращаясь домой, всхожу на лѣстницу, и слышу ненавистный мнѣ запахъ пуншу, производшій во мнѣ отвращеніе къ ученымъ бесѣдамъ въ Москвѣ. Вхожу въ гостиную. Тетушка, разливая чай и пуншъ, сидитъ съ какою-то кумою, отысканною на Пескахъ, бесѣдуетъ о своей горькой участи, и плачетъ. Дядя въ разговоръ съ полицейскимъ офицеромъ, который когда-то былъ у него писаремъ въ Воронежѣ, а нынѣ управляетъ кварталомъ въ Петербургѣ, и въ числѣ обывателей своихъ имѣетъ чиновника, завѣдывающего раздачею мѣстъ вице-губернаторскихъ. Теперь дядя ищетъ въ немъ протекціи! Они толкуютъ о политикѣ. Чего я не наслушался въ

этотъ вечеръ! Общій разговоръ наконецъ обратился на комету, которая тогда видима была на небѣ, и всѣ единогласно рѣшили, что комета сія есть знаменіе Божія гнѣва на грѣшный родъ человѣческій, и предвѣщаетъ кровопролитную войну. Я имѣлъ глупость возражать этимъ мудрецамъ среднихъ вѣковъ, нажилъ себѣ названіе безбожника и фармасона, и въ послѣдствіи еще принужденъ былъ согласиться съ суевѣрами, когда возгорѣлась война въ 1812 году! — Величайшее мученіе вытерпѣлъ я съ своими роденьками въ театрѣ, и какъ этимъ происшествіемъ завязывается нить послѣдовавшихъ затѣмъ судебъ моихъ, то и долженъ я описать эту сцену какъ можно подробнѣе.

Когда старики отдали надлежащее число самыхъ необходимыхъ визитовъ своимъ благодѣтелямъ, и тетушка разговала своихъ пріемышей, вознамѣрились они ѣхать въ театрѣ, и просили меня быть ихъ путеводителемъ. Для представленія тебѣ этого карикатурнаго вечера во всей точности, я долженъ сообщить и портреты дѣйствовавшихъ лицъ. Вообрази себѣ тетушку, невысокаго росту, претолстую женщину, съ широкимъ плоскимъ лицомъ, полу-калмыцкимъ носомъ и совершенно китайскими глазами; на носу и на подбородкѣ по бородавкѣ, осѣненной сѣдымъ пушкомъ. Волосы взбиты подъ огромнымъ развѣвающимся чепцомъ съ крыльями; платье пунцовое, шаль яркоголубая. И въ этомъ костюмѣ она переваливается съ боку на бокъ,

какъ утица златокрилая. Супругъ ея, Иванъ Ильичъ, маленькій, худенькій человѣчекъ, съ неподвижнымъ форменнымъ лицомъ: оно не рябое, а истыкано чѣмъ-то, какъ будто тупымъ перомъ. Онъ причесанъ, въ пукляхъ и напудренъ. Аннинскій крестъ возлежитъ на бѣломъ атласномъ, вышитомъ цвѣточками камзолѣ. Дядя часто повертываетъ голову то въ ту, то въ другую сторону, съ значительнымъ видомъ, но весьма медленно, и при каждомъ оборотѣ нюхаетъ табакъ. И въ этой компаніи, сопровождаемой ласкемъ въ изорванномъ сюртукѣ съ галунами, отправился я въ ложу втораго яруса въ Маломъ Театрѣ. Что я вытерпѣлъ въ этотъ вечеръ! Началось съ того, что при входѣ въ ложу тетушка, не дождавшись, чтобъ я приподнялъ скамейку, занесла ногу и перешагнула, но не зная, что передъ скамейкою есть уступъ, потеряла равновѣсіе, и упала лицомъ на подушку, покрывающую перила: «Ахъ, Мати Божія!» закричала она громогласно. Всѣ зрители, которыхъ было въ театрѣ уже довольно, оборотились къ нашей ложѣ, и увидѣвъ карикатурную старуху, покраснѣвшую отъ испугу, захопали. Къ счастью, мои провинціалы и не замѣтили, что это было на ихъ счетъ. Усѣлись. Я занялъ мѣсто на второй скамейкѣ, прижимаясь въ уголъ. Вдругъ тетушкѣ сдѣлалось жарко; она спустила съ плечъ салопъ, оборотилась къ полуоткрытой двери въ коридоръ, и закричала: «Ониська! подь сюда, мошенникъ!» — «Тетушка!» сказалъ я: «позвольте,

я сниму салопъ, и отдамъ ему.» — «Что ты, батюшка, Дмитрій Сергѣевичъ! перекрестись! Что баловать этихъ дармоѣдовъ. Чай заснулъ, бестія? Стоя спать, мой батюшка! Этакой негодяй!» Наконецъ явился Ониська, и получилъ барынинъ салопъ съ родительскимъ увѣщаніемъ не садиться подъ лампою и не спать. Потомъ сняла она съ себя перчатки, распахнула шаль и косынку, вынула изъ огромнаго ридикюля пребольшое яблоко, и начала кушать на здоровье. Можно вообразить, какое дѣйствіе эта картина произвела въ сосѣднихъ ложахъ. По правую руку сидѣлъ съ семействомъ одинъ изъ нашихъ начальниковъ отдѣленія, человѣкъ степенный и добрый: и онъ не могъ удержаться отъ смѣху. По лѣвую руку, ближе къ сценѣ, были незнакомые: въ первомъ ряду мужчина и дама въ лѣтахъ, и дѣвица, сколько можно было судить по наряду; она сидѣла ко мнѣ спиною; во второмъ ряду, двое молодыхъ людей. По движеніямъ дѣвицы, и по укорительнымъ на нее взглядамъ пожилой дамы, видѣлъ я, что она, какъ говорится, помирала со смѣху. Забавно, думалъ я, сидѣть въ одной клѣткѣ съ такими куріозами! Играли Эдипа. Шушеринъ, Яковлевъ, Семенова восхищали публику. Мои любезные спутники ничего не понимали. Тетушка, то грызя яблоко, то помахивая клѣтчатымъ платочкомъ, разглядывала публику въ партеръ и въ ложахъ, а дядя, смотря съ безсмысленнымъ равнодушіемъ на сцену, понюхивалъ табакъ. Я, прижавшись въ уголокъ,

не видѣлъ сцены, а повторялъ въ умѣ стихи Озерова, и, признаюсь въ слабости—разглядывалъ сосѣдку нашу, незнакомую дѣвицу. Я часто забавляюсь такими задачами. Идучи, напримеръ, за неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ, по улицѣ, я стараюсь, по его походкѣ, движеніямъ, одеждѣ, причeskѣ, составить портретъ лица его, и отъ давнишней въ этомъ опытности, рѣдко ошибаюсь. Удивительно, какое соотношеніе имѣютъ между собою движенія человѣка, поступь, ухватки, ростъ, выраженіе лица. Даже, кажется, и платье на одномъ уляжется такъ, а на другомъ иначе, и впечатлѣніе цѣлаго выражается въ маломъ видѣ лицомъ. Такъ я и теперь разсматривалъ эту дѣвицу, и сочинялъ ей лице. На ней лѣтняя шляпка съ цвѣтами; изъ подъ шляпки выются темнокаштановые кудри. Ушки маленькія, прильнувшія къ головкѣ: это хорошо, я не люблю большихъ, оттопырившихся ушей. Она спустила шаль, не турецкую, а какую-то попроще, и прелестнѣйшій станъ, облитый бѣлымъ платьищемъ, мнѣ представился. Плечики низпадаютъ волнистою линіею красоты. Талія несравненная. Спинка, какъ у Венеры Медицейской. Вотъ она поднимаетъ правую руку, досадно, въ бѣлой перчаткѣ, но ручка маленькая, въ рукѣ батистовый платокъ съ мѣткою L. Какъ хороша, какъ миловидна должна быть эта дѣвица! Вотъ она утираетъ слезу, извлеченную стихомъ Антигоны. Она понимаетъ, чувствуетъ прелесть стиховъ, сострадаетъ и вымышлен-

нымъ бѣдствіямъ! Вотъ она говоритъ что-то съ сѣдкѣ — и по-французски. Это досадно! Она конечно Русская, и въ русскомъ театрѣ, при представленіи русской трагедіи, говоритъ по-французски! Богъ съ тобою, точеная куколка! Я серьезно на нее осердился — Въ это время мнѣ было почти пріятно, что Иванъ Ильичъ заговорилъ со мною. — «Позвольте спросить, почтеннѣйшій: съ окладовъ, получаемыхъ господами актрисами, производится ли равномерно вычетъ на госпиталь?» Я не имѣлъ времени сказать: не знаю; громкій смѣхъ изъ сосѣдней ложи, гдѣ сидѣлъ начальникъ отдѣленія, былъ отвѣтомъ. Я смѣшался; но въ это время тетушка завидѣла въ партерѣ знакомаго квартальнаго, и громко закричала, перевѣсясь за перила: «Кирила Григорьевичъ! все ли въ добромъ здоровьѣ? Къ намъ милости просимъ!» Этимъ довершились мои терзанія. Поднялся общій хохотъ. Всѣ зрители обратились къ ложѣ. Вижу движеніе и между полиціею. «Тетушка, матушка! что вы дѣлаете? это вовсе не прилично!» — «Ахъ, отецъ родной! Да что это у васъ за политика, и съ пріятелемъ не поздоровайся! Велика бѣда!» Въ это время раздался на сценѣ громовой ударъ, поражающій Креона. «Ахъ, Боже милосердый!» вскричала тетушка, крестясь: «съ нами крестная сила! Да здѣсь, пожалуй, еще пожаръ будетъ. Окаянные, прости Господи! — Нѣтъ, Дмитрій Сергѣевичъ! Калачемъ не заманишь меня въ другой разъ. Входя, чуть шею не сломила; теперь

до смерти перепугали, да и съ пріятелемъ нельзя слова перемолвить. Поѣдемъ, батюшка, Иванъ Ильичъ! И забава-то бусурманская! Покланяются какимъ-то болванамъ. Эй, Ониська, салопъ!» Это было проговорено съ удивительною скоростью. Я не успѣлъ оглянуться, какъ мы уже были въ корридоръ. Мнѣ жаль было не второй пьесы, а милой сосѣдки, съ которою я успѣлъ уже помириться за французскій языкъ. Когда мы выходили изъ ложи, она поворотила къ намъ головку, но я не могъ ея видѣть въ лице.

Такая мучительная жизнь продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Мнѣ опротивѣло самое жилище мое, бывшее дотолъ пріютомъ мира и тихихъ занятій. Я не могъ ни одного вечера спокойно просидѣть дома, и по неволѣ долженъ былъ искать не развлеченія, а успокоенія въ гостяхъ. Я сталъ посѣщать бывшихъ университетскихъ товарищей моихъ, просиживалъ съ ними вечера, и возвращался домой часу въ десятомъ, когда постояльцы мои давно уже спали. Въ пять часовъ утра начинался содомъ. — Я никогда не могъ постигнуть хвальной многими добродѣтели вставать рано. Понимаю, что очень пріятно и полезно вставать рано лѣтомъ, въ деревнѣ, чтобъ заняться сельскими работами или прогуляться, и въ городѣ, когда есть дѣло важное, требующее тишины и досуга. Но вставать рано, такъ, чтобъ ничего не дѣлать, или дѣлать то, что можно сдѣлать и позже — что это за выгода, что за добродѣтель? — «Я всегда въ

пять часовъ на ногахъ!» — говоритъ иной съ самодовольнымъ видомъ. «Да что ты дѣлаешь, несчастный?» — Брѣюсь! — У людей, занимающихся хозяйствомъ домашнимъ, особенно у женщинъ — встать рано, накричать и перебраниться со всѣми — есть необходимая добродѣтель. Только тѣмъ, говорятъ, и домъ держится! — Тетушка моя вскорѣ замѣтила, что я возвращаюсь по вечерамъ домой очень поздно, и вообразила, что я развратился, цѣлыя ночи проигрываю въ карты, пью, и т. п. Въ пылкомъ ея воображеніи составилаь полная картина похождения блуднаго сына. Однажды, поутру, за чаемъ, нашелъ я ее въ сильномъ разстройствѣ: глаза ее распухли и покраснѣли; она умильно посматривала на образъ въ переднемъ углу комнаты, крестилась и приговаривала: «Спаси, Господи, люди твоя!» Со мною не говорила она ни слова. Я терпѣлъ, терпѣлъ, наконецъ спросилъ: «Что съ вами сдѣлалось, тетушка? Ужъ не больны ли вы?» Она только того и ждала. Вдругъ полился ніагарскій водопадъ упрековъ, совѣтовъ, брани, просьбъ, вздоховъ и слезъ. — Не скоро догадался я, въ чемъ дѣло; но когда узналъ, что этому виною позднія мои возвращенія, то едва удержался отъ смѣху. Никакъ не могъ я увѣрить строгой блюстительницы нравовъ, что десятый часъ у насъ отнюдь не считается позднимъ часомъ, что во многихъ, самыхъ нравственныхъ и богобоязненныхъ домахъ гости съѣзжаются не прежде этого времени, и т. д. Куда! Те-

тушка и слышать не хотѣла; бранила, бранила, и наконецъ объявила, что одно средство не избаловаться есть — жениться. — «Хорошо!» сказалъ я: «да чтобъ жениться, надобно имѣть не вѣсту, а я еще не нашелъ.» — «Только-то, отецъ родной?» вскричала съ восторгомъ тетушка: «за этимъ, Митенька, душа моя, дѣла не станетъ. Обними меня, дружечекъ, одна моя отрада!» Обняла меня, и горько зарыдала, такъ, что эта любовь ея истинно и меня тронула. Я не стыжусь въ томъ признаться! Къ несчастію, мы слишкомъ много обращаемъ вниманія на пустыя наружности. Тетушка дѣлала и говорила все это конечно по непреодолимой въ женщинахъ охотѣ сватать, но притомъ оказывала самую искреннюю ко мнѣ привязанность. Правда, способъ ея выраженія былъ не самый нѣжный, не нынѣшній; но должно смотрѣть на дѣло: если бѣ благовоспитанная, холодная, чопорная барыня по-французски объявила мнѣ, что совѣтуетъ *сдѣлать партію*, это было бы вовсе не смѣшно: почему жъ было не принять этого желанія, выраженного *по-степенному*, но со всѣмъ пламенемъ родственной любви?

Исторію сватовства расскажу въ слѣдующемъ письмѣ. Я долженъ кончить! Сію минуту присылаетъ за нами посланникъ нашъ. Видно, получимъ новое назначеніе.

Чрезъ два часа. Я не ошибся. Получено приказаніе отправиться далѣе, въ Дрезденъ. Волгинъ также рѣшился ѣхать. Пребываніе въ Бер-

линь сблизило насъ еще болѣе прежняго; онъ не хочетъ разставаться со мною: ѣдемъ въ одной коляскѣ. Иванова отправляемъ съ Репейковымъ; пусть они подерутся: одинъ своимъ звѣрствомъ, другой глупостью крайне намъ надобли. — До привала — прости!

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Дрезденъ, 20 Августа.

Гдѣ я? гдѣ я, другъ мой? Третьяго дня былъ я еще посреди сыпучихъ песковъ бранденбургскихъ, а нынѣ очутился въ другомъ поясѣ, въ другомъ мірѣ! Климатъ, воздухъ, земля, все иное, все полуденное. Душа нѣжится, не одно тѣло. Удивительный переѣздъ въ двадцать четыре часа! — Боже мой! зачѣмъ ея здѣсь нѣтъ? зачѣмъ она, небесная, не дышитъ этимъ райскимъ воздухомъ? — —

Мы пріѣхали сюда вчера къ обѣду, и тотчасъ явились къ здѣшнему русскому генералъ-губернатору. Въ канцеляріи его предъявили намъ приказаніе главнокомандующаго, чтобъ двое изъ насъ немедленно отправились въ главную квартиру нашей арміи, во Франціи, а двое остались въ Дрезденѣ впредь до приказанія. Мнѣ, какъ старшему, позволено было сдѣлать выборъ. Я спросилъ Репейкова и Иванова, не угодно ли имъ ѣхать. Они были очень довольны моимъ предложеніемъ, и тотчасъ собрались въ дальнѣйшій путь. Мы съ Волгинымъ остаемся въ

Дрезденъ, къ большому нашему удовольствію: этотъ городъ намъ очень понравился.

Ты спросишь, можетъ быть, чѣмъ кончились походы Іванова съ послѣднею въ своемъ родѣ графинею? Право, не знаю. Только наканунѣ нашего отъѣзда, онъ воротился домой въ большомъ разстройствѣ, не хотѣлъ ни съ кѣмъ промолвить слова, и очень обрадовался, узнавъ, что на другое утро должно выѣхать изъ Берлина. Видно, порядкомъ проучили.

Дрезденъ драгоцѣненъ мнѣ тѣмъ, что здѣсь родилась и провела молодая моя незабвенная мать. У ней не осталось здѣсь родственниковъ, но мнѣ кажется, будто дрезденскіе жители мнѣ не чужіе. Особенно трогаетъ меня здѣшнее нарѣчіе: оно не самое чистое и гармоническое — но имъ говорила матушка! Хозяйка дома, гдѣ мы остановились, иногда употребляетъ слова и обороты, которые меня приводятъ въ трепетъ. Я привязался сердцемъ къ старушкѣ, и, къ большому ея удовольствію, сталъ называть ее *Zantchen*. — Мы, вѣроятно, проживемъ здѣсь недѣли двѣ. Стану писать къ тебѣ непрерывно. Скоро доберусь я до блаженнѣйшаго періода въ моей жизни!

Вскорѣ увидѣлъ я, какъ неосторожно поступилъ, давъ слово тетушкѣ, но дѣлать было нечего. На другой день, за чаемъ же, объявила она мнѣ весьма многорѣчиво, что отыскала для меня прекраснѣйшую невесту, въ домѣ бывша-

го губернатора ихъ провинціи, Графа Сугрובה, воспитанницу жены его, сиротку, оставленную ей на попеченіе покойнымъ братомъ, Княземъ Люлинымъ, убитымъ въ италіянскомъ походѣ. Пятьдесятъ тысячъ приданого *чистаганомъ*, тысячъ на двадцать вещей, т. е. брилліантовъ, золота, серебра, платья и проч. Сама невѣста осмнадцати лѣтъ, воспитана въ лучшемъ пансіонѣ, говоритъ по-французски, танцуетъ и играетъ на фортепіанѣ. «Чего жъ тебѣ больше?» прибавила тетушка: «а всего важнѣе коннекція съ знатными, протекція по службѣ. Нѣтъ для этого лучше, какъ жениться на воспитанницѣ изъ важнаго дома. Къ намъ пріѣзжаетъ каждую весну одинъ чиновникъ, Евдокимъ Романовичъ, фамилью позабыла, осматриваетъ имѣнне Графа Устрицына въ нашей губерніи, и проживаетъ въ деревнѣ мѣсяцевъ по осьми. Жена у него премиленькая, воспитанница графа. Только каждый годъ онъ является съ новымъ чиномъ или орденомъ. У насъ, въ Воронежѣ, надъ этимъ простые люди посмѣиваются: хороша де служба, мѣсяца четыре въ годъ, а онъ, батюшка, и ухомъ не ведетъ. Того и смотри, что къ намъ же прикатитъ губернаторомъ. Вотъ что значитъ протекція!» Мнѣ предосадно было слушать этотъ вздоръ, тѣмъ болѣе, что тетушка говорила сущую правду; но я связанъ былъ словомъ, и долженъ повиноваться. Мало по малу привыкъ я къ этой мысли. Ну что жъ? думалъ я. Можетъ быть, и эта дѣвушка одарена отъ природы до-

брымъ сердцемъ, умна, образована, хороша собою. Почему не быть ей доброю женою? Къ тому же я не столько думаю о томъ, что у ней есть приданого, сколько о томъ, чего нѣтъ, т. е. о роднѣ. Мнѣ желалось бы имѣть жену для себя, жениться на одной, а не на толпѣ тетушекъ, сестрицъ, дядюшекъ, племянницъ. Эти же воспитанницы обыкновенно бываютъ одинокія. О протекціи тетушка говоритъ также не безъ основанія. Мнѣ надоѣло столоначальничество; сто разъ негодовалъ я на себя, что не пошелъ хоть по педагогической части; тамъ есть какое нибудь разлеченіе, а тутъ! Что бы получить хорошее мѣсто, видное, съ карьерою? — Теперь я стыжусь этихъ глупыхъ мыслей; но тогда сердце мое было не занято, и я думалъ, что оно всегда останется свободнымъ отъ постоя, съ легкой руки вѣтреницы Наташи.

Я отправился съ тетушкою въ домъ Графини Сугробовой. Насъ встрѣтилъ у дверей швейцаръ довольно грубо, и не обращалъ вниманія на низкіе поклоны Агаѣи Яковлевны. Она вошла въ швейцарскую, чтобъ предъ черепкомъ зеркала, обклееннымъ желтою шпалерною бумагою, поправить чепчикъ, а швейцаръ, не звоня въ колокольчикъ, которымъ обыкновенно возвѣщаютъ о пріѣздѣ значительныхъ гостей, сказалъ сонному лакею: «Поди, Степанъ, скажи Акулинъ Дмитріевнѣ, доложить барынѣ, что воронежская пріѣхала.» Вскорѣ ввели насъ въ запыленную залу, уставленную штофною мебелью половины

XVIII вѣка. Паркетный полъ во многихъ мѣстахъ разщелился. Въ узкихъ простѣнкахъ тянутся до потолка тусклыя зеркала. Занавѣсы штофныя, мертваго цвѣта; изъ складокъ выглядываютъ пунцовыя полосы, укрывшіяся отъ вліянія солнечныхъ лучей. Люстры въ темно-сѣрыхъ чахлахъ, изъ бѣлой матеріи. Въ углу залы балансируетъ на одной ножкѣ полотеръ безъ кафтана. Извиненіемъ этому порядку вещей можетъ служить то, что барыня, по причинѣ нездоровья, должна была воротиться съ дачи въ городъ среди лѣта — это доложилъ намъ введеншій насъ Степанъ. Тетушка съ нимъ очень коротко знакома еще по Воронежу, и зоветъ его Степаномъ Васильевичемъ. Насъ провели еще чрезъ три или четыре комнаты, похожія на тѣ, въ которыхъ ночуютъ путешественники въ оставленныхъ замкахъ, въ ожиданіи привидѣній. Наконецъ отворилась дверь въ обитаемую гостиную. На диванъ сидѣла, въ полулежачемъ положеніи, почтенная пожилая дама пріятной наружности. Подлѣ нея сидѣли, склавши руки, въ глубокомъ безмолвіи, три дамы, одѣтыя не по-домашнему, смотрѣли съ умильною учтивостію на хозяйку, и едва примѣтнымъ склоненіемъ головы, придакивали ея словамъ. За диваномъ въ креслахъ сидѣлъ старичекъ, по-видимому, иностранецъ. Тетушка бросилась обнимать графиню, которая привѣтствовала ее довольно ласково, и посадила подлѣ себя. Дошла очередь до меня. «Вотъ, матушка, ваше сіятельство, и племянникъ

мой, Дмитрій Сергѣевичъ! Подойди, отецъ родной, не бойся!» Я подошелъ къ графинѣ, поцѣловалъ прекрасную бѣленькую ручку. На бѣду мою она заговорила по-французски. Ты знаешь, что я говорю по-французски довольно правильно и бѣгло, но вотъ бѣда — иногда я бываю нѣмъ на какой нибудь языкъ. Къ тому же во мнѣ есть еще одна странность: съ иностранцами говорю я на ихъ языкахъ свободно и безъ запинки, но съ русскимъ человѣкомъ мнѣ трудно и какъ-то совѣстно говорить не по-русски. — Я едва понялъ, что мнѣ сказала графиня, смѣшался, замялся, и не могъ промолвить слова. Насмѣшливая улыбка иностранца довершила мое смятеніе. Я сѣлъ, по приглашенію графини, на краю стула, не смѣлъ поднять глазъ, мѣлъ въ рукахъ шляпу. Воображаю, какъ я былъ интересень! Къ тому присоединилась еще мысль, какую глупую роль я играю въ этомъ домѣ. Тетушка начала свое слово: «Ваше сіятельство изволили проговаривать мнѣ. . . . .» — Въ это время растворились двери, и въ комнату вошло нѣсколько дамъ. Онѣ бросились къ графинѣ, стали ее обнимать, цѣловать, съ выраженіемъ нѣжнѣйшей любви. Я подумалъ, что онѣ близкія ей родственницы. Когда усѣлись, я увидѣлъ, что одна изъ нихъ женщина пожилая, а двѣ молодыя, вѣроятно, ея дочери, и по разговорамъ догадался, что онѣ должны быть Француженки. Мать освѣдомлялась съ сердечнымъ участіемъ о здоровьѣ графини, увѣряла, что не

спала цѣлую ночь, думая о ея болѣзни, и наконецъ отдала отчетъ въ разныхъ комиссіяхъ. Графиня благодарила ей легкимъ наклоненіемъ головы и пріятною улыбкою. Заговорили по-французски о всякомъ вздорѣ. Только я замѣтилъ, что мы съ тетушкою и тремя безмолвными гостями очутились уже на второмъ планѣ картины. Но торжество Француженокъ было непродолжительно. Вновь растворяются двери, входятъ двѣ молодыя барыни, богато одѣтыя. Графиня встаетъ и готовится итти къ нимъ навстрѣчу. Онѣ здороваются съ нею учтиво, дружески, и садятся подлѣ дивана, передъ Француженками, на которыхъ теперь уже перестали обращать вниманіе. Пошли разговоры о погодѣ, о здоровьѣ, о модахъ. «Гдѣ я?» думалъ я: «возможно ли, чтобъ тетушка завезла меня въ знать!» Мало по малу комната наполнилась и домашними, и гостями. Пожилой Французъ сжалился надо мною, подошелъ ко мнѣ, и заговорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ. Я, признаюсь въ слабости, обрадовался случаю поправить мою репутацію, и отвѣчалъ по-французски. Графиня взглянула на меня, и улыбнулась съ довольнымъ видомъ. Вскорѣ мнѣ стало еще легче, когда вошелъ молодой графъ, гвардейскій офицеръ, человѣкъ добрый и любезный, котораго я въ юности знавалъ въ Москвѣ, въ пансіонѣ профессора Рейнгарда. Онъ обошелся со мною, какъ съ старымъ знакомымъ. Мнѣ очень было пріятно, что онъ не догадался спросить, какъ я здѣсь очутился.

Между тѣмъ я горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть мою суженую. — Въ комнатѣ было нѣсколько дѣвицъ. Графиня оборотилась къ одной изъ нихъ, зашнурованной крѣпче прочихъ, и подзвала къ себѣ: «Annette, venez ici!» Аннета подошла, наклонилась къ ней. Графиня поправила ей локонъ, придернула шемизетку, и сказала что-то на ухо. Аннета поцѣловала ей руку, покраснѣла, и отходя, посмотрѣла по-одиначкѣ на всѣхъ мужчинъ, въ томъ числѣ на меня. «C'est ça!» подумалъ и я по-французски. Дѣвица очень не дурная собою, хорошаго росту, статная, съ премою таліею. Волосы свѣтлорусые; глаза, какіе изъ учтивости называются голубыми; носикъ маленькій, ротикъ небольшой, но съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ. — Гости стали разѣзжаться: сперва уѣхали, кто былъ познатнѣе; потомъ поднялись безмолвныя гости, разцѣловавшись съ графинею. Француженки тотчасъ заняли очистившіяся ваканціи. Тетушка нѣсколько разъ начинала заговаривать, но графиня въ этотъ день, видно, не расположена была ее слушать. Я сказалъ ей на ухо: «Пора ѣхать, тетушка! Иванъ Ильичъ чай ужъ ждетъ насъ обѣдать.» — «Изволь, дружечекъ,» отвѣчала она въ полголоса: «вишь, сегодня не выживешь этихъ проклятыхъ бусурманокъ.» — Мы встали и приготовились проститься. «Куда такъ рано?» спросила графиня, а лице ея выражало: «ну слава Богу, поднялась, матушка!» — «Пора домой, матушка, ваше сіятельство!» отвѣчала тетушка: «мы люди не

столичные, объедаемъ во второмъ часу!» Графиня простилась со мною очень ласково, и сказала: «Надѣюсь продолжать ваше пріятное знакомство, тѣмъ болѣе, что вы и съ моимъ Мишелемъ не чужіе!» Я пробормоталъ обыкновенную *добрый вечеръ*, и радъ, радъ былъ, что выбрался изъ гостиной. — «Ну вотъ, душенька, Дмитрій Сергѣевичъ!» сказала тетушка: «и дѣло слажено. Лиха бѣда до начину. Теперь, другъ ты мой, постарайся угодить графинѣ, такъ и все ладно будетъ.» — «Да помилуйте, тетушка, я не знаю еще, на комъ долженъ жениться.» — «Какъ не знаешь, другъ мой! А эта худенькая дѣвица въ тарлатановомъ платьѣ съ оборкою — вотъ она-то и есть Анна Ефимовна. Проклятыя Француженки не дали рта разинуть. Да мы въ другой день заберемъ поранѣе, и все уладимъ.» — Дома нашли мы Ивана Ильича въ большомъ разстройствѣ. Вице-губернаторское мѣсто отдано другому, именно тому Евдокиму Романовичу, который управлялъ отдѣленіемъ изъ воронежскихъ вотчинъ своего отца и благодѣтеля. Тетушка пришла въ бѣшенство; стала бранить весь свѣтъ: и начальниковъ, и подчиненныхъ, и Евдокима Романовича, и мужа своего. «Вотъ, батюшка, не пускалъ меня хлопотать. Ужъ я бы показала этимъ департаментскимъ крысамъ, что и въ Воронежѣ люди живутъ. Статочное ли дѣло! Дали мѣсто — да какое? — этому мальчишкѣ, за то только, что вошелъ въ знатную родню, прости Господи! А мой-то служить, служить! Помнишь ли, третьяго

года, какъ губернаторъ уѣхалъ въ Петербургъ, а вице-губернаторъ въ уѣздъ по рекрутчинѣ, мы два дня всею губерніею управляли? Великое дѣло, казенная палата! Да куда ему справится! Ужъ кумъ Григорій Евсеичъ, прокуроръ, подѣлать его! Отольются волку овечьи слезы.» Часа два продолжалась эта безконечная рѣчь, прерываемая рыданіемъ и обращеніемъ къ образу. — Иванъ Ильичъ вздыхалъ и понюхивалъ табакъ. Рѣшились ѣхать на другой день; къ счастью, это былъ не понедѣльникъ. Съ вечера уложились, и на завтра, къ полудню, водворилась въ моей квартирѣ прежняя тишина. Три дня чистили, мыли и скоблили во всѣхъ углахъ. Люди тетушкины не только все перебили и перепортили, но и развратили было моего Аѳанасья, человѣка порядочнаго и честнаго, да слишкомъ слабаго сердцемъ. Я душевно обрадовался, освобождаясь отъ этого нашествія шумной орды съ береговъ тихаго Дона.

Тетушка, отъѣзжая, взяла съ меня слово, продолжать начатое знакомство въ домъ Графини Сугробовой, не догадываясь, что совѣтуетъ мнѣ сдѣлать именно то, за что она же предастъ проклятію Евдокима Романовича. Сучецъ въ глаза ближняго! — Да почему мнѣ и не послѣдовать ея совѣту? думалъ я. Непріятно было ѣздить съ нею, а одному мнѣ будетъ легче.

Молодой графъ отдалъ мнѣ визитъ, и я вторично явился въ домъ. Тутъ я познакомился и съ отцемъ его. Графъ и графиня были люди почтен-

ные, но вели жизнь самую странную, какъ и многіе другіе, въ узахъ, сплетенныхъ обстоятельствами. Привыкнувъ съ молодыхъ лѣтъ жить въ разсѣянности и ничѣмъ не заниматься, они охотно уступали другимъ власть свою, какъ не-сносное бремя. Въ домѣ раздѣляли съ ними уваженіе и всѣ выгоды господства чужедныя растенія, Французы. Старичекъ, видѣнный мною въ первый разъ, былъ родъ Князя Мира: графъ и графиня не могли жить безъ него, совѣтовались съ нимъ во всемъ, и слушались его безпрекословно. Что скажетъ мосьё де Латуръ? Что подумаетъ объ этомъ Францъ Осиповичъ? было обыкновенною примолвкою всякаго сужденія. Вторую роль любимицы, но только графининой, играла мадамъ Этульякъ (которую всѣ въ домѣ звали мадамъ Туля): она заключила съ мосьё де Латуромъ какое-то безмолвное условіе о раздѣленіи между собою власти. Мосьё предоставилъ ей завѣдываніе всѣми собственными доходами и расходами графини: закупку нарядовъ, выборъ служанокъ, пріискиваніе бѣдныхъ (иностранцевъ), стыдящихся просить милостыни, и доставленіе имъ пособія, и т. п. Но мадамъ Этульякъ не жила въ домѣ графскомъ, и не смѣла о томъ подумать. Она являлась каждый день, и только наканунѣ бала позволялось ей, пріѣхавъ съ дочерьми своими, оставаться ночевать, чтобъ изготовить и приладить съ вечера всѣ наряды. Имѣніе графа, въ которомъ распоряжались управители изъ крѣпостныхъ его людей, было въ

чрезвычайномъ растройствѣ, и иногда онъ не зналъ бы, откуда взять денегъ на самыя необходимыя потребности, если бъ мосьё де Латуръ не умѣлъ находить пособій у своихъ земляковъ, занимающихся благотворнымъ ремесломъ дисконтёровъ. Я вскорѣ замѣтилъ, что, для пріобрѣтенія милости графа и графини, должно ладить съ ихъ фаворитами, и рѣшился въ этомъ отношеніи вести роль страдательную: обходиться учтиво, молчать, и вообще показывать, будто ничего не вижу. Въ домъ, кромѣ несмѣтной дворни, было большое число воспитанницъ, сиротъ, калмычекъ и тому подобныхъ безгласныхъ лицъ, которыя не мѣшали министерству. Annette (Анна Ефимовна то жъ) занимала первое мѣсто между ними, потому, что капиталъ, завѣщанный ей покойнымъ Княземъ Люлинымъ, лежалъ неприкосновенно въ ломбардѣ, до выхода ея въ замужество. Нельзя сказать, чтобъ графъ и графиня лучше обходились съ нею по какому нибудь расчету: они совсѣмъ о томъ не думали; но я неоднократно замѣчалъ, что и самый добрый, безкорыстный человѣкъ гораздо привѣтливѣе обходится съ человѣкомъ достаточнымъ, нежели съ тѣмъ, у котораго нѣтъ копѣйки за душою. Анна Ефимовна, по обратномъ переселеніи въ домъ графскій изъ пансіона, вскорѣ смѣкнула, что имѣетъ болѣе вѣсу, нежели прочія, и вздумала позволять себѣ нѣкоторыя прихоти безъ согласія мосьё де Латура и мадамъ д'Этуль-якъ. Тогда во французскомъ комитетѣ положе-

но было выдать ее замужъ, и опредѣленіе это мало по малу внушено хозяевамъ. Графиня начала пріискивать жениха Аннетъ, и поручила эту комиссію многимъ своимъ знакомымъ. Агаѣя Яковлевна, которая сватовствомъ своимъ, въ Воронежской Губерніи, пристроила къ мѣсту чловѣкъ десять инвалидныхъ дѣвицъ, и сгубила такое же число неопытныхъ молодыхъ людей, ухватила за эту мысль, и отрекомендовала меня своей благодѣтельницѣ. Меня принимали учтиво и ласково. Разумѣется, что никто не давалъ мнѣ чувствовать, чего отъ меня ожидали. Аннета начала мнѣ нравиться: она была воспитана и образована довольно хорошо; много читала и умѣла разсуждать о читанномъ; любила цвѣты и птичекъ; сама поливала розы и гвоздики графинины, сама кормила канареекъ. Это мнѣ было по сердцу: я не терплю людей равнодушныхъ къ наслажденіямъ природою. Любя страстно музыку, я хотѣлъ узнать, далека ли въ ней Аннета. Самому спросить ее о томъ было совѣстно, но вскорѣ представился удобный случай. Графиня однажды послѣ обѣда сказала ей: «Ты совсѣмъ negliжируешь музыку, душа моя! Сядь, сыграй чтонибудь!» Аннета сѣла за флигель, и безъ прелюдій, сыграла съ удивительнымъ искусствомъ одну изъ труднѣйшихъ сонатъ Штейбелта. Это меня восхитило. Я подошелъ къ ней, и сталъ разсыпаться въ искреннихъ хвалахъ ея необыкновенному таланту. Она принимала мои комплименты съ скромнымъ самодовольствомъ.

Тутъ же невзначай увидѣлъ я на флигелѣ ноты одной русской пѣсни, простой, но препріятной. Я подалъ ихъ Аннетѣ, и попросилъ сыграть. Она взяла ноты, поразглядѣла ихъ, и бросивъ на прежнее мѣсто, сказала съ насмѣшкою, что такая глупая вещь не стоитъ труда. Это меня огорчило: какъ можно не любить милыхъ, выразительныхъ русскихъ пѣсень? Какъ можно пренебрегать изящнымъ, потому что оно слишкомъ просто? Какъ можно отказаться отъ удовольствія сдѣлать угодное ближнему?—«Постой!» думалъ я: «будешь моею женою, я заставлю тебя любить русскія пѣсни; отучу отъ этого обиднаго, рѣзкаго тона; — всего этого достигну моимъ примѣромъ, моею любовью: это лучшія средства довершить образованіе женщины.» Минута неудовольствія пролетѣла. Аннета, казалось мнѣ, становилась болѣе и болѣе ко мнѣ довѣрчивою, бесѣдовала о счастіи, о цѣли жизни, объ истинныхъ удовольствіяхъ, о природѣ, о благотворительности — такъ умно, такъ мило, что я не разъ готовъ былъ открыться ей въ любви, которая начинала волновать мое сердце. Къ сожалѣнію, она говорила все это по-французски, говорила какъ по-печатному; но я надѣялся, что она со временемъ, изъ любви ко мнѣ, переведетъ все это на русскій языкъ, и что всѣ сіи благородныя правила сдѣлаются наслѣдственными въ моемъ семействѣ. Изрѣдка сладостныя мечтанія прерываемы были непріятными порывами. Иногда замѣчалъ я на лицѣ Аннеты выраженіе

злости и досады; она умѣла вскорѣ останавливать эти движенія, старалась улыбаться, но черта вокругъ рта ея, поразившая меня съ перваго взгляда, въ эти минуты дѣлалась явственнѣе, и долго, долго не принимала прежняго вида. Раза два она отвѣчала почтенной, кроткой графинѣ очень рѣшительно, и если бъ эта рѣшительность выражена была не по-Французски, то могла бы просто назваться дерзостью.

Однажды, предъ выѣздомъ всего семейства со двора, я нашелъ Аннету въ какомъ-то изступленіи: она стояла посреди комнаты, разодѣтая какъ куколка, и смотрѣлась въ трюмо: необыкновенно блѣдное лице ея покрыто было багровыми пятнами; глаза сверкали: черта вокругъ рта показалась мнѣ глубокою впадиною, и отъ этого верхняя часть лица стала похожею на мертвую голову. Она рвала въ неистовствѣ длинныя бѣлыя перчатки. Горничныя, съ красными, распухшими щеками, бѣгали вокругъ нея въ смятеніи. — «Что съ вами сдѣлалось?» спросилъ я. «Ничего! оставьте меня!» закричала она, ушла въ другую комнату, и захлопнула дверь за собою. «Что это? что за бѣда случилась?» спросилъ я у калмычки, которая подбирала обрывки перчатокъ съ полу. — «Ничего!» отвѣчала она: «барышня прогнѣвалась на Аксиныю за то, что не къ лицу ее причесала, такъ всѣмъ досталось. Да и Аксиныя такая недогадливая: вѣдь это не въ первый разъ!» — «Она вспыльчива,» подумалъ я: «не хорошо, но говорятъ, что это означаетъ

доброе сердце. Я постараюсь, чтобъ у ней не было причинъ къ гнѣву.» Не желая приводить ее въ смущеніе, я убрался изъ дому. На другой день я нашелъ ее печальною, въ слезахъ, и съ участіемъ спросилъ о причинѣ ея горя. «Какъ мнѣ не горевать, не сердиться на себя!» отвѣчала она. «У меня такой пылкій нравъ, что всякая бездѣлица можетъ меня разстроить. И кто, видя меня въ эти минуты, вздумаетъ судить о моемъ сердцѣ....» Она залилась слезами, и закрыла платкомъ лице. Я готовъ былъ броситься предъ нею на колѣни.

Въ это время вошелъ въ комнату молодой графъ съ другимъ офицеромъ, своимъ пріятелемъ. Лице Аннеты прояснилось; она отерла слезы, и поздоровалась съ гостемъ привѣтливо, какъ будто ничего предъ тѣмъ не случилось. Какое доброе сердце! подумалъ я. За столомъ въ тотъ день Аннета была милѣе, ласковѣе, нѣжнѣе обыкновеннаго. Послѣ обѣда, графиня вздумала просить ее опять сыграть что нибудь. Она, попрежнему, съѣла за флигель, и опять начала ту же сонату. — «Помилуй!» сказалъ офицеръ молодому графу: «скоро ли ваша Аннета выучить что нибудь иное? Вотъ полгода, что я слышу одно и то же. Вытвердила матушка, да только это и барабанить. Точно какъ свистокъ, которымъ приманиваютъ тетеревей на охотъ, все одна мелодія.» Графъ смѣшался, началъ кашлять, но тотъ его не понялъ и продолжалъ: «Эта еще, слава Богу, не поетъ, а сирены-то еще опаснѣе.

Поетъ , поетъ иная какъ чижевка въ западнѣ, пока чижики не попадетъ въ силокъ. Ужъ мнѣ эти *птицы пѣвчія!* Не одного добраго товарища заставили воспользоваться первымъ числомъ сентября!» Смущеніе молодаго графа примѣтно возрастало. Наконецъ онъ наступилъ на ногу нескромному критику, и повелъ глазами въ ту сторону, гдѣ я сидѣлъ. «А! понимаю!» сказалъ офицеръ, усмѣхнувшись. Я былъ въ ужасномъ положеніи, но, къ счастью, это былъ послѣдній день испытанія. Волнуемый безпокойствомъ, досадою, стыдомъ, я не спускалъ глазъ съ Аннеты и офицера. На бѣду мою, графиня вздумала рассказывать мнѣ, въ двадцатый разъ, какъ она представлялась фрейлиною покойной Императрицы. Я показывалъ видъ, что слушаю ее, а между тѣмъ глазами отыскалъ зеркало, въ которомъ видѣлъ все, что происходило у меня за спиною. Догадываюсь, что графъ успѣлъ рассказать товарищу, кто я, и зачѣмъ бываю въ домъ. Офицеръ подошелъ къ флигелю, и сталъ очень фамилярно перешептываться съ Аннетою. Она отвѣчала ему со смѣхомъ. Онъ указываетъ на меня, и кланяется, будто поздравляя ее. Аннета насмѣшливо обращаетъ взоры свои въ мою сторону, морщится и кривляется, чтобъ представить меня въ карикатурѣ. Это меня сѣзало. Я едва могъ усидѣть на мѣстѣ. Къ счастью, добрая графиня въ это самое время описывала свой фрейлинскій нарядъ, и не замѣтила моего смущенія. Не помню, что за тѣмъ послѣдовало.

Только я былъ совершенно излеченъ отъ раждавшейся любви моей. «Кокетство, вспыльчивость, упрямство,» думалъ я: «все это можетъ быть искоренено изъ сердца женщины, если только она любить и уважаетъ своего мужа, но я вижу, что Аннета ничего ко мнѣ не чувствуетъ. Богъ съ нею! Желаю ей счастья, только не со мною.» — Я не скрылъ своего неудовольствія предъ Аннетою, сталъ обращаться съ нею холодно, сухо, учтиво. Она догадалась, и послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ маневровъ, оставила меня въ покоѣ. — Этимъ освобожденіемъ обязанъ я незнакомому мнѣ гвардейскому офицеру. Добрый, милый вѣтреникъ! если бѣ ты зналъ, какое оказалъ мнѣ благодѣяніе!

Я не зналъ, какъ добромъ выбраться изъ этого дому, но въ тотъ же вечеръ представился къ тому удобный случай. Мосьё де Латуръ былъ отчаянный бонапартистъ, и громогласно объявлялъ свои мнѣнія о тогдашней политикѣ. Всѣ въ домѣ уступали, какъ по привычкѣ слушаться его безпрекословно, такъ и по боязни: онъ былъ вхожъ у Французскаго посла. Я также молчалъ дотолѣ, но нынѣ, раздраженный Аннетою, не могъ удержаться, и на пламенные похвалы Императору Наполеону, сказалъ мосьё де Латуру напрямки, что почитаю его идола геніемъ-разбойникомъ, человѣкомъ безъ чести и совѣсти, опустошающимъ Европу и проливающимъ кровь людей единственно для того, чтобъ разсадить дураковъ, своихъ братьевъ и зятьевъ,

на всѣхъ тронахъ. Не знаю, откуда взялось у меня въ этотъ день французское краснорѣчіе. Латуръ пришелъ въ изступленіе. Графъ и графиня до смерти перепугались. Молодые офицеры придакивали мнѣ, и благодарили меня взглядами. Я всталъ, взялъ шляпу, поцѣловалъ руку графини, поблагодарилъ графа за его ласки, поклонился офицерамъ, бросилъ взглядъ презрѣнія на французскую челядь, и не посмотрѣвъ на Аннету, которая было ревностно приняла сторону Латура, вышелъ изъ дому. Я совершенно излечился отъ привязанности къ Аннетѣ, и теперь, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, долженъ признаться, что главною причиною этому было оскорбленное самолюбіе. Не посмѣйся она съ офицеромъ надо мною — я бы все простилъ. Благословляю судьбу!

Избавясь отъ этого наважденія, я сталъ вести прежнюю свою жизнь, единообразную, но уже не скучную. Бесѣда друзей, посѣщеніе театра, чтеніе книгъ занимали меня во все то время, которое проводилъ я не у должности. Я началъ даже любить статскую службу, и съ меньшимъ отвращеніемъ смотрѣлъ на донесенія, отношенія, предписанія и циркуляры. Даже голодный, безвкусный воздухъ департаментскій сдѣлался мнѣ сносно. По крайней мѣрѣ здѣсь не бываетъ женщинъ! думалъ я. Некому насъ дурачить и мучить.

Недѣли чрезъ четыре случилось мнѣ, въ одно воскресенье быть въ Строгановомъ Саду. Тогда

еще былъ живъ незабвенный Графъ Александръ Сергѣевичъ, старецъ добрый, почтенный, милый, всѣми любимый и уважаемый. Какъ теперь его вижу: онъ сиживалъ, бывало, въ хорошую погоду, на широкомъ крыльцѣ дома, ведущемъ въ садъ, посреди родственниковъ и друзей своихъ; въ сырое же время, у большаго окошка по правую руку, и любовался, глядя на гуляющихъ. На галереѣ играла роговая музыка; далѣе, въ саду, полковая. Шумныя толпы расхаживали предъ домомъ вокругъ овальнаго зеленого луга, по широкой аллеѣ, уставленной скамейками. Гулянье пріятнѣйшее! Вотъ, въ это воскресенье, и я, въ толпѣ праздныхъ зѣвакъ, бродилъ, куда несла меня толпа, и вдругъ очутился передъ Графинею Сугробовою. Прежде нежели я могъ на что нибудь рѣшиться, она, какъ умная свѣтская дама, уже привѣтствовала меня: «Все ли вы въ добромъ здоровьѣ? что васъ не видать?» Я отвѣчалъ ей низкимъ поклономъ, и когда поднималъ голову, графиня уже прошла, а за нею идетъ Анна Ефимовна, ведомая подъ руку какимъ-то черненькимъ уродцемъ въ синемъ фракѣ, съ милиціонною медалью. «Рекомендую вамъ жениха моего, Дмитрій Сергѣевичъ!» сказала она мнѣ, насмѣшливо присѣдая. «Очень радъ!» отвѣчалъ я отъ всего сердца — и они промелькнули въ толпѣ. «Ну!» подумалъ я: «для этого, я чаю, довольно было и полусонаты.» Между тѣмъ, признаюсь, эта встрѣча произвела во мнѣ какое-то непонятное волненіе. Я

не любилъ Аннеты; радовался даже, что добромъ отъ нея отдѣлался, но все же мнѣ досадно было, что она невѣста. Поди, растолкуй прихоти сердца человѣческаго!

Въ то время, какъ я, проталкиваясь между гуляющими, припоминалъ себѣ всѣ смѣшныя и досадныя обстоятельства моего сватовства, вдругъ что-то знакомое мелькнуло предо мною. Вообрази, я узналъ дѣвицу, которая сидѣла спиною ко мнѣ въ ложѣ, въ несчастное представленіе Эдипа. Та же шляпка, та же шаль, то же платье, та же осанка, тѣ же черныя локоны, и сверхъ того — прелестнѣйшая ножка, какую только могло бы выдумать воображеніе поэта. Въ числѣ многихъ капризовъ, которыми надѣлила меня природа, не послѣднее мѣсто занимаетъ ненависть моя къ — ногамъ. Смѣйся, брани меня, а я тебѣ скажу, что никакъ не могу равнодушно слушать, когда говорятъ о ногахъ, о обуви, и т. п., и что я всѣмъ бы согласился быть въ мірѣ, а не сапожникомъ и не башмачникомъ. Мнѣ однажды понравилась дѣвица; я сталъ ее разглядывать, прислушиваться къ ней, и вдругъ слышу, что она говоритъ: у меня болятъ ноги! Довольно: я разочарованъ. Наташа Музина, узнавъ объ этой странности, пророчила мнѣ со смѣхомъ, что женскія ножки отомстятъ мнѣ за это, и конечно прельстятъ меня на всю жизнь. Ножки, да, а не ноги. — Я разглядывалъ ножки милой незнакомки, сколько позволяла тѣснота, измѣрялъ глазами безконечно малый слѣдъ ихъ, и вздыхалъ, помышляя, что онъ заносится пескомъ,

какъ въ степи африканской. «Такой ростъ такая осанка, такія ножки,» думалъ я: «не могутъ принадлежать не красавицѣ лицомъ,» и рѣшился поворотить въ другую сторону, чтобъ встрѣтиться съ нею. Мое желаніе вскорѣ исполнилось. Подъ знакомою шляпкою увидѣлъ я лице самое миловидное, самое интересное, какого не только описать, но и вообразить я не въ состояніи. Когда я поравнялся съ нею, и пристально посмотрѣлъ на нее, она на меня взглянула, и казалось, хотѣла припомнить, гдѣ меня видѣла. Злодѣйка! и ты женщина, и ты умѣешь видѣть, не глядя. Обвороченный херувимскимъ личикомъ, я спѣшилъ скорѣе обойти кругъ, чтобъ опять встрѣтиться съ нею, но не тутъ-то было. Она исчезла, и я, какъ нищій, проснувшійся послѣ видѣнія, подарившаго его милліономъ, въ уныніи отправился въ свою келлію. Въ слѣдующее воскресенье продежурилъ я въ Строгановомъ Саду съ четырехъ часовъ до полуночи. Незнакомки не было. Тщетно искалъ я ея на всѣхъ гульбищахъ, въ театрахъ и проч. Я находилъ только прелестный ея образъ въ глубинѣ моей души.

Довольно ли я написалъ въ нынѣшній разъ? — Я долженъ кончить, ибо чрезъ часъ отправляется курьеръ въ Петербургъ, а я не хочу разорять тебя вѣсовыми деньгами, какъ Ивановъ старую графиню. Ты конечно удивишься, что я, исписавъ нѣсколько листовъ, ни разу не своротилъ съ прямого пути? Письма черезъ два, узнаешь тому причину. Прости!

ПИСЬМО ОСЬМОЕ.

Дрезденъ, 23 Августа.

Продолжаю мою исторію.

Въ числѣ молодыхъ людей, находившихся въ моемъ столѣ въ департаментѣ, отличалъ я одного молодаго иностранца; онъ понравился мнѣ необыкновенною точностью, исправностью и прилежаніемъ: всегда приходилъ въ назначенный часъ, и не уходилъ, не кончивъ дѣла. Ума онъ былъ не обширнаго, но этого въ его должности и не требовалось. Товарищи, которымъ онъ досаждалъ своею пунктуальностію и вопросами о русскомъ языкѣ, частенько надъ нимъ трунили. Онъ все сносилъ терпѣливо, не отвѣчалъ на насмѣшки, и продолжалъ работать. Вскорѣ всѣ важнѣйшія дѣла перешли въ его руки, и онъ сдѣлался мнѣ необходимымъ. Иногда онъ смѣшилъ всѣхъ насъ спорами о русскомъ языкѣ. Однажды написалъ онъ въ проектѣ бумаги: *а посему курьера и не отправитъ*. Одинъ товарищъ его поправилъ: *не отправлять*. Нѣмецъ сталъ спорить и утверждать, что курьеръ одинъ, слѣдственно и видъ глагола долженъ быть однократный. Всѣ надъ нимъ насмѣхались, но никто не умѣлъ доказать, почему онъ не правъ. Дошло дѣло до меня. Я отвѣчалъ: *не отправлять*. А почему? спросилъ германскій юноша. Я, признаться, самъ не умѣлъ сказать, почему, и отвѣчалъ: «Потому, что такъ пишутъ. Совѣтую и впредь наблюдать это.» — «Вы мой начальникъ

и можете приказывать: впредь буду я писать: не отправлять, перестану спорить; но, признаюсь, очень хотѣлъ бы знать, на какомъ основаніи это дѣлается, ибо въ свѣтъ нѣтъ ни дѣйствія, ни вещи безъ причины, говоритъ мой отецъ.» — Мнѣ понравилось это основательное упрямство, уступающее только власти, законами установленной. По окончаніи года, я представилъ его къ первой денежной наградѣ, и объявилъ объ этомъ всѣмъ его товарищамъ, которые охотно согласились, что Миллеръ по справедливости заслужилъ ее. Наканунъ Новаго Года получаю списокъ наградамъ, утвержденный министромъ, и, что же? вмѣсто имени Ивана Миллера, вижу какое-то другое, мнѣ вовсе неизвѣстное. Это что? — Иду къ начальнику отдѣленія, и спрашиваю его о причинѣ перемѣны. Онъ отвѣчаетъ мнѣ запинаясь: «Это-съ.... ничего-съ.... это отъ того-съ.... извольте видѣть-съ.... Миллеръ у насъ недавно служить-съ.... Мы его представимъ-съ.... къ Святой Недѣлѣ-съ....» — «Да кто этотъ неизвѣстный мнѣ Просенко, котораго поставили на мѣсто Миллера?» — «Пожалуйте-съ говорите потише-съ.... экзекуторъ слышитъ-съ.... Это-съ.... извольте видѣть-съ.... чиновникъ-съ...., титулярный совѣтникъ-съ.... Онъ занимается-съ дѣлами у министра-съ.... то есть собственными дѣлами его сіятельства-съ...., такъ ему нѣкогда-съ.... ходить въ департаментъ.... но онъ, ей Богу-съ, человекъ прекрасный-съ....» — «Да помилуйте, Василій Александровичъ,» отвѣчалъ я ему: «чѣмъ

виновать Миллеръ, что Просенко трудится у министра? Какъ вамъ угодно, я пойду къ директору, а если онъ не согласится, къ самому министру.... Долгъ чести....» «Пустое...съ.... не беспокойтесь и не горячитесь, Дмитрій Сергѣевичъ! Мы вашему Нѣмцу...съ.... удѣлимъ изъ остатковъ канцелярской суммы.» — «Позвольте отвѣчать вамъ, что онъ, во-первыхъ, не мой Нѣмецъ, а полезный чиновникъ, съ усердіемъ служащій Государю; во-вторыхъ, награду даютъ какъ милость царскую, законно заслуженную, а изъ крохъ канцелярской суммы онъ не согласится....» «Такъ что жъ-съ? Честь приложена-съ.» — «То-то и бѣда, что честь не приложена. Прошу васъ всепокорнѣйше, для исполненія долга справедливости, для сохраненія порядка въ службѣ, исправить эту ошибку. Я не миную ни одной инстанціи, но не останавлиюсь...» — «Ей Богу-съ.... трудно-съ....» — «Почтенный Василій Александровичъ! вѣрю: добро дѣлать и правду говорить трудно, но васъ любить директоръ....» — «Потише-съ.... ей Богу-съ.... экзекуторъ слышитъ-съ.... Ну такъ и быть-съ.... пойду-съ, поѣду-съ.... авось либо....» Добрый и почтенный, но слишкомъ покорный обстоятельствамъ и трусливый, Василій Александровичъ отправился къ директору. Не знаю какъ, а дѣло чрезъ два часа сладили. Просенку дали награжденіе изъ суммъ экономическихъ, а Миллеръ остался въ прежнемъ спискѣ. Это его крайне обрадовало. «Ахъ! какъ ради будутъ папенька и

маменька,» сказалъ онъ въ восторгъ: «когда узнаютъ, что я награжденъ самимъ министромъ по Высочайшему повелѣнію!» — Безпристрастіе и справедливость въ распредѣленіи самыхъ неважныхъ наградъ по службѣ очень важны въ отношеніи къ общему порядку, и, могу сказать, даже въ государствѣ. Всякій начальникъ долженъ помнить, что онъ дѣйствуетъ въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ какъ представитель правительства, и что всякая несправедливость производитъ въ сердцахъ людей злобу и ожесточеніе.....

Дня чрезъ два послѣ этого, поутру, когда я еще сидѣлъ за чаемъ, Аѳанасій докладываетъ мнѣ, что пришелъ какой-то господинъ съ крестикомъ. — «Проси!» — Входитъ старичекъ небольшого роста, въ старомодномъ фракѣ, въ коротенькомъ исподнемъ платьѣ, напудренный, съ косичкою; въ петлицѣ у него владимирскій крестъ, въ рукѣ камышевая трость съ золотымъ набалдашникомъ. — «Вы господинъ столоначальникъ, коллежескій ассессоръ Дмитрій Сергѣевичъ Мстиславцевъ?» спрашиваетъ онъ у меня нѣмецкимъ произношеніемъ, съ привѣтливою улыбкою и съ низкимъ поклономъ. — «Къ услугамъ вашимъ,» отвѣчалъ я: «а я съ кѣмъ имѣю честь говорить?» — «Я штабъ-лекаръ, надворный совѣтникъ Фризель!» отвѣчалъ онъ съ прежнею улыбкою: «имѣю честь служить врачомъ при вашемъ департаментѣ. — «Очень радъ познакомиться съ вами безъ нужды!» отвѣчалъ я смѣясь:

«въ два года службы мнѣ не случилось имѣть надобности васъ видѣть. Прошу садиться.» — «Да!» отвѣчалъ онъ, садясь: «накладно знакомиться коротко съ нашимъ братомъ. Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ о Фридрихѣ Великомъ, когда онъ увидѣлся съ знаменитымъ врачомъ Циммерманомъ: «такъ видно я очень боленъ, что вы меня посѣтили!» сказалъ онъ. Но я пріѣхалъ къ вамъ не для того, чтобъ лечить васъ, а чтобъ поблагодарить за милость, которую вы оказали племяннику моему, сестрину сыну, молодому Миллеру.» — «Я исполнилъ долгъ свой!» отвѣчалъ я. — «Долгъ! долгъ! mein lieber батюшка! Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ объ одномъ покойномъ пріятелѣ, который говорилъ, что слово долгъ есть то же, что долгій ящикъ. — Бѣдный мальчикъ былъ очень огорченъ, узнавъ, что не получитъ награжденія. Сестра моя, извините, Дмитрій Сергѣевичъ, женское дѣло, сказала ему: «Вотъ, Ваня, ты хвалился своимъ столоначальникомъ, а онъ видно таковъ же, какъ и всѣ...» Онъ не далъ ей выговорить, и сталъ жарко защищать васъ. Въ это самое время входитъ курьеръ съ повѣсткою явиться для полученія Всемилостивѣйше пожалованной награды. «Вотъ видите, маменька!» вскричалъ онъ со слезами: «я правъ: Дмитрій Сергѣевичъ человекъ — не знаю, какъ по-русски выразить — rechtschaffen. — Это значить....» — «Я понимаю и по-нѣмецки!» отвѣчалъ я ему. «Но довольно. Такъ онъ вамъ племянникъ? Прекрасный, благородный молодой че-

ловѣкъ!» — «Да, да! родной племянникъ: сынъ моей сестры. Отецъ его самъ собирался прійти поздравить васъ съ Новымъ Годомъ, и поблагодарить, но я задалъ ему порошокъ отъ кашлю, и онъ не смѣетъ сегодня выйти, а завтра....» — «Помилуйте!» отвѣчалъ я: «къ чему беспокоиться.» — «Нѣтъ! нѣтъ!» отвѣчалъ г. Фризель: «онъ непременно хочетъ познакомиться съ вами лично, ибо очень трудно найти въ нынѣшнемъ свѣтѣ человѣка, который бы поступалъ справедливо безъ всякой посторонней мысли. Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ объ одномъ сирійскомъ царѣ (а я этотъ анекдотъ забылъ.) Позвольте зятю моему исполнить пріятный долгъ.» — «Позволю,» отвѣчалъ я: «отложить его въ долгій ящикъ. Мнѣ пріятно будетъ познакомиться съ почтеннымъ вашимъ семействомъ, и я не премину самъ явиться къ сестрицѣ вашей, узнавъ отъ вашего племянника, гдѣ они живутъ.» — «На Васильевскомъ Острову въ 8-й линіи, между Большимъ и Среднимъ Проспектомъ, въ домъ Мейера, Но 683; я живу съ ними, старый холостякъ. Домъ можно узнать по большому кренделю — это вывѣска булочника. Нельзя ошибиться. Намъ всѣмъ будетъ очень пріятно покороче съ вами познакомиться. Признаюсь, я боялся пустить къ вамъ зятя, но теперь, зная, что вы изволите говорить по-нѣмецки, я очень радъ и пр.» За этимъ послѣдовали еще три или четыре анекдота. Наконецъ старичекъ посмотрѣлъ на часы, и сказалъ: «Мнѣ пора къ одному больному. И такъ

мы будемъ имѣть честь...» «Непремѣнно! А ваше имя и отчество?» — «Имя моего отчества,» сказалъ онъ, улыбаясь: «Померанія, что мы Нѣмцы называемъ: mit Erlaubniß zu sagen, Hinter-Frommern.» — «Но васъ зовутъ?» — «Фризель штабъ-лекаръ, надворный совѣтникъ, а по-русски зовутъ меня Иванъ Ивановичъ!» — Почтенный Иванъ Ивановичъ раскланялся со мною очень учтиво, и рассказавъ еще два анекдота, одинъ въ залъ, а другой въ передней, отправился къ своему больному.

Боясь еще другаго посѣщенія, я поспѣшилъ предупредить гостя, и на слѣдующій день, послѣ обѣда, отправился въ указанный мнѣ домъ, вскорѣ отыскалъ и дверь съ надписью на бумажкѣ: C. Müller, Dr. Th. Я позвонилъ. Отворилась дверь, и вышла опрятно одѣтая служанка съ вопросомъ: «Кого вамъ, сударь, угодно?» — «Господина Миллера.» — Его, сударь, дома нѣтъ, онъ еще въ кондиціи, а хозяйка, Марья Ивановна, дома; пожалуйста!» — Я вошелъ въ комнату, убранную очень просто и очень опрятно. Мебель старомодная. На окнахъ бѣлыя занавѣски. У одной стѣны простое фортепіано. Надъ нимъ сілуэты, видно фамильные, и портретъ одного вельможи, уже давно скончавшагося. На фортепіанѣ ноты — Моцартовы оперы, застольныя пѣсни и танцы. У одного окна передъ креслами столикъ; на немъ женская работа, и лежащая вверхъ корешкомъ книжка — видно ее только что читали. Это мнѣ напомнило матушку, и уже

заранѣе приготовило къ ласковому приему. Я не успѣлъ еще осмотрѣться въ комнату, какъ вошла женщина лѣтъ сорока пяти, полная и здоровая, одѣтая по-домашнему, очень опрятно, и съ привѣтливою улыбкою спросила меня по-русски: «Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?» — «Братецъ вашъ, Иванъ Ивановичъ, сдѣлалъ мнѣ вчера честь....» — Она не дала мнѣ договорить: «Ахъ, конечно вы господинъ Мстиславцевъ! Какъ я рада васъ видѣть! Вы начальникъ и покровитель нашего Вани! Садитесь, сдѣлайте милость! Карлъ Федоровичъ не дома (*), но онъ скоро прійдетъ. Скоро половина шесть (**). Классы въ пансіонѣ кончатся въ пять.» — Я узналъ въ этой бесѣдѣ всю исторію ея семейства. Мужъ ея, родомъ изъ Ширштейна, на Рейнѣ, прибылъ въ Россію лѣтъ за тридцать предъ симъ. Онъ учился Богословію, и хотѣлъ быть пасторомъ, но не получивъ мѣста, пошелъ въ учителя. Былъ домашнимъ учителемъ въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ, потомъ женился, и поселился на Васильевскомъ Острову, занимается преподаваніемъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ и музыки въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ домахъ. Дѣтей у нихъ шестеро: три сына и три дочери. Отецъ хотѣлъ было, чтобъ старшій сынъ учился Богословію, но не имѣлъ средствъ на отправленіе его на университетъ, какъ говорала

(*) Nicht zu Hause.

(**) Halb Sechsz.

Марья Ивановна, и такъ, по окончаніи ученія въ Петропавловской Школѣ, его опредѣлили въ нашъ департаментъ по ходатайству дяди, штабъ-лекаря.

Въ четверть шестаго часа явились дѣти изъ школы: два мальчика, одинъ лѣтъ двѣнадцати, другой девяти, и двѣ дѣвочки одиннадцати и осьми лѣтъ; мальчики съ кожаными сумками и аспидными досками на ремняхъ; дѣвочки съ большими тиковыми мѣшками, въ которыхъ были учебныя книги и тетрадки. Дѣти, поздоровавшись съ матерью, бросились въ другую комнату, и вскорѣ воротились въ другихъ передникахъ, къ чаю. Я замѣтилъ, что мать со старшими говорила по-нѣмецки, а съ младшими по-русски. — «Поди, Карлинька, въ кухню,» сказала она младшему сыну: «и вымой себѣ руки: ты *выглядишь* (*), какъ трубочистъ съ своими черными пальцами. Да скажи Авдотьѣ, чтобъ приготовила *чайныя воды* (**), и *взяла прочь* (***) этотъ стулъ; у него ножка на два разломилась (****).» — Станный русскій языкъ! думалъ я про себя. Между тѣмъ накрыли на столъ синюю салфетку, принесли самоваръ и чайный приборъ изъ бѣлаго саксонскаго фарфору съ синими цвѣточками. «Что жъ, Авдотья,» сказала хо-

---

(*) Du siehst auß.

(**) Theewasser.

(***) Wegnehmen.

(****) Entzwey gebrochen.

зайка: «ты не подала *шпилькумки*?» — «Тотчасъ, сударыня!» отвѣчала Авдотья. Это что? подумалъ я. Видно слово русское, когда Авдотья понимаетъ. Очень любопытствовалъ я знать, какая вещь такъ называется, и вдругъ вижу, приносятъ полоскательную чашку. Такъ вотъ, что *шпилькумка* (*)! — Ровно въ половинѣ шестаго, зазвенѣлъ колокольчикъ громче обыкновеннаго. Это папенька! закричали дѣти, и бросились въ переднюю комнату. Вошелъ въ комнату рослый, дородный мужчина лѣтъ подъ шестьдесятъ, въ синемъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ: полное его лице, высокій лобъ, яркіе глаза и движеніе губъ означали и степенность и веселость, и умъ и доброе сердце. Онъ обратился ко мнѣ съ пріѣтствіемъ на русскомъ языкѣ, которымъ говорилъ съ трудомъ. Замѣтивъ это, я отвѣчалъ по-нѣмецки. Лице старика прояснилось, и онъ сталъ выраженіями, исходившими изъ сердца, изъяслять мнѣ благодарность свою за попеченіе о его сынѣ. Слезы заблестали въ глазахъ его, когда я сталъ увѣрять, что сынъ его въ полной мѣрѣ заслужилъ оказанное ему отличіе. И мать отерла глаза при этихъ словахъ. — «Боже мой!» подумалъ я про себя: «сколь малаго надобно на то, чтобъ осчастливить добрыхъ людей! Чтó я значу въ свѣтѣ и въ службѣ, а отъ меня ужъ зависитъ счастье цѣлаго семейства. И какъ мы этимъ пренебрегаемъ! Какъ легкомысленно игра-

---

(*) *Spühlschumme*.

емъ счастіемъ и спокойствіемъ ближнихъ!» Всѣ усѣлись вокругъ чайнаго столика. Опять зазвенѣлъ колокольчикъ, и появился мой знакомецъ, Иванъ Ивановичъ Фризель. Онъ крайне обрадовался, увидѣвъ меня въ кругу своего семейства, поздоровался съ сестрою и съ зятемъ, сѣлъ за столъ, роздалъ дѣтямъ по кусочку лакрицы и дѣвичей кожи съ поклономъ отъ дядюшки, аптекаря. Потомъ вынулъ онъ изъ кармана Берлинскія Газеты, и подалъ хозяину, сказавъ: «Твоя очередь, братецъ!» — «Какая очередь?» спросилъ я. — «Извольте видѣть, Дмитрій Сергѣевичъ,» отвѣчалъ Фризель: «насъ пятнадцать человекъ складывается для полученія иностранныхъ газетъ, и мы читаемъ по очереди.» — «Почему выписываете вы Берлинскія? Я полагалъ всегда, что Гамбургскія лучше,» сказалъ я. — «Были лучше,» отвѣчалъ Карлъ Ѳедоровичъ: «но съ тѣхъ поръ, какъ завладѣли Гамбургомъ ненавистные Французы, и печатаютъ тамошняго Корреспондента по-поламъ съ французскимъ языкомъ, намъ грустно и больно читать ихъ.» — «Вы правы,» сказалъ я: «больно и досадно.» — Хозяйева мои между тѣмъ закурили трубки, и тщетно подчивали меня. «Вы, Русскіе,» сказалъ Миллеръ: «не любите курить табаку, и хорошо дѣлаете, потому, что это пустая прихоть, и много денегъ вывозить изъ государства; но погодите: дойдетъ и до васъ очередь.» Мать, дѣти и я пили чай, а старикамъ сдѣлали пуншу. Досадно! подумалъ я: неужели люди не могутъ

быть довольны безъ этого гнуснаго напитка? Но, сколько я могъ примѣтить, здѣшній пуншъ былъ экономическій, а не нашъ, россійскій. — Явился и мой подчиненный, окончивъ въ своей комнатѣ работу, заданную ему къ завтрашнему дню. Начались разговоры о политикѣ. Старикъ Миллеръ судилъ здраво и основательно, горевалъ о тогдашнемъ состояніи Европы, и утверждалъ, что ея спасеніе зависитъ единственно отъ нашего Государя. Фризель соглашался съ нимъ, но приправлялъ свои сужденія шуточками, пословицами и анекдотами о больныхъ и о здоровыхъ. Послѣ чаю, Миллеръ сказалъ весело: «Ну, дѣти, сегодня займемся музыкою!» — «Охотно, папенька!» отвѣчали они. — «Музыкальны ли вы (*)?» спросила у меня Марья Ивановна. — «Нѣтъ, сударыня!» отвѣчалъ я: «къ несчастію, не имѣлъ я случая въ молодости выучиться музыкѣ, и теперь очень объ этомъ сожалею: музыка можетъ доставить большое удовольствіе человѣку съ чувствомъ» — «Не только удовольствіе,» сказалъ Миллеръ: «она возвышаетъ душу, выражаетъ то, чего словами сказать нельзя. Кто не любитъ музыки, тотъ....» — — «Да!» подхватилъ Фризель: «и Мартинъ Лютеръ, чловѣкъ умный и просвѣщенный, говаривалъ: *Wer nicht liebt Wein, Weiber und Gesang, Der bleibt ein Narr sein lebelang* (**).

(*) Sind Sie musikalisch?

(**) Кто не любитъ вина, женщинъ и пѣнія, тотъ всю жизнь остается дуракомъ.

Миллеръ сѣлъ за фортепіано, и заигралъ простую церковную пѣснь. Послѣ прелюдіи запѣлъ онъ ее вѣрнымъ и пріятнымъ голосомъ. Дѣти и жена ему вторили. Фризель припѣвалъ также фистулою. Миллеръ чувствовалъ, что пѣлъ: слезы благодаренія къ Творцу, выражаемаго въ стихахъ пѣсни, выступили у него на глазахъ. Голосъ его дрожалъ. По окончаніи пѣнія, нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе, во время котораго Миллеръ варіировалъ на фортепіанѣ пѣтую мелодію. «Нѣтъ!» сказалъ онъ со вздохомъ: «это не то! лучшаго голоса нѣтъ въ нашемъ хорѣ.» — «Теперь споемъ чтонибудь повеселѣе!» сказалъ Фризель, будто не дослышавъ сказаннаго. — «Изволь, братъ, студентскую!» отвѣчалъ зять, и началъ:

Vom hoch'n Olymp herab ward uns die Freude,
Ward uns der Jugendtraum bescheert (*).

Фризель сталъ ему вторить; но каково было ихъ удовольствіе, когда и я началъ подтягивать эту прекрасную пѣсню, слышанную мною нерѣдко у нѣмецкихъ профессоровъ въ Москвѣ! За этимъ послѣдовали: *Freut euch des Lebens*, и другія нѣмецкія аріи съ акомпаниментомъ хора. Миллеръ пѣлъ все съ чувствомъ и выразительностію. Вдругъ взглянулъ онъ на часы, и вскричалъ: «Девять часовъ! пора ужинать!» — Между тѣмъ накрыли столъ бѣлою скатертью, поста-

---

(*) Съ выпренняго Олимпа ниспосланы намъ радости и мечтанія юныхъ дней.

вили сыръ, масло, холодное жаркое, картофельный салатъ, бутылку краснаго вина, двѣ бутылки пива и зельтерскую кружку съ квасомъ. — «Милости просимъ!» сказалъ мнѣ Миллеръ: »садитесь, господинъ Мстиславцевъ! Покушайте съ нами.» Я поблагодарилъ его, сказавъ, что никогда не ужинаю. — «Пустое!» отвѣчалъ онъ: «молодой человѣкъ долженъ ужинать. Это нужно для подкрѣпленія силъ, истощенныхъ дневными трудами.» — «Скушайте хоть кусочекъ масложльба (*)!» сказала привѣтливо хозяйка. — Миллеръ продолжалъ: «Человѣкъ имѣетъ въ пищу надобность не только для подкрѣпленія силъ своихъ, но и для прославленія Творца. При каждомъ кускѣ онъ долженъ благодарить Бога за насущный хлѣбъ. Если бъ онъ не имѣлъ нужды въ пищу и питіи, то вскорѣ бы возгордился и забылъ своего Создателя. А такъ онъ всякой день напоминаетъ себѣ о своихъ обязанностяхъ.» — «А что были бы мы, врачи,» прибавилъ, улыбаясь Фризель: »если бъ люди родились безъ желудка? Это мнѣ напоминаетъ анекдотъ о моемъ покойномъ профессорѣ, который частенько намъ говаривалъ, что наши золотые рудники на богатыхъ и роскошныхъ столахъ, на золотыхъ блюдахъ.» — «Сохрани насъ Богъ отъ неводержанія!» сказалъ Миллеръ: «а ѣсть и пить должно, и хорошо.» — Засимъ всѣ сложили руки, и ставъ предъ своими мѣстами,

---

(*) Butterbrot.

прочли тихую молитву. Сперва сълъ Миллеръ, потомъ и прочіе. Я также. Со мною обходились учтиво, привѣтливо, но безъ церемоній, и какъ съ человѣкомъ давно знакомымъ. Ужинъ приправляемъ былъ нравственными и философическими замѣчаніями Миллера, и анекдотами Фризея. Иногда всѣ собесѣдники дружно хохотали. Послѣ ужина, по произнесеніи прежнимъ порядкомъ молитвы, Миллеръ сълъ опять за фортепіано, и пропѣлъ нѣсколько строфъ изъ Шиллеровой Пѣсни Радости. Послѣдніе стихи:

Eine heitre Abschiedsstunde,
Süßen Schlaf im Leichentuch —
Brüder! einen sanften Spruch
Aus des Todtenrichters Munde (*).

пѣлъ онъ съ бѣльшимъ противъ прежняго чувствомъ. Окончивъ громкимъ аккордомъ, который потерялся въ длинной руладѣ, онъ всталъ и сказалъ дѣтямъ: «Ну, пора спать! прощайте!» Я догадался, что это, между прочимъ, сказано и мнѣ, взялъ шляпу и откланялся. Миллеръ, жена его и Фризель дружески желали мнѣ счастливо воротиться домой и покойнаго сна, и просили навѣщать ихъ въ досужее время, если мнѣ у нихъ, Нѣмцевъ, не слишкомъ было скучно.

Я пошелъ домой съ какимъ-то сладостнымъ

(*) Дажь намъ кроткій часъ разлуки, тихій сонъ въ могильномъ саванѣ. Братья! Станемъ ждаты утѣшительнаго изрѣченія изъ устъ Судіи умершихъ!

чувствомъ. Предо мною открылся новый міръ, который я дотолъ зналъ изъ Лафонтеновыхъ романовъ и Ифландовыхъ драмъ. Я думалъ, что этотъ міръ вымышленъ поэтами, а теперь увидѣлъ, что онъ существуетъ въ самомъ дѣлѣ. Я былъ слишкомъ рано исторгнутъ изъ родительскаго дома, и съ тѣхъ поръ жилъ все между чужими, бывалъ на званыхъ и на холостыхъ обѣдахъ, но потерялъ изъ виду все, что можетъ назваться семействомъ въ точномъ смыслѣ сего слова. Иногда случалось мнѣ быть на вечерахъ, гдѣ играютъ въ карты, танцуютъ, разговариваютъ, шумятъ, смѣются, но все это было что-то принужденное и парадное. Видалъ я и семейственныя картины, гдѣ одинъ или двое изъ дѣтей, любимцы маменьки, валяются на диванахъ и бранятся съ маменькою, а прочія, Сандрильоны, растутъ въ дѣтской, близъ дѣвичей и лакейской, въ ожиданіи той минуты, когда мосье или мадамъ станетъ выправлять ихъ для вступленія въ свѣтъ! А здѣсь я видѣлъ повиновеніе, основанное на законахъ природы и общества человѣческаго, видѣлъ строгость, соединенную съ правосудіемъ и нѣжностью; видѣлъ дѣтскую безусловную любовь и преданность къ родителямъ; видѣлъ родителей, которые смотрятъ на дѣтей, какъ на залогъ, данный имъ Богомъ, въ которомъ они должны со временемъ дать отчетъ на Страшномъ Судѣ.

Я вскорѣ коротко познакомился въ домѣ почтеннаго Миллера, и проводилъ пріятнѣйшіе

вечера въ кругу его семейства. Время протекало въ дружеской бесѣдѣ, въ занятіяхъ музыкаю; иногда играли и въ бостонъ, по копѣйкѣ; учили и бранили меня, нерожденного для карточной игры. Изрѣдка и читали — новыя нѣмецкія книги. Выходя изъ любезнаго круга, я чувствовалъ, что всякій разъ становлюсь добрѣе и благороднѣе.

Опишу тебѣ характеръ всѣхъ лицъ этого семейства.

Миллеръ, отецъ, человѣкъ ученый и умный, характера твердаго, доходящаго до упрямства, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ кротокъ и чувствителенъ, даже до слабости. Безкорыстіе, честность и праводушіе его не знаютъ предѣловъ: случается, что какой нибудь ученикъ, къ которому онъ ѣзжалъ въ Коломну, переѣдетъ на Васильевскій Островъ. Миллеръ тотчасъ *требуе*тъ уменьшенія платы, ибо нынѣ нужно меньше времени на переходъ, и не надобно нанимать извозчика. Когда его станутъ принуждать къ принятію прежней платы, онъ обидится, и въ состояніи бросить выгодное мѣсто. Въ этомъ онъ отличается отъ многихъ своихъ единоплеменниковъ, у коихъ расчетъ барыша есть главное дѣло во всѣхъ случаяхъ жизни. — Другое отличіе его отъ Нѣмцевъ состоитъ въ его хлѣбосолюбствѣ. Онъ не сзываетъ гостей, ибо полагаетъ, что въ семъ случаѣ должно изготовить великолѣпнѣйшее пиршество; но кто къ нему прійдетъ, того накормитъ до отвала. И этотъ уче-

ный, умный, благородный человекъ наполненъ
странными предразсудками! Такъ, напримѣръ,
онъ полагаетъ, что на одномъ нѣмецкомъ языкѣ
написано въ новое время что либо порядочное,
и особенно ненавидитъ писателей французскихъ.
Расинъ, Мольеръ и Вольтеръ называются у него
miserable Kerls. Баснописецъ Лафонтенъ, утвер-
ждаетъ онъ, конечно былъ Нѣмецъ, или проис-
ходилъ отъ какой нибудь нѣмецкой лотаринг-
ской или тому подобной фамиліи. — Другое при-
страстіе оказываетъ онъ къ Протестантской Ре-
лигіи, ко всемъ ея обрядамъ, повѣрьямъ и да-
же обыкновеніямъ, сопряженнымъ съ нѣкото-
рыми обрядами. Я думаю, что онъ развелся бы
съ своею доброю Марьею Ивановною, если бъ
въ Великій Четвертокъ (называемый у Нѣмцевъ
Grün Donnerstag) не было на столъ крапивнаго
супу, а 10 ноября, въ день Мартина Лютера, не
подали жаренаго гуся, начиненнаго яблоками и
черносливомъ. На насъ, иновѣрцевъ, смотритъ
онъ не съ презрѣніемъ, а съ какимъ-то сожа-
лѣніемъ. — Примѣры всему этому расскажу я
тебѣ со временемъ.

Жена его, Марья Ивановна, образецъ доброй
матери и хозяйки. Съ утра до самой ночи зани-
мается она устройствомъ домашнихъ дѣлъ, не-
усыпно и кропотливо, но безъ крику и шуму.
Напоить поутру весь домъ чаемъ и кофеемъ
(Нѣмцы пьютъ поутрамъ обыкновенно кофе),
отпустить дѣтей въ школу, прибрать все въ до-
мѣ, изготовить подъ своимъ присмотромъ обѣдъ,

потомъ кофе, чай, и ужинъ, уложить дѣтей — вотъ кругъ, въ которомъ она движется. Бережливость, порядокъ и опрятность въ домѣ ея удивительныя. Разъ вошелъ я послѣ обѣда въ кухню, и изумился. Какая чистота! какой порядокъ! Полъ вымытый, кажется, сегодня, и усыпанный мелкимъ пескомъ. Кастрюли и сковороды свѣтятся на полочкахъ. Блюда, миски и тарелки стоятъ правильными рядами и столбцами. Нигдѣ ни пылинки! — Образованность ея не дальняя. Рыцарскія повѣсти, романы Лафонтена и драмы Коцебу составляютъ всю ея литературу; но она улучшаетъ каждую четверть часа, чтобъ хоть присѣсть за книжку. — Женщина почтенная — но, признаюсь, я не желалъ бы имѣть такую жену. Ключницу, кухарку опрятную, бережливую и искусную можно нанять, а жена, жена, что-то выше, не только выше этихъ занятій, но должна быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и выше меня!

Братъ ея, Иванъ Ивановичъ, тебѣ уже знакомъ. Забавный оригиналъ! Въ литературѣ и эстетикѣ онъ не далѣе своей сестрицы, учился на мѣдныя деньги въ какомъ-то запоздаломъ нѣмецкомъ университетѣ, и уже двадцать пять лѣтъ не читалъ ничего, кромѣ Гамбургскихъ и Берлинскихъ Газетъ, и *Anecdoten=Almanach*. Вся его матерія-медика состоитъ изъ четырехъ микстуръ, трехъ порошковъ, двухъ родовъ пилюль, и еще нѣсколькихъ домашнихъ средствъ: ревеню, гофманскихъ капель, креморъ-тартара, ма-

гнезіи и т. п. Въ діетѣ приказываетъ онъ наблюдать не качество, а количество пищи. Но онъ имѣетъ довольно обширную практику, ибо очень прилежно посѣщаетъ больныхъ, и долго съ ними разговариваетъ. Всѣ его пациенты утверждаютъ, что онъ совершенно знаетъ ихъ натуру. Къ чести его сказать должно, что онъ самъ знаетъ свои силы, и при малѣйшей опасности, гдѣ полагаетъ свои средства недѣйствительными, проситъ призвать другаго врача. — Доброжелательство его, снисхожденіе и услужливость не знаютъ предѣловъ. Нѣтъ ничего хуже людей и вещей, имъ отрекомендованныхъ. Люди, отринутые всѣми за явные пороки, явятся къ нему, поплачутъ, и получаютъ усердную рекомендацію. Узнавъ, что мнѣ случилась надобность въ коновалѣ, онъ прислалъ ко мнѣ пьянаго Нѣмца, кузнеца, который чуть было не уморилъ единственнаго моего коня. Въ другой разъ рекомендовалъ онъ мнѣ шляпный магазинъ. Я послушался, заплатилъ за шляпу въ три-дорога, и она, на другой же день, расплылась на первомъ дождѣ. Вотъ вредъ и отъ добрыхъ людей! Удивительно, какъ онъ ладитъ съ своимъ зятемъ, человѣкомъ строгимъ и часто довольно грубымъ. Видно, Миллеръ отучилъ его отъ рекомендацій.

О старшемъ сынѣ Миллера ты уже имѣешь понятіе. Онъ будетъ со временемъ похожъ на отца, только навѣрное сдѣлается еще грубѣе, акуратнѣе и — несноснѣе. Онъ отличный чиновникъ, усердный исполнитель, примѣрный под-

чиненный, но со временемъ я не желалъ бы быть у него въ командѣ — замучить, окаланный! У Миллера, кромѣ видѣнныхъ мною пятерыхъ дѣтей, есть семнадцатилѣтняя дочь, Луиза, о которой родственники наговориться не могутъ. Она живетъ въ Москвѣ, и вотъ какъ туда попала. Отецъ ея, вскорѣ послѣ женитьбы, опредѣлился въ Москвѣ домашнимъ учителемъ въ домъ Князя Войтова. Въ этомъ домѣ родилась дочь его, въ одинъ день съ единственною дочерью князя. Дѣти росли вмѣстѣ, какъ родныя сестры. Въ то самое время, когда кончилось воспитаніе старшаго сына, при которомъ находился Миллеръ, умерла княжна. Неутѣшная мать бросилась на колѣни предъ уѣзжавшимъ въ Петербургъ Миллеромъ, и просила уступить ей въ пріемыши Луизу, обѣщая, что будетъ воспитывать ее, какъ родную дочь. Миллеръ, непреклонный Миллеръ, тронулся слезами несчастной матери, и согласился оставить у ней семилѣтнюю дочь свою съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ее основательно учили нѣмецкому языку, и отнюдь не побуждали къ перемѣнѣ Лютеранскаго Исповѣданія. Княгиня на все согласилась, и въ точности исполнила данное слово. Прошлаго года она присылала Луизу въ Петербургъ, для конфирмаціи. Извѣстенъ ли тебѣ сей умилительный обрядъ Протестантской Церкви? Въ ней допускаютъ къ причастію Святыхъ Таинъ однихъ взрослыхъ, и не прежде, какъ по испытаніи ихъ въ правилахъ Вѣры. Для сего, въ каждомъ

приходъ, пасторъ ежегодно преподаетъ юношамъ и дѣвицамъ наставленіе въ Законъ Божіемъ; незадолго до Страстной Недѣли, ихъ испытываютъ, въ церкви, всенародно, и потомъ торжественно принимаютъ въ число совершеннолѣтнихъ членовъ Церкви, послѣ чего позволяетъ имъ сподобиться Святаго Причастія. Сей обрядъ имѣетъ великое вліяніе какъ на нравственность, такъ и на просвѣщеніе въ земляхъ протестантскихъ, ибо требуетъ познанія грамоты, катихизиса и Священной Исторіи во всѣхъ сословіяхъ. — Миллеръ самъ, какъ ученый богословъ, строго проэкзаминовалъ Луизу; нашелъ, что она основательно знаетъ ученіе Протестантской Церкви, и допустилъ ее къ конфирмаціи. Въ условіи съ княгинею сказано было, чтобъ Луиза, вступивъ въ совершенный возрастъ, воротилась въ домъ родительскій, и она готова была совершенно поселиться въ Петербургъ, но вдругъ получила извѣстіе, что воспитательница ея занемогла. Миллеръ, не дожидаясь просьбы или желанія княгини, самъ отвезъ Луизу въ Москву, и оставилъ тамъ, доколѣ княгинѣ это будетъ угодно. Марья Ивановна, которой я изъяснилъ сожалѣніе о томъ, что она должна жить въ разлукѣ съ дочерью, объявила мнѣ за тайну, что княгиня намѣрена отказать Луизѣ сто тысячъ рублей и каменный домъ въ Москвѣ, и прибавила: «Вотъ прекрасная невѣста будетъ!» Я любопытствовалъ знать, какова она собою. — «Красавица!» отвѣчала мать, и показала мнѣ миніа-

тиорный портретъ ея. Я увидѣлъ длинное, сухое, смуглое лицо, съ рыжими волосами и карими, вздернутыми вверхъ глазами, съ приторною на устахъ улыбкою. Она изображена была безъ тѣней, въ древнемъ нѣмецкомъ костюмѣ. — «И это дочь ваша, Луиза?» спросилъ я у матери. — «Да, Дмитрій Сергѣевичъ! и какъ похоже написана! Это работа двоюроднаго племянника моего, преискуснаго живописца Пергеліуса; онъ учился въ Выборгѣ, а теперь вояжируетъ въ Римъ.» — Жаль, что я любопытствовалъ!

Въ домѣ и родствѣ Миллера узналъ я еще нѣсколько оригиналовъ. Первое мѣсто въ числѣ ихъ занималъ дядя Марьи Ивановны, аптекарь Штокманъ, человѣкъ достаточный, но до крайности своенравный, брюзгливый и скупой. Онъ прожилъ до семидесяти лѣтъ въ своей лабораторіи, не зная, что дѣлается въ свѣтѣ, и лѣтъ тридцать не выходилъ со двора. Однажды, когда ученикъ въ другой какой-то аптекѣ отпустилъ рвотнаго камня вмѣсто магnezіи, и всѣхъ аптекарей потребовали въ физикатъ для принятія родительскаго наставленія — оказалось, что у Штокмана нѣтъ шляпы, и онъ принужденъ былъ взять ее напрокатъ у своего провизора. — Онъ крѣпко держался старинныхъ формъ, и крайне жаловался на развращеніе Химіи и Фармаціи въ новѣйшія времена. Твердо помня то, чему учился или о чемъ слыхалъ въ молодости, онъ нынѣ нерѣдко забывалъ то, что слышалъ наканунѣ. Учрежденіе адресъ-конторы совер-

иенно сбило его съ толку. Вдругъ является къ нему полицейскій офицеръ, и объявляетъ, что, по приказанію господина военнаго губернатора и кавалера, слѣдуетъ взыскать съ него, аптекаря Штокмана, за просрочку паспорта кухарки его, кексгольмской уроженки, дѣвицы Ульрики Матвѣевой Матиссонъ, шестьсотъ тридцать рублей. — Штокманъ ужаснулся, и — какъ ты думаешь — заплатилъ? — Нѣтъ! онъ, для избѣжанія разорительной уплаты, женился на этой кухаркѣ, старой, гнусной Чухонкѣ, къ соблазну и огорченію всего своего семейства и знакомыхъ.

Другой презабавный человѣкъ, видѣнный мною въ домъ Миллера, былъ товарищъ его по университету, профессоръ, докторъ философіи Ципперлейнъ, — великій человѣкъ на малыя дѣла. Онъ посвятилъ всѣ ученые труды свои — библиографіи, то есть, вычитываетъ и выписываетъ всѣ заглавія книгъ, мѣсто и время ихъ печати, форматъ, число страницъ, а до того, что въ книгахъ находится, ему нужды нѣтъ. Составивъ множество каталоговъ, онъ воображаетъ, что имѣетъ познанія въ Литературѣ, Лингвистикѣ и Исторіи, и, вообрази, толкуетъ о Русской Исторіи, едва умѣя подписать по-русски свое имя. Блистательный примѣръ Шлецера свелъ съ ума многихъ безталанныхъ нѣмецкихъ компиляторовъ. Меня онъ очень уважаетъ, и угадаешь ли, за что? За то, что я происхожу, по его мнѣнію, отъ перваго русскаго типографщика, Петра Мстиславцева! Впрочемъ и эти имѣли полезны:

спроси его о какой угодно нѣмецкой или латинской книгѣ, онъ опишетъ ее въ точности, какъ примѣты пропадшей собаки. — Но еще оригинальнѣе Ципперлейна сестра его, вдова булавочнаго мастера, Анна Ивановна, какъ по фамиліи, не знаю. Она имѣетъ обширное знакомство между петербургскими Нѣмцами, и считается необходимою особою при всѣхъ многочисленныхъ собраніяхъ, на крестинахъ, на похоронахъ, на свадьбахъ, и т. п. Къ ней посылается приглашеніе съ вечера. Она является на другой день заблаговременно, въ бѣломъ платьѣ, которое, въ случаѣ бѣды за чаемъ или кофеемъ, можно вымыть; обыкновенно занимаетъ у хозяйки чистый чепчикъ, и повязываетъ его лентою, розовою на свадьбѣ, голубою на крестинахъ, черною на похоронахъ. На ея попеченіи находятся приготовленіе чаю, кофе, шоколаду, пуншу и проч., и подчиванье гостей. У ней же, на всякій случай, въ карманѣ сткляночка со спиртомъ, для употребленія при обморокахъ и т. п. Анна Ивановна или возсѣдитъ въ боковой комнатѣ, за большимъ круглымъ столомъ, уставленнымъ самоваромъ, чашками, стаканами, бутылками и прочимъ, или суетится по всѣмъ угламъ. Въ награду за усердные труды получаетъ она отъ хозяйки фунтъ кофе, фунтовъ пять сахару, иногда и чепчикъ, служившій ей нарядомъ. Въ обыкновенное время Анна Ивановна бываетъ невидимкою, но лишь только почуветь что либо необычайное въ знакомыхъ домахъ,

является какъ листъ передъ травой. Она съ веселыми радуется, съ грустными груститъ, съ печальными горько плачетъ.

Сколько еще другихъ оригиналовъ нашелъ я въ этомъ кругу! Только не думай, сдѣлай милость, чтобъ я составлялъ въ моихъ письмахъ безусловное похвальное слово всѣмъ петербургскимъ Нѣмцамъ. Случай позволилъ мнѣ войти въ кругъ, достойный всякаго уваженія, при всѣхъ мелкихъ слабостяхъ особъ, которыя его составляли. Страсти, приводящія въ движеніе сердца и души людей, свирѣпствуютъ и здѣсь, между пришельцами забалтійскими. Спесь, гордость, дерзость, презрѣніе къ людямъ заражаютъ богатыхъ. Въ низкомъ классѣ нѣмецкихъ ремесленниковъ довольно грубіяновъ, жадныхъ къ прибыли, обманщиковъ и горькихъ пьяницъ. Есть мастера, которые пропиваютъ и проигрываютъ въ американскомъ и маломъ танцевальномъ клубѣ весь свой доходъ, оставляя семейство въ крайности. Есть, съ другой стороны, богачи, заглушившіе въ сердцѣ своемъ всякій голосъ состраданія и человеколюбія. Но то справедливо, что въ среднемъ состояніи нигдѣ не найдемъ столько честныхъ, благородныхъ, образованныхъ людей, какъ между здѣшними Нѣмцами. Въ кругу нѣмецкихъ пасторовъ, врачей, ученыхъ, небогатыхъ купцевъ, служащихъ чиновниковъ заключаются особы, которыя принесли бы честь всякому сословію. Причиною сему вообще нѣмецкое добродушіе, умѣренность, бере-

жливость, довольство малымъ; въ частности же, хорошее, сообразное съ состояніемъ воспитаніе. Дѣти растутъ подъ надзоромъ своихъ родителей, обучаются въ хорошихъ школахъ, заведенныхъ и содержимыхъ не на счетъ правительства, а собственными средствами приходовъ.

Любопытно было бы составить изъ достоверныхъ свѣдѣній исторію и статистику нѣмецкой колоніи въ Россіи! Должно замѣтить, что переселившіеся въ Россію Нѣмцы усердно придерживаются своего Протестантскаго Исповѣданія (католиковъ здѣсь немного), и сохраняютъ употребленіе нѣмецкаго языка. Но языкъ этотъ имѣетъ въ Россіи особенное нарѣчіе, отличающееся отъ всѣхъ германскихъ нѣжностію и пріятностію. Въ Пруссіи, въ Саксоніи и т. д., говорятъ гораздо жестче, грубѣе и даже неправильнѣе, нежели въ Ригѣ, въ Дерптѣ, въ Петербургѣ. Въ нарѣчіе это вкрались и нѣкоторыя русскія слова, вѣроятно показавшіяся пріятными и выразительными первобытнымъ Нѣмцамъ въ Россіи. Таково, на примѣръ, слово *пожалуй*, которое очень часто слышишь въ нѣмецкой бесѣдѣ: *Ich will, doch a!ui, mitgehen*, и т. п. — Ничто не можетъ быть смѣшнѣе русскаго языка, употребляемаго нѣкоторыми Нѣмцами, родившимися въ Россіи. Я сообщилъ тебѣ нѣсколько образчиковъ въ рѣчахъ Марьи Ивановны Миллеръ. Къ тому должно прибавить, что произношеніе русскаго языка у нихъ довольно чистое, хотя и мягче, нежели слѣдуетъ; но конструкція,

спряженіе и употребленіе словъ совершенно сбиваютъ съ толку того, кто впервые все это слышитъ. Забавны также переводы собственныхъ именъ: Карлъ и Христіанъ остаются въ своей силѣ; но Августа нерѣдко крестятъ въ Евстафія; Магнуса въ Максима или Матвѣя; Густавъ — Кузьма; Амалія — Пелагѣя, Флорентина — Вѣра. и т. д. — Достойно примѣчанія, что Нѣмцы, сохраняя религію и языкъ свой, совершенно забываютъ въ Россіи политическія свои отношенія къ прежнему отечеству, и становятся русскими подданными не по одной присягѣ, но и въ сердцѣ и душѣ. Англичане носятъ въ Петербургѣ трауръ по смерти Англійскаго Короля; Французы сохраняютъ характеръ роялистовъ, либераловъ, и т. п.; но Нѣмецъ оставляетъ свое подданство Герцогу Ангальтъ - Кетенскому или Шварцбургъ - Зондерсгаузенскому на кронштатской брандвахтѣ. Этому виною политическое раздробленіе Германіи, и вообще нѣмецкій космополитизмъ. — Ты спросишь: отъ чего же, при этихъ похвальныхъ качествахъ Нѣмцевъ, они не пользуются въ Россіи должнымъ уваженіемъ? Отъ чего слово *Нѣмецъ*, въ устахъ Русскаго, и наоборотъ *ein Russe, ein wahrer Russe*, въ устахъ Нѣмца, есть что-то непохвальное? Первая причина этому заключается, по мнѣнію моему, въ томъ, что Русскіе и Нѣмцы достаточно не знаютъ другъ друга. Кто у насъ, Русскихъ, есть представитель нѣмецкой націи? Неуклюжій портной, грубый сапожникъ. — Съ кѣмъ изъ Русскихъ

преимущественно обращаются Нѣмцы? Съ лавочниками, мясниками, рыбаками, огородниками, которые надутъ Нѣмца или Нѣмку не считаютъ за большой грѣхъ. Не правда ли? — Вторая причина, какъ мнѣ кажется, состоитъ въ разности и, можно сказать, въ противоположности характеровъ Россіянъ и Нѣмцевъ. Русскіе — народъ по превосходству воинственный: они Спартанцы или, лучше сказать, Римляне новыхъ временъ. Что требуетъ силы, смѣливости, пламеннаго пожертвованія, минутнаго исполненія, что обѣщаетъ и непосредственную награду — все это прельщаетъ и занимаетъ Русскаго. Отъ этихъ добродѣтелей происходятъ и недостатки наши: легкомысліе, безпечность, лѣнь, охота жить снуся рукава, иногда и на счетъ ближняго, и неспособность усидѣть за дѣломъ на одномъ мѣстѣ. Нѣмецъ, напротивъ того, разсудителенъ, терпѣливъ, хлопотунъ, недантъ, не тронетъ чужаго, но и своего ни за что не отдастъ. Спросите у Нѣмца о Русскомъ; онъ похвалитъ его съ прибавленіемъ: «очень прилеженъ и терпѣливъ для Русскаго.» Всѣ дѣла, гдѣ нужно ровное постоянство и неусыпное, неподстрекаемое свыше трудолюбіе, русскому человѣку нестерпимы. Отъ этого мы такъ мало успѣваемъ въ наукахъ, не требующихъ порывовъ воображенія. и это было бы еще очевидно, если бъ въ XVII вѣкѣ не присоединилась къ намъ Малороссія. Южные соотчичи наши гораздо насъ терпѣливѣе, постояннѣе, усидчивѣе, если смѣю такъ ска-

затъ. Въ числѣ десяти врачей, насчитаешь троихъ Нѣмцевъ, шестерыхъ Малороссіянъ и одного Русскаго. Въ военно-ученой службѣ, какъ то: въ инженерахъ, въ артиллеріи, въ генеральномъ штабѣ, по соразмѣрности, Нѣмцевъ гораздо болѣе, нежели Русскихъ. У насъ жалуются на то, что Малороссіяне въ статской службѣ вездѣ пролѣзаютъ; это несправедливо: они только *пересиживаютъ* насъ. Русскій въ статской службѣ можетъ быть лишь хорошимъ *чиновникомъ по особымъ порученіямъ*: слетать, взглянуть, рѣшить — наше дѣло. Я не упоминаю здѣсь о нашемъ крапивномъ сѣмени — о подьячихъ, полагая, что это есть зло, оставшееся у насъ послѣ владычества Татаръ. Подьячіе возникли въ тѣ времена темной памяти, когда, кромѣ ихъ, никто изъ мірянъ не зналъ грамоты. — — Теперь, съ другой стороны, спросите у Русскаго о начальникѣ его, Нѣмцѣ, и получите въ отвѣтъ: «Хорошій человекъ, да жалъ, что Нѣмецъ.» Это происходитъ отъ неслосной аккуратности, отъ педантства, отъ бережливости Нѣмцевъ, не только на свое, но и на чужое, т. е. на Государево. Есть Нѣмцы, которые не сдѣлаютъ вамъ, по словамъ и смыслу законовъ и нравственности, ни малѣйшей обиды, но между тѣмъ вытянутъ душу. Отъ бережливости недалеко до скупости и до любостыжанія. Въ этомъ случаѣ господствуетъ у Нѣмцевъ необыкновенная способность — выражаемая глаголомъ: *profitiren*. Это значитъ пользоваться всѣми незапрещенными средствами къ пріобрѣтенію, и отъ

этого происходятъ въ нихъ мелкія попеченія о житействѣ, препятствующія порывамъ великодушія и самопожертвованія.

Вотъ каковы были, или какими показались мнѣ люди, съ которыми привелось мнѣ имѣть тѣсныя связи! Не надобно однако думать, чтобъ рѣзкая черта раздѣляла Нѣмцевъ и Русскихъ въ Россіи. Между ними находятся нечувствительные переходы. Есть Нѣмцы, довольно обрусѣвшіе, отъ воспитанія ли въ русскихъ училищахъ, или отъ близкой связи и родства съ Русскими: они сохранили только Протестантское Исповѣданіе, и на нѣмецкій языкъ смотрятъ, какъ мы на славянскій, а католики на латинскій, т. е. какъ на необходимость при богослуженіи. Есть Нѣмцы, совершенно забывшіе, особенно въ военной службѣ, нѣмецкій языкъ: они ходятъ молиться Богу въ русскія церкви, а въ лютеранскихъ только исповѣдуются и причащаются. Еще есть немногіе Нѣмцы, которые, имѣвъ русскую мать, крещены въ Греческомъ Исповѣданіи: они похожи на цыплятъ, высиженныхъ уткой; не знаютъ, оставаться ли, по натурѣ своей, на берегу, или броситься за маткою въ воду.

Довольно ли напѣлъ я тебѣ о Нѣмцахъ, въ пристрастіи къ которымъ ты меня упрекаешь? Но кто виноватъ въ судьбѣ своей! Первымъ другомъ, первою благодѣтельницею моею, какъ я тысячу разъ тебѣ говорилъ, была Нѣмка, и она-то сблизила меня съ этою націею, сдѣлала меня не слѣпымъ, а снисходительнымъ къ ея сла-

бостямъ , и внушила душевное уваженіе къ ея добродѣтелямъ.

Признаюсь тебѣ, что мнѣ здѣшніе германскіе Нѣмцы нравятся менѣе петербургскихъ. Не отъ того ли это происходитъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло преимущественно съ почтилльонами, трактирщиками, лонъ-лакеями, для которыхъ всякій русскій путешественникъ есть *пушной звѣрь*? Стрѣльба по нашимъ кошелькамъ производится безпрестанно.

Повидимому, я долженъ вскорѣ разстаться съ любезнымъ Дрезденомъ, гдѣ жилъ, въ бесѣдѣ съ Волгинымъ и другими земляками, довольно весело и пріятно. Говорятъ, что намъ поручено будетъ какое-то дѣло во Франкфуртѣ на Майнѣ. Поѣду и туда. Мнѣ все равно, гдѣ ни жить. Здѣсь я ни съ кѣмъ не свелъ короткаго знакомства, и этому причиною, какъ кажется, я самъ. Примѣчаю, что люди бѣгають моею угрюмости, называютъ меня скрытнымъ, мизантропомъ, гордецомъ и Богъ знаетъ чѣмъ. Пусть! Одна старушка, *Zantchen*, любитъ меня искренно, сколько мнѣ кажется, и горюетъ при помыслѣ, что я выѣду изъ Дрездена. Но и то можетъ быть, что ей милъ не я, а червонцы и талеры мои. — Нѣтъ! не стану оскорблять ея этою мыслію. Лучше обману себя, и буду воображать, что она меня любитъ безкорыстно, нежели обижу ее подозрѣніемъ въ противномъ.

Сказываютъ, что появленіе капризовъ, упрямства, прихотей въ болѣзни, послѣ совершеннаго

разслабленія и безчувствія, есть знакъ возвращенія здоровья. Такъ, можетъ быть, и эти припадки угрюмости, досады, подозрѣній, послѣ безмолвнаго моего унынія, предвѣщаютъ скорое излеченіе. Излеченіе? Не то ли это, что забвеніе? Ахъ нѣтъ! не забывать, не забывать любви! Это одно, что мнѣ дорого въ жизни! И пусть одно это чувство приведетъ въ движеніе сердце мое предъ тѣмъ мгновеніемъ, когда ему должно будетъ остановиться навѣки!

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Франкфуртъ на Майнъ, 12 Сентября.

Сказанное мною въ прежнемъ моемъ письмѣ сбылось. Мы получили приказаніе ѣхать во Франкфуртъ; собрались, не разсуждая долго; пустились въ путь, чрезъ три дня прибыли сюда, и остановились въ трактиръ zum goldnen Roß, на площади, усаженной деревьями. Путешествіе наше было тихо и единообразно, но не скучно. Я чувствовалъ, что капризы мои продолжались, но Волгинъ, это существо неземное, все изгладилъ своею кротостью и терпѣніемъ. Видя, что меня томить какая-то скрытная грусть, онъ очень нѣжно, съ душевнымъ участіемъ, сталъ осведомляться о причинѣ моей печали, и я нашелъ большое удовольствіе въ томъ, что сообщилъ ему изустно все, что написалъ или еще напишу тебѣ. Этотъ рассказъ какъ-то смягчилъ мое серд-

це, притупилъ жало, которое непрерывно меня терзало. Я думаю, если бъ съ самаго выѣзда изъ Россіи Волгинъ былъ моимъ спутникомъ, то я не забылъ бы моей грусти — ахъ, нѣтъ! — а питалъ бы ее съ меньшими терзаніями. Еще обязанъ я исполнить священный долгъ: оправдать бѣдную старушку, Zantchen, которую я, въ припадкѣ мизантропіи, вздумалъ было подозрѣвать въ корыстолюбіи. Виновать! Небо, видно въ наказаніе за мою недовѣрчивость, послало на меня въ Дрезденъ болѣзнь, не важную и не продолжительную, но я двое сутокъ пролежалъ въ постелѣ, и въ это время успѣлъ удостовѣриться въ искренности и истинной ко мнѣ привязанности моей хозяйки. Она не отходила отъ моей постели, пеклась обо мнѣ, какъ о родномъ сынѣ, и когда я, разставаясь, вздумалъ прибавить пять червонцевъ къ суммѣ, показанной въ поданномъ мнѣ счетѣ, она расплакалась, увѣряя, что я ее обидѣлъ. Мы помирились съ нею, и разстались искренними друзьями. Виновать, кругомъ виновать предъ доброю Zantchen! Исключи обидное ей мѣсто изъ прежняго письма моего, если ты его не бросилъ.

Въ прошедшемъ письмѣ моемъ написалъ я многое въ похвалу петербургскихъ Нѣмцевъ, а здѣсь, на каждомъ шагу, благословляю небо, что оно сподобило меня родиться Русскимъ. Во-первыхъ, одно имя: *Русскій*, сдѣлалось нынѣ въ Европѣ почетнымъ титуломъ. *Russen von der Armee* или *von der Gesandtschaft*! — предъ этими магиче-

скими словами снимаются всѣ шляпы, поднимаются шлагбаумы, и грозное: *bezañlen* замираетъ въ устахъ мытарей. Александръ Первый владычествуетъ на берегахъ Рейна и Майна такъ же, какъ на берегахъ Волги и Оки. — Во-вторыхъ, ты не повѣришь, какое наслажденіе быть съ землякомъ, съ другомъ, въ чужой землѣ! Мы бесѣдуемъ громко, и никто насъ не разумѣетъ. Въ эти минуты мнѣ кажется, что я съ нимъ въ какомъ-то лѣсу, и что всѣ люди вокругъ насъ суть не иное что, какъ движущіяся деревья. Въ-третьихъ, привязанность къ отечеству — воля твоя — есть дѣло природы, а не связей общественныхъ. Все, что малѣйшимъ образомъ напоминаетъ мнѣ Россію, производитъ въ душѣ неизъяснимо сладостное чувство. А она? скажешь ты. Ахъ! она неразлучна съ воспоминаніемъ о Россіи, о Петербургѣ; она цвѣтокъ полуденный, но возникшій подъ лучами русскаго солнца, взлелѣянный тамъ, куда сердце мое стремится при каждомъ біеніи. — Вообрази, что мною было въ Дрезденѣ. Я прихожу однажды вечеромъ къ нашему генераль-губернатору. Мнѣ говорятъ, что онъ у всенощной. Тутъ я вспомнилъ, что съ самаго выѣзда изъ Петербурга не бывалъ въ церкви. Я просилъ человека проводить меня. Уже издали, слышавъ запахъ ладана и отголоски пѣнія, я ощутилъ въ душѣ невольное волненіе. Но когда я вступилъ въ небольшой храмъ греческій, когда увидѣлъ нашъ иконостасъ, теплящійся въ дыму отъ кадила

предъ образами лампады и свѣчи, и священника въ облаченіи; когда пѣніе церковное, поразивъ слухъ мой, возбудило во мнѣ толпу воспоминаній, — я ощутилъ въ груди моей какое-то давленіе: мнѣ казалось, что душа моя готова вылетѣть, что какая-то неизвѣстная сила меня душилъ; вдругъ я залился слезами, и упалъ на плечо одного неизвѣстнаго мнѣ чловѣка. Меня вывели на свѣжій воздухъ; я оправился, выплакалъ свое чувство, и молилъ, какъ величайшей милости, позволенія воротиться въ церковь — но служба между тѣмъ уже кончилась. — Не стану изыскивать и толковать причинъ этого явленія!

Здѣсь, во Франкфуртъ, мы живемъ, что называется, *на юру*. Городъ этотъ есть не иное что, какъ одна большая гостиница, состоящая изъ множества отдѣленій, именуемыхъ: *Weidenhof*, *Weidenbusch*, *zum römischen Kaiser*, *zum weissen Schwan*, и т. п. Всякъ, кто ѣдетъ изъ Франціи и во Францію, съ юга Европы на сѣверъ, съ запада на востокъ, рѣдко минуешь Франкфуртъ. Отъ этого здѣсь средоточіе новостей, слуховъ, и т. п. Отъ этого здѣсь ежедневно встрѣчаются новыя лица, и на другой день пропадаютъ. Здѣшніе Нѣмцы нравятся мнѣ еще менѣе, нежели въ Саксоніи. Кажется, здѣсь все основано на расчетахъ: всякъ того и глядитъ, какъ бы пожить на счетъ ближняго или дальняго, то есть нашего брата, пришельца. Языкъ народный здѣсь

трубъ и неправиленъ до крайности. Вообрази, въ одной нѣмецкой бесѣдѣ предоставили рѣшеніе спорнаго вопроса о какомъ-то правилѣ нѣмецкаго языка нашему Волгину, родившемуся въ Кронштадтѣ, и учившемуся въ Петербургѣ, въ Петровской Школѣ! — Жидовъ здѣсь множество. Большой свѣтъ состоитъ изъ дипломатовъ и банкировъ. Дипломаты, по роду службы своей, должны быть молчаливы и скромны, и отъ этого-то, я думаю, въ числѣ ихъ проскакиваетъ такъ много посредственныхъ или и вовсе ничтожныхъ людей. Молчить — хорошій чиновникъ! говорить начальники. Молчить — слѣдственно размышляетъ! толкуетъ толпа, и вотъ движущійся истуканъ, обвѣшенный свѣтленькими цацами на разноцвѣтныхъ ленточкахъ, выходитъ въ люди. Наконецъ увидятъ ошибку: если у него есть протекція, дадутъ хорошенькое мѣсто, въ сторонкѣ; нѣтъ протекціи, считается въ вѣдомствѣ до опредѣленія къ должности. — Сверхъ того члены Германскаго Сейма всегда возбуждаютъ во мнѣ невольное чувство смѣха. Я вспоминаю о собраніяхъ Нѣмецкихъ Чиновъ въ XVII вѣкѣ. Поднимается бывало гроза со стороны Франціи. Съѣзжаются посланники въ Регенсбургъ, и начинаютъ разсуждать, на какихъ стульяхъ сидѣть въ конференціи, на синихъ или на зеленыхъ, а между тѣмъ Французы завоевали уже нѣсколько областей! Нынѣ, къ счастью Германіи, эти времена прошли. — Другая несносная каста здѣшнихъ жителей —

богатые купцы и банкиры. Я золь вообще на этот сортъ Нѣмцевъ, и не безъ причины, а здѣсь были бы онѣ мнѣ несносны, если бѣ я даже любилъ имъ подобныхъ. Я обѣдалъ у одного такого ходячаго сундука. Скука, натяжка смертная! Здѣсь выведена, въ тепломъ жидовскомъ гнѣздѣ, стая извѣстныхъ въ міръ банкировъ. Я видѣлъ одного изъ нихъ на бульварѣ. Лице и пріемы самые обыкновенные. Бывшій со мною знакомецъ, указавъ на милліонщика, сказалъ: «Вотъ несчастнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ!» — «Почему?» спросилъ я. — «Потому,» отвѣчалъ онъ: «что люди, воображая его богатство, ждутъ отъ него чего нибудь чрезвычайнаго, а между тѣмъ, онъ все тотъ же Жидъ, ни хуже, ни лучше инаго. И все, что въ другомъ простиительно и хорошо, кажется имъ въ этомъ Жидѣ нестерпимымъ и дурнымъ.» — Здѣсь видѣлъ я на практикѣ доказательство, сколь справедливо изрѣченіе, что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ. Еврейскій банкиръ ворочаетъ милліонами, имѣетъ рѣшительный голосъ на всѣхъ биржахъ, переписывается съ Кастельре и Меттернихомъ, и — не можетъ добиться того, чтобъ его выбрали въ члены Франкфуртскаго клуба (casino). Онъ обѣщалъ дать за это двѣсти тысячъ гульденовъ на постройку новаго дома для казино. «Нѣтъ!» говорятъ члены: «онъ все же поганый Жидъ; не хотимъ имѣть его!» Хоть не умно, да по крайней мѣрѣ упрямо!

Бывшіе наши товарищи, Репейковъ и Ива-

новъ, находятся во Франціи при временныхъ администраціяхъ. Бѣдный Ивановъ попался подъ команду къ какому-то русскому генералу изъ Нѣмцевъ, и этотъ жестоко его приструнилъ. Пишетъ, пишетъ бѣденекій, съ утра до ночи. Едва дадутъ время пообѣдать. Ему обѣщанъ, по окончаніи комиссіи, чинъ осьмага класса, и надежда на высокоблагородіе водить размашистымъ перомъ его. — Репейковъ, за грубость къ просителямъ, два раза сидѣлъ подъ арестомъ, и, говорятъ, поприсмирѣлъ. — Мы работаемъ здѣсь покамѣстъ въ ликвидаціонной комиссіи: разбираемъ претензіи Нѣмцевъ, по распискамъ нашихъ офицеровъ, стоявшихъ у нихъ на квартирахъ. Попадаются акты весьма любопытные; такъ, напримѣръ, вчера одинъ эйзенахскій биргеръ прислалъ слѣдующую расписку, полученную имъ отъ одного армейскаго штабсъ-капитана, и съ переводомъ:

Uebersetzung:

Веселая голова 3;	Schwere Rationen 3
Не ходи мимо сада . . . 4;	Leichte Rationen 4
Дороженьки не тори . . . 8;	Beföstigt H. H. Offiziere . . . 8
Худой славы не клади 44;	dito Unter-Offiziere und Gemeine 44 (*).

Впрочемъ эта квитанція еще милостива: есть другія, въ которыхъ постояльцы даютъ аттестать хозяину, хозяйкѣ и всѣмъ домашнимъ,

---

(*) Т. е.: тяжелыхъ раціоновъ 3; легкихъ раціоновъ 4; продовольствовано гг. офицеровъ 8; унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 44.

иногда не весьма выгодный. Не понимаю, что за удовольствіе находили такъ дурачить Нѣмцевъ, которые насъ усердно подчивали! Правда, такихъ расписокъ немного, но лучше было бы, если бь онѣ вовсе не встрѣчались.

Большое удовольствіе доставляютъ мнѣ прогулки вокругъ города. Прежде сего Франкфуртъ окруженъ былъ валомъ и широкимъ рвомъ, какъ и всѣ старинные нѣмецкіе имперскіе города. Великій Герцогъ Франкфуртскій (Дальбергъ) срылъ сіи укрѣпленія, и на мѣстѣ ихъ устроилъ прекрасное гульбище. Теперь весь Франкфуртъ опоясанъ не аллеею, а англійскимъ садомъ. Въ самомъ городѣ большое движеніе, и во время ярмарки оно дѣлается еще значительнѣе. Забавно мнѣ смотрѣть на здѣшнихъ самодержавныхъ патриціевъ, которые воображаютъ себя Богъ знаетъ чѣмъ. Одинъ извѣстный банкиръ есть главнокомандующій всей Франкфуртской арміи. Отставной прусскій ротмистръ командуетъ всею кавалеріею. Другіе, столь же знаменитые мужи, засѣдаютъ въ государственномъ совѣтѣ и въ законодательномъ сословіи. Одинъ изъ этихъ Солоновъ, на дняхъ, прогуливаясь по загороднымъ аллеямъ, вздумалъ ломать сучья прекрасныхъ липъ. Къ нему подошелъ полицейскій сторожъ, и учтиво объявилъ, что здѣсь запрещено портить деревья. «Вотъ еще!» закричалъ онъ: «я членъ законодательнаго сословія, имѣю право составлять уставы для цѣлаго государства нашего, и не смѣю сломать прутика съ де-

рева!» Какое превратное понятіе о правахъ! Надутость и невѣжество этихъ господъ и несносны, и смѣшны.

Здѣсь сохранились еще многіе обычаи и повѣрья старины. Однажды, рано поутру, просыпаюсь я при громкихъ звукахъ какой-то нескладной музыки. Слышатся, при колокольномъ звонѣ, рѣзкіе, несогласные тоны флейты, трубы и кларнета — точно споръ въ какомъ нибудь комитетѣ. Непріятная эта симфонія чрезъ четверть часа умолкла, но я уже не могъ уснуть. Волгинъ проснулся также, и мы ломали головы, что бы это могла быть за музыка. Трактирный слуга разрѣшилъ наше недоумѣніе, объявивъ, что это музыка печальная, по случаю погребенія одного Франкфуртскаго гражданина. «Да она слышалась все на одномъ мѣстѣ?» сказалъ я. — «Точно такъ», отвѣчалъ онъ: «она производилась съ колокольни церкви Св. Екатерины. При каждомъ погребальномъ шествіи, которое идетъ мимо церкви, понамарь (Kister) съ женою и служанкою всходятъ на колокольню, и играютъ на духовыхъ инструментахъ прежалкую мелодію!» — «Прежалкую», сказалъ и я: «она разбудила меня сегодня.» — «Что дѣлать!» сказалъ слуга: «таково здѣсь обыкновеніе. Доходы у понамаря малые, семья большая.» — «Такъ за это еще платятъ?» спросилъ я. — «Разумѣется!» отвѣчалъ онъ: «на другой день понамарь подаетъ счетъ вдовѣ покойнаго гражданина.» Я хотѣлъ позабавиться надъ этимъ обычаемъ, но вспомнилъ,

что и у насъ, въ Петербургъ, совершаются нѣмецкія похороны также не въ самомъ серьезномъ видѣ, Я почти увѣренъ, что тебѣ этотъ обрядъ не извѣстенъ. Мнѣ случилось познакомиться съ нимъ самымъ комическимъ образомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ знакомства моего съ домомъ Миллера, умеръ дядя Марьи Ивановны, чудака аптекарь Штокманъ, человекъ достаточный. Его отпѣвали не на дому и не въ церкви, а въ училищной залѣ при церкви. Меня пригласили быть въ числѣ *несущихъ гробъ*, чтобъ не сказать, носильщиковъ (*Träger*). Я явился къ назначенному въ билетѣ времени, въ пять часовъ по полудни; но въ залѣ еще никого не было, и стоявшій у дверей Чухонецъ, сторожъ, объявилъ мнѣ, что если приглашаютъ въ пять часовъ, то это значитъ, что должно явиться въ шесть. »Впередъ буду помнить!» отвѣчалъ я, пошелъ прогуляться по проспекту, и едва не прогулялъ похоронъ. Посмотрѣлъ на часы: ужъ четверть седьмого. Я поспѣшилъ къ церемоніи. Въ сѣняхъ нашелъ я Анну Ивановну, съ черною на чепчикъ лентою, красную, съ выкатившимися глазами, въ ужасныхъ хлопотахъ. Увидѣвъ меня, она закричала: «Ну, слава Богу, что вы явились, Дмитрій Сергѣевичъ! давно пора; васъ одного ждутъ. Ужъ пасторъ скоро будетъ *рѣчь держать* (*).» Я не успѣлъ оправдаться, какъ она подала мнѣ бѣлыя лайковыя перчатки и лимонъ. «Надѣньте

(*) Die Rede halten.

перчатки!» сказала она. — «А лимонъ съѣсть, что ли?» спросилъ я. — «Ахъ, нѣтъ!» отвѣчала она: «до шутокъ ли теперь? Лимонъ извольте держать въ рукѣ, а если угодно, положите въ карманъ.» Я исполнилъ послѣднее, и хотѣлъ итти въ залу. — «Постойте же! Надѣньте шарфъ!» Съ симъ словомъ она надѣла на меня чрезъ плечо черный шелковый шарфъ съ большимъ бѣлымъ бантомъ. — «Это что?» спросилъ я въ изумленіи. — «Такъ бываетъ на всѣхъ порядочныхъ похоронахъ. Подайте шляпу; я наколю крепъ. Эхъ, эхъ! и шляпа-то круглая! — Шарфъ я вамъ выкроила пошире другихъ, въ три полотнища; станетъ на домино въ маскарадъ. Завтра пришлите ко мнѣ съ Аѳанасьемъ; я перешью. Или лучше въ венеціанъ? — Вотъ готово! Ступайте же скорѣе.» — Сказавъ это, она втолкнула меня въ двери. — Посреди огромной залы, на черномъ катафалкѣ, стоялъ закрытый черный гробъ, съ серебряными херувимчиками, окруженный большими горящими свѣчами. По обѣимъ сторонамъ сидѣли уже семеро сотрудниковъ моихъ въ шарфахъ: осьмой стулъ, обитый черною фланелью, оставленъ былъ для меня. Кистеръ указалъ мнѣ мѣсто, съ плачевно-учтивою ужимкою. Я сѣлъ, и началъ разглядывать собраніе. Съ одной стороны сидѣли мужчины въ траурѣ; съ другой женщины, въ черныхъ платьяхъ и чепчикахъ. Забавно было смотрѣть на лица, сложенные по формѣ погребальной. Тѣ самыя женщины, которыя вовсе не заботились объ ап-

текаръ во время его жизни, теперь сидѣли съ умильными лицами, вздыхая посматривали на гробъ, и утирая бѣлыми платочками глаза, говорили сосѣдкамъ: «Кто бы могъ это подумать!» Иванъ Ивановичъ Фризель, уходившій покойника дядюшку, стоялъ въ углу залы, въ глубокомъ траурѣ съ плерезами, и разговаривалъ съ какою-то деревянною фizioномією: я послѣ узналъ, что это гробовой мастеръ. Фризель, вѣроятно, рассказывалъ какой нибудь анекдотъ, ибо его собесѣдникъ не разъ оскаливалъ закуршенные зубы. Вдоль стѣны, ближе другихъ къ дверямъ, стояли какія-то неизвѣстные мнѣ лица, также въ черной одеждѣ, по фizioноміи горести равномерно принадлежащія къ фамиліи. Потомъ увѣдомили меня, что это дальніе родственники, отринутые фамилією по разнымъ поводамъ, и являющіеся только въ чрезвычайныхъ случаяхъ и по уважительнымъ причинамъ. Неутѣшная вдова, бывшая кухарка, сидѣла въ глубокомъ траурѣ на первомъ мѣстѣ, и безсмысленно смотрѣла на гробъ, какъ на потухшій очагъ. Подлѣ нее одно мѣсто было пустое: никто изъ дамъ не хотѣлъ сѣсть близъ этой родственницы. Вдругъ все собраніе поднялось. Пасторъ почтеннаго вида выступилъ на средину, и произнесъ рѣчь, исполненную правилъ благочестія и нравственности, сочиненную искусно и краснорѣчиво. Я слушалъ его со вниманіемъ. Во всемъ собраніи господствовало глубокое молчаніе, изрѣдка прерываемое дамскими всхлипываніями.

По окончаніи обряда, я думалъ, что должно будетъ поднять гробъ и понести на дроги, и уже выступилъ впередъ. Но вижу, всѣ сѣли, и я сѣлъ на прежнее мѣсто. Вдругъ распахиваются обѣ половинки дверей, и церковные сторожа, въ черныхъ кафтанахъ, вносятъ на большихъ подносахъ шоколадъ, пуншъ и вино. Анна Ивановна кричитъ вслѣдъ за пуншевымъ подносомъ: «Матвѣй! прежде всѣхъ поднеси господину штадтъ-физику!» Мужчины взяли по стакану пуншу; дамы начали прихлебывать шоколадъ и сладкое вино. Засимъ внесли подносы, наполненные конфектами въ черныхъ бумажкахъ съ бѣлыми выпушками. И дамы и кавалеры, забывъ недавнюю горестъ, стали хватать конфекты горстями, и совать въ большіе ридикюли и карманы. И у каждаго изъ оглашенныхъ членовъ фамиліи явилось въ рукъ по стакану пуншу — тутъ я догадался, что побуждаетъ ихъ такъ усердно воздавать честь покойному. Шумные разговоры и изрѣдка хохотъ смѣнили господствовавшее дотолъ безмолвіе. Угощеніе было втрое продолжительнѣе рѣчи. Наконецъ, когда ничего не осталось на подносахъ, кистеръ подалъ знакъ. Мы подступили къ гробу, подняли его и понесли внизъ къ дрогамъ. Тутъ опять зарыдали позади насъ. Гробъ поставили на выдвинутую изъ дрогъ доску, прикрѣпили къ ней ремнями, вдвинули подъ низенькій балдахинъ, какъ сковороду въ печь, и дроги отправились на Волковское Кладбище, въ сопровожденіи де-

сятка и болѣе наемныхъ четверомѣстныхъ каретъ, везомыхъ лошадиными скелетами.

Возможно ли заниматься такими предметами, о которыхъ я теперь пишу! Вижу, что возможно. Я долженъ продолжать тебѣ исторію моей жизни въ Петербургѣ, но никакъ не могу приступить къ тому, ибо теперь приближаюсь къ разсказу о самомъ интересномъ и мучительномъ для меня времени. — До слѣдующей почты!

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Франкфуртъ на Майнъ, 13 Сентября.

Ты конечно удивишься, что я, описывая семейство и кругъ знакомства добраго Миллера, вовсе не упоминалъ о дѣвицахъ, какъ будто жилъ все это время въ богадѣльнѣ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Виновать! Въ этомъ кругу были и дѣвицы, но, къ счастью или къ несчастью моему, онѣ меня не интересовали. Отличительнѣе всѣхъ была романтическая Матильда (по-русски ее звали Матреною Христіановною) Шмитъ, дочь экзекутора какой-то коллегіи. Бѣлокурая, невысокаго роста, довольно плотная дѣва, бѣлолицая, съ голубыми на выкатъ, всегда къ потолку обращенными глазами, съ круглымъ картофельнымъ носомъ, широкимъ ртомъ и толстою короткою шеей. Она всегда бредила послѣднимъ изъ читанныхъ ею романовъ, и мѣняла каждую недѣлю предметъ своихъ вздоховъ

и мечтаній. Она воображала въ то время, когда я узналъ ее, что вскорѣ явится блонкурый юноша (*ein blonder Jüngling*) и поведетъ ее къ вѣнцу; но юноша не являлся, и она вскорѣ вздумала обратить голубое пламя своихъ взглядовъ на меня, темнорусаго, и довольствоваться моими гнѣдыми глазами за неимѣніемъ лазоревыхъ. Какъ жаль, что я тогда не зналъ Иванова! Можетъ быть, пламенный Пигмаліонъ женскаго пола оживилъ бы этого чурбана-Галатею! Я отдѣлался отъ нѣжной страсти Матильдиной тѣмъ, что разбранилъ любимыхъ ея писателей: Лафонтена назвалъ вялымъ, водянымъ и единообразнымъ, а Жанъ-Поля, котораго она сама едва понимала, скучнымъ, безтолковымъ, педантомъ и безвкуснымъ. За это получилъ я прозваніе: *подлая натура* (*gemeine Natur*), и стрѣлы ея приняли другую дирекцію, въ новаго эзекуторскаго помощника, о которомъ Матильда увѣряла, что у него глаза, исполненные души (*seelenvolle Augen*), а онъ просто былъ всякій день на-веселѣ. Другія дѣвицы были еще незначительнѣе. Нѣкоторыя были довольно хороши собою, другія *поровнѣе*; но ни тѣ, ни другія не произвели во мнѣ впечатлѣнія. Одна умная дѣвица жаловалась мнѣ, что имъ очень трудно вести себя въ свѣтѣ: тихую, скромную называютъ дуροю, неподвижною, безотвѣтною; острую и умную — кокеткою и дерзкою. «Какъ же намъ быть?» спросила она наконецъ. — «Поступать по врожденному вамъ чувству, вести себя безъ принужде-

нія, по характеру вашему, по положенію вашему въ обществѣ; всего же болѣе остерегаться крайностей » Конечно, непрерывныя атаки чувствительной Матильды смѣшны и даже нестерпимы; но несносны и тѣ дѣвицы, которыя всю бесѣду свою съ мужчинами ограничиваютъ словами: *да-съ, нѣтъ-съ, не знаю-съ*, — Поговоришь съ нею раза два, да и отстанешь.

Впрочемъ, я въ другое время, можетъ быть, и позабавился бы этою кукольною комедіею, а тогда мнѣ было совсѣмъ не до того. Возгаралась война 1812 года. Всѣ мы были въ крайнемъ волненіи, не зная, чѣмъ это кончится; однако надежды не теряли. Мысль о чужомъ владычествѣ въ Россіи не могла никому войти въ голову, и всѣ жители Петербурга готовы были скорѣе утопиться въ Финскомъ Заливѣ, нежели поддаться корсиканскому наѣзднику. Разумѣется, что въ то время было не безъ трусовъ. Особенно были дѣтельны разглашенія дурныхъ вѣстей между живущими въ Петербургѣ иностранцами: Богъ знаетъ, гдѣ былъ источникъ этихъ нелѣпыхъ лжей, но намъ приходилось непрерывно исторгать ядовитыя растенія, возникавшія изъ сѣмянъ, неизвѣстно кѣмъ брошенныхъ. Въ домѣ Миллера ожидали меня каждый день, какъ ангела-благовѣстника. Вхожу, бывало, и старикъ кричитъ: «Ну что, господинъ Мстиславцевъ? Все пропало! Говорятъ, армія наша разбита, Кутузовъ взятъ въ плѣнъ, Платовъ и Витгенштейнъ убиты. Непріятель во Псковѣ

и въ Ригѣ!» — «Вздоръ!» восклицалъ я велегласно: «арміи наши цѣлы, и горятъ мужествомъ и бодростью. Французы мрутъ, какъ мухи. Скоро имъ конецъ будетъ. Всѣ генералы наши живы и здоровы! Ура! наша возметъ!» — «Ура!» восклицалъ старикъ: «Что жъ, Марія! сдѣлай пуншу!» Правда, я самъ не всегда былъ точно увѣренъ въ томъ, что говорилъ; но какое-то неизъяснимое внутреннее чувство меня ободряло. Частенько побранивался я съ добрымъ, но легко-вѣрнымъ Фризелемъ. Онъ лечилъ во многихъ купеческихъ домахъ на Острову, и нерѣдко приносилъ оттуда ложныя вѣсти и глупыя толки, внушаемые и невѣжествомъ, и своекорыстіемъ для дѣйствованія на курсъ. Мое присутствіе сдѣлалось въ домъ необходимымъ. Разъ однако мой кипячій патріотизмъ чуть не поссорилъ меня съ Миллеромъ. Онъ говоритъ мнѣ: «Все это хорошо, что вы рассказываете; но Французы прямо и быстро идутъ на Москву: они возьмутъ ее непременно.» — «Такъ что жъ?» отвѣчалъ я: «пусть возьмутъ, а мы въ будущемъ году возьмемъ Парижъ!» — «Ну какъ можно нести такой вздоръ, господинъ Мстиславцевъ! Вотъ этимъ вы, Русскіе, все портите. Мало того, чтобъ не пускать въ Москву: мало того, чтобъ выгнать непріятеля изъ Россіи — нѣтъ! хотятъ взять Парижъ! И когда говорятъ объ этомъ? когда ножъ у горла! — Извините! а это хвастовство не отъ васъ бы мнѣ хотѣлось слышать!» — «Помиримся, когда прійдетъ реляція о взятіи Па-

рижа!» отвѣчалъ я: «да знаете ли, какъ мы теперь сильны? Вся Россія превратилась въ армию. Увидите, какъ погонять Французовъ!» — «Парижъ, Парижъ!» бормоталъ Миллеръ съ досадою. — «Ну полно сердиться, почтеннѣйшій! Почему намъ въ этомъ общемъ горѣ и не помечтать? Вашъ же Виландъ говоритъ:

*Ein Wahn, der mich beglückt,
Ist einer Wahrheit werth, die mich zu Boden drückt* (*).

«Правда!» отвѣчалъ онъ со слезами. «Ну, такъ и быть! выпьемъ за здравіе покорителей Парижа! Какъ ты думаешь, Фризель?» — «Прибавьте рому въ мой стаканъ, сестрица!» отвѣчалъ Фризель: «ура! вивать Александръ въ Парижъ!» — Я думаю, что стихомъ изъ любимаго поэта можно было бы завербовать Миллера въ ополченіе.

Безпокойство въ домъ Миллера поутихло, когда было получено письмо отъ старшей его дочери, дотолъ жившей въ Москвѣ. Она писала изъ Нижняго Новагорода, что благодѣтельница ея, Княгиня Войтова, вновь опасно занемогла, и, боясь вторженія Французовъ въ Москву, удалилась въ Нижній. — Дня чрезъ три прихожу къ нимъ, по обыкновенію, послѣ обѣда, и вижу всѣхъ въ волненіи. Фризель стоитъ у окна, и въ безмолвіи барабанитъ по стеклу, У Марьи Ивановны глаза покраснѣли; она отираетъ передникомъ отставшія слезинки. Миллеръ, держа въ рукахъ

(*) Благодѣтельная мечта стоить истины, которая меня убиваетъ.

какое-то письмо, ходить по комнатамъ съ улыбкою торжества. — Марья Ивановна, увидѣвъ меня, залилась слезами: «Ахъ, Дмитрій Сергѣевичъ! какая плачевная вѣсть! Княгиня Войтова приказала долго жить! Дочь пишетъ объ этомъ.» — «Дай ей Богъ царствіе небесное!» сказалъ Миллеръ: «она была женщина истинно благородная и праводушная. Такихъ немного осталось въ этомъ свѣтѣ.» — «А моя бѣдная Луиза!» возразила Марья Ивановна. — «Бѣдная?» сказалъ Миллеръ: «бѣдная? Что ты, жена! Да я только теперь узналъ, какое сокровище выростила въ ней княгиня на утѣшеніе нашей старости.» — «Нѣтъ! все пропало!» продолжала Марья Ивановна: «сто тысячъ рублей и каменный домъ...» — «Честь, совѣсть, безвозмездное исполненіе священнаго долга — это все при ней осталось.» — «Да что все это значить?» спросилъ я наконецъ. «Вотъ что!» отвѣчалъ Миллеръ: «Княгиня была больна, но не опасно. При жизни своей она неоднократно говорила, что составитъ состояніе Луизы. Я отъ этого не прочь: у наследниковъ осталось бы еще во сто разъ болѣе. Но вдругъ болѣзнь ея взяла опасный оборотъ; больная лишилась языка, и чрезъ два дня скончалась, не сдѣлавъ ни какого распоряженія. Моя дочь закрыла глаза своей благодѣтельницѣ, похоронила ее, сдала все имѣніе управителю, оставивъ у себя одно колечко, сплетенное изъ волосъ княгини, нашла попутчицу въ Петербургъ на долгихъ, и ѣдетъ къ намъ. — Благодареніе Богу!

Онъ возвратилъ мнѣ дочь безъ ста тысячъ рублей, а съ благородною душею. И теперь, если она себя найдетъ жениха, то можетъ быть увѣрена, что онъ любить ее самоё. — «Четыре камчатныя скатерти и восемь дюжинъ салфетокъ,» бормотала про себя сквозь слезы Марья Ивановна: «два атласные салопа на лисьемъ мѣху, соболья пелеринка, четыре дюжины ложекъ, брилліантовыя серьги, золотыя часы съ цѣпочкою — все осталось тамъ, Богъ знаетъ для кого! А княгиня дала это моей дочери *теплою рукою* (*). Бѣдная Луиза!» — «Въ самомъ дѣлѣ бѣдная,» думалъ я: «привыкла роскошничать въ знатномъ домѣ; фигура ужасная, какъ я видѣлъ на портретѣ трудовъ Пергеліуса, и за душею ни гроша. Бѣдная Луиза!» — «И какъ она объ этомъ пишетъ!» сказалъ Миллеръ: «умно, скромно, и во всемъ письмѣ, на четырехъ страницахъ, ни одной грамматической ошибки, ни описки. Хоть бы въ Берлинѣ сочинить такое письмо, а не въ Нижнемъ - Новгородѣ. Поглядите, господинъ Мстиславцевъ!» — Я посмотрѣлъ на письмо, и увидѣлъ прекрасный, ровный почеркъ. Слогъ письма былъ простъ и благороденъ; нѣжная душа, не приторная, не книжная, видна была во всѣхъ выраженіяхъ. — «По крайней мѣрѣ, не дура,» думалъ я: «и это что нибудь да значить.»

Наступилъ Александровъ день 1812 года, и вдругъ разнеслась вѣсть о Бородинской Битвѣ.

(*) *Mit warmer Hand*, т. е. заживо, при жизни.

Разсказывали различно: одни говорили, что это была побѣда рѣшительная; другіе утверждали, что за нами осталось только поле сраженія. Одно то было достовѣрно, что русская грудь безстрашно встрѣтила натискъ превосходнаго силами врага, и что съ сей минуты можно было надѣяться спасенія отечества. Но какимъ мракомъ покрылся горизонтъ нашъ послѣ этого свѣтлаго луча, проглянувшаго на минуту! Москва взята! Эта ужасная вѣсть поразила всѣхъ, какъ бы громовымъ ударомъ. Незнакомые дѣлили другъ съ другомъ глубокую печаль. Знакомые, встрѣчаясь на улицахъ, не говорили ни слова, пожимали руку одинъ у другаго, и взглянувъ на небо, расходились. Между тѣмъ въ сихъ изліяніяхъ народнаго чувства можно было предвидѣть залогъ будущихъ успѣховъ и славы Россіи. Всѣ чувствовали, мыслили, какъ одинъ человекъ, а это единство мысли и чувства и составило нашу народную силу. Здѣсь, во Франкфуртѣ, вздумалъ придраться ко мнѣ одинъ жалкій космополитъ, герръ фонъ Франценбергъ, камергеръ заштатной Испанской Королевы, супруги Іосифа Наполеона. Я стоялъ въ большомъ кругу разнородныхъ посѣтителей казино, и разсказывалъ имъ событія 1812 года съ пылкимъ чувствомъ, какое должно одушевлять всякаго Русскаго при воспоминаніи о дняхъ славы и бѣдствій. — Вдругъ подходитъ къ намъ сахарный камергеръ, и говоритъ мнѣ съ самодовольною улыбкою: «Согласитесь однако, мило-

стивый государь, что вы всѣми успѣхами своими въ 1812 году обязаны морозу!» — Нѣмцы, Англичане, Голландцы обратили на меня испытующіе взгляды. — «Точно!» отвѣчалъ я. «У насъ съ Іюля мѣсяца начала дѣйствовать такая стужа, что мы всѣ смерзлись въ одинъ пребольшой комъ, отъ котораго Наполеонъ не могъ ни силою, ни ласкою оторвать ни одного изъ насъ, и этимъ комомъ его приколотили до полусмерти.» Слушатели захохотали, а камергеръ удалился, повертывая въ петлицѣ ленточку ордена Калатравы, и бормоча сквозь зубы: «Шутка ничего не доказываетъ!»

Въ концѣ сентября небо начало проясняться. Мы усмотрѣли, что не напрасно молились Богу, не напрасно довѣряли правотѣ нашего дѣла, мудрости и кротости Государя. Отлегло отъ сердца. — Получивъ свѣжія извѣстія объ успѣхахъ нашихъ армій, о сомнительномъ положеніи Французовъ въ Москвѣ, о необходимости, въ которой находится Наполеонъ бѣжать сломя голову изъ Россіи, я поспѣшилъ къ доброму Миллеру, чтобъ утѣшить, развеселить его. — Миллера не было дома. Марья Ивановна встрѣчаетъ меня съ веселою улыбкою. «Поздравьте насъ, Дмитрій Сергѣевичъ!» — «Съ чѣмъ, Марья Ивановна?» — «Луиза наша пріѣхала сегодня. Мой Карлъ Ѳедоровичъ, я думала, съ ума сойдетъ. Теперь у насъ все пойдетъ иначе. Авось либо и пристроимъ ее. Да мой старикъ и слышать объ этомъ не хочетъ: дочь должна де

оставаться у родителей; они старѣются, теряютъ силы; она обязана ходить за ними. Правда, правда; но мнѣ, признаюсь, хотѣлось бы привести ее подъ чепчикъ (*). Когда отецъ опять услышитъ ее играть и пѣть, тогда еще болѣе заупрямится. Вотъ какая бѣда и съ доброю и хорошенькою дочерью! У насъ есть нѣмецкая пословица: маленькія дѣти — маленькія заботы; большія дѣти — большія заботы (**). А вамъ, какъ кажется моя Луиза, Дмитрій Сергѣевичъ?» — «Да я еще не видалъ ея, сударыня!» — «Ахъ, да! я и забыла! Тотчасъ позову. So komm doch, Louise! Дмитрій Сергѣевичъ will deine Bekanntschaft machen (***)». Авдотья! позови Елисавету Карловну!»

Я любопытствовалъ видѣть ее, ожидая нѣчто въ родъ Матрены Христіановны; но растворилась дверь, и вошла въ комнату — кто бы ты думалъ? — моя незнакомка въ представленіи Эдипа и въ Строгановомъ Саду!

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

Франкфуртъ на М., 16 Сентября.

Вчерашнее письмо прекратилъ я на томъ пунктѣ, съ котораго началась новая жизнь моя. Я боялся дойти до этого мѣста въ моей исто-

---

(*) Unter die Haube bringen, т. е. выдать замужъ.

(**) Kleine Kinder, kleine Sorgen; große Kinder, große Sorgen.

(***) Поди же сюда, Луиза! Д. С. хочетъ съ тобою познакомиться.

ріп, откладывалъ, замедлялъ разсказъ, вставлялъ постороннія описанія; но теперь завѣса расторгнута, и одинъ предметъ, одна мысль, одно чувство будетъ господствовать въ моемъ повѣствованіи.

Вообрази: входитъ моя незнакомка, въ простомъ, бѣломъ, утреннемъ платьѣ, въ черномъ передникѣ, съ чернымъ платочкомъ на шеѣ, существо самое миловидное, какое только вымыслить можно, и привѣтствуетъ меня непринужденно, съ пріятнѣйшею на устахъ улыбкою. Я было смѣшался, но примѣтивъ, что она меня не узнала, вскорѣ собрался съ духомъ. Начались обыкновенные разговоры. Луиза говоритъ самымъ чистымъ московскимъ нарѣчіемъ — говоритъ о обыкновенныхъ предметахъ тихо и какъ будто слушая самоё себя; но когда рѣчь пойдетъ о чемъ нибудь выше вседневнаго житейскаго круга, лице ея воспаляется, глаза свѣтлѣютъ, голосъ получаетъ какую-то особую выразительность. Не требуй отъ меня описанія ея лица, ея стана, ея поступи. Все это слилось въ моей памяти въ неизобразимый идеаль, и — что покажется тебѣ еще страннѣе — я самъ не могу себѣ представить точнаго ея портрета. Мое воображеніе такъ упрямо, что не одна Луиза — даже отецъ, мать, дядя существуютъ въ душѣ моей только мыслию о нихъ, а не образомъ. Фигуры Ивана Ильича, Агаѣи Яковлевны, Анны Ефимовны, Матрены Христіановны, — всѣхъ лицъ, незатрогавшихъ моего сердца, даже всѣхъ

каго сторожа въ департаментѣ, живы въ моемъ воображеніи, а то, что мнѣ милѣе всего — есть ликъ безъ образа. Завидую тѣмъ, которые не лишены блага видѣть любезныхъ своихъ въ земномъ облаченіи. О Луизѣ скажу тебѣ только, что мнѣ чрезвычайно нравилось въ ней движеніе устъ ея, особенно какая-то черта на правой сторонѣ рта, играющая въ то время, когда она смѣется, или шутить, или дразнить. Эга черточка живетъ одна въ моемъ воображеніи; но тщетно стараюсь я сдѣлать изъ нее *пунктъ отшествія*, чтобъ дорисовать цѣлое! Иногда, но очень рѣдко, бываютъ минуты, что мнѣ кажется, будто я успѣлъ схватить милыя черты, но онѣ вдругъ исчезаютъ, и я остаюсь въ прежней мглѣ.

Вотъ я уже открылъ тебѣ все, все — и начало, и причину моихъ страданій. Не таково было мое намѣреніе: я хотѣлъ рассказать тебѣ постепенно и въ порядкѣ, какъ изъ едва видной искорки, затлѣвшей въ душѣ моей, возникло это пламя, которое потухнетъ только съ жизнію моею; какъ прелесть наружная, кротость и благородство души, рѣдкая образованность ума, нѣжность сердца, возбудили во мнѣ сначала вниманіе, затѣмъ уваженіе, потомъ привязанность братскую, наконецъ пламеннѣйшую любовь къ женщинѣ, которая соединяетъ въ себѣ все, что можно было когда либо порознь представить себѣ въ самомъ пылкомъ воображеніи!

Первый день свиданія съ нею останется для меня памятнымъ до конца жизни. Послѣ обыкно-

венныхъ разговоровъ, какими начинается знакомство, я обратилъ рѣчь на Москву. Глаза Луизы засверкали и вскорѣ наполнились слезами. — «Нѣтъ нашей Москвы!» сказала она съ глубокимъ чувствомъ: «гдѣ я провела счастливые годы молодости, тамъ теперь кучи пепла, слѣды грабежа и убійства! Думали ль мы о томъ за годъ предъ симъ, когда, казалось, всѣ удовольствія, всѣ наслажденія жизни баловали московскихъ жителей? Тогда мы полагали, что это благоденствіе не будетъ имѣть конца! И теперь мнѣ кажутся всѣ извѣстія объ опустошеніи и пожарѣ Москвы какимъ-то вымысломъ, мечтою, сновидѣніемъ. Какъ можно, чтобъ не было Москвы! Можетъ ли безъ Москвы быть Россія, а можемъ ли мы существовать, когда Россіи не станетъ?» Мнѣ чрезвычайно понравилось это русское чувство въ полу-нѣмецкой Луизѣ. Никто изъ семейства Миллерова не желалъ зла нашему отечеству, но всѣ они говорили о Россіи, какъ пришлецы, которые вскорѣ могли бы и забыть это горе. У Нѣмцевъ есть оригинальное на сей случай выраженіе: *der Sache ein andere Ansicht abgewinnen*. Это значитъ: вертѣть предметъ до того, что найдешь въ немъ утѣшительную или сносную сторону. И мнѣ чрезвычайно было больно, когда эти честные, достойные всякаго уваженія люди иногда начинали разсуждать, что́ будетъ, когда Наполеонъ завладѣетъ приморскими областями Россіи. Случалось, что они обращались съ вопросами объ этихъ предположеніяхъ и ко мнѣ. —

«Не завладѣть!» отвѣчалъ я рѣшительно и съ досадою — «Aber doch.» — «Нѣтъ! нѣтъ! Kein Aber und kein Doch!» — И это одно дотолъ огорчало меня въ кругу добраго семейства, а теперь, теперь нашелъ я себѣ помощь. Луиза говорила о Россіи, о Москвѣ, какъ пламенная русская патриотка, и, подобно мнѣ, не могла постигнуть, чтобъ русскій народъ когда либо могъ покориться чужеземному владычеству, и отказаться отъ любви къ законнымъ своимъ Государямъ.

Около шести часовъ, по обыкновенію, воротился домой Миллеръ. Луиза бросилась къ нему на шею съ пламеннымъ выраженіемъ дѣтской любви. Онъ поцѣловалъ ее съ чувствомъ. «Ну вотъ, господинъ Мстиславцевъ,» сказалъ онъ: «вотъ моя Луиза! Она сохранила въ кругу Русскихъ нѣмецкое сердце; посреди забавъ и наслажденій богатствомъ, не забывала, что она дочь бѣднаго учителя, и теперь такъ же прилежно будетъ смотрѣть, чтобъ не пригорѣлъ супъ убогаго ея семейства, какъ бывало наряжалась предъ саженымъ зеркаломъ, чтобъ ѣхать на балъ. Только не думай, любезная Луиза, чтобъ и у насъ было безъ удовольствій! И у насъ бываютъ вечеринки, балы, концерты, маскарады. Но теперь не до того! Теперь всѣ чувствованія, помыслы и дѣла наши должны быть обращены къ Богу съ испрошеніемъ у Него милости и спасенія роду человѣческому.» — «И избавленія Москвѣ!» примолвила Луиза въ полголоса. — Явился Фризель, съ коробомъ анекдотовъ и вѣстей.

Пришелъ и строгій мой помощникъ. Послѣ чаю занялись, по обыкновенію, музыкою. Луиза прекрасно играетъ на фортепіанѣ, но, привыкши въ Москвѣ къ шести-октавнымъ инструментамъ, безпрестанно сбивается на пяти октавахъ съ половиною, составляющихъ фамильное фортепіано. Она и поетъ, голосомъ не звучнымъ, не обширнымъ, но вѣрнымъ и пріятнымъ, по выраженію души. Сперва пѣли, по обыкновенію, пѣснь церковную, потомъ дуэты и хоры патріотическіе, нѣмецкіе. «Потѣшь нашего русскаго друга!» сказалъ Миллеръ, улыбаясь: «спой ему что нибудь по-русски.» — И Луиза запѣла: Выйду ль я на рѣченьку, совершенно просто-народнымъ русскимъ напѣвомъ. Тутъ пришла моя очередь плакать. Я не стыжусь этихъ слезъ!

Такъ прошелъ этотъ незабвенный вечеръ, которымъ началась цѣнь подобныхъ вечеровъ. Я принуждалъ себя ходить къ Миллеру, попрежнему, не болѣе разу, много двухъ въ недѣлю. Непреодолимая, непонятная сила влекла меня туда ежедневно. Я убѣждалъ себя, что не надобно забывать другихъ пріятелей; что должно посидѣть и дома, заняться чтеніемъ и т. п.; но въ другихъ обществахъ я былъ не веселъ и разсѣянъ, дома не могъ ничѣмъ заниматься. Я любилъ Луизу всею силою души моей, не думая, что влюбленъ въ нее: она мнѣ казалась милою сестрою, безъ которой мнѣ жить не можно.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ перваго знакомства нашего, я вспомнилъ о ея портретѣ. «Ска-

жите, пожалуйста, Марья Ивановна!» обратился я къ матери: «какъ вы можете утверждать, что портретъ, намалеванный вашимъ Выборгскимъ Пергелемъ, похожъ на Елисавету Карловну? У ней волосы темные, а онъ написалъ рыжіе; лице у ней, правда, не круглое, да все же не похоже на окошко готической церкви, какъ на его портретъ. Смотрить она, какъ всѣ порядочные и необезображенные люди, просто, прямо, а его фигура выпялила глаза къ небу, какъ Матрена Христіановна по прочтеніи Вертера. И нарядъ уродливый.» — «Ради Бога, не говорите этого, Дмитрій Сергѣевичъ!» возразила Марья Ивановна боязливо: «если услышатъ такое сужденіе у насъ, на Васильевскомъ Острове, то приставятъ караульнаго къ Исакіевскому Мосту, чтобъ не пускать васъ сюда! Пергеліусъ считается у насъ первымъ живописцемъ. Онъ идеализировалъ Луизу, утверждая, что у ней выраженіе лица слишкомъ обыкновенное, а костюмъ далъ онъ ей съ портрета принцессы Матильды въ замкѣ Каноссѣ — помнится, такъ, Луиза?» — «Такъ позвольте же и мнѣ, если вашъ Пергеліусъ воротится въ Петербургъ, на обратномъ проѣздѣ изъ Рима въ Выборгъ, поставить часоваго на Исакіевскомъ Мосту, чтобъ сей великій Финнъ не лишился славы, перейдя на нашу сторону!» — Луиза взглянула на меня съ выраженіемъ: «не горячитесь: онъ намъ родня; маменькѣ это не пріятно!» и я замолчалъ. — Въ самомъ дѣлѣ, я замѣтилъ, что Васильевскій Островъ есть осо-

бый городъ, отстоящій отъ Петербурга, въ умственномъ отношеніи, далѣе Риги и Ревеля. Нѣмцы, населяющіе эту часть столицы, совершенно чужды остальнымъ ея жителямъ, не Нѣмцамъ: у нихъ свои понятія о всѣхъ предметахъ, свои геройскіе подвиги, свои великіе люди, и горе тому, кто дерзнетъ усомниться въ правильности зарѣчныхъ приговоровъ! — Ты можешь возразить, что и наша Академія Художествъ, русская по превосходству, находится на Васильевскомъ Острову. Такъ, но она составляетъ островъ на острову, и похожа на русскую миссію въ Пекинъ.

Еще памятно мнѣ, изъ первыхъ дней нашего знакомства, одно происшествіе — памятно такъ, какъ будто бы оно случилось вчера. Въ половинѣ октября прихожу къ Миллеру, и въ передней встрѣчаю Анну Ивановну. Первый взглядъ на чепчикъ — нѣтъ ленты ни какой, и я сбился съ толку. «Что у васъ сегодня?» спросилъ я. — «Капусту рѣжутъ!» отвѣчала она съ какою-то торжественностію. — «Капусту рѣжутъ?» спросилъ я въ недоумѣніи. — «Ну, да?» отвѣчала она: «Es wird Kohl geschnitten.» Вхожу въ комнату. Посреди ея поставленъ большой столъ, накрытый скатертью. На столъ пирамида кочней бѣлой капусты. Вокругъ стола сидятъ Марья Ивановна, Луиза, Матрена Христіановна и еще двѣ нештатныя родственницы, и крошатъ капусту на деревянныхъ кругахъ. Въ углу бочка, въ которую Анна Ивановна складываетъ на-

крошенную капусту слоями, пересыпаетъ солью и анисомъ, и перекладываетъ лимонными кружечками. Дворникъ убиваетъ эту смѣсь тяжелымъ пестомъ. «Милости просимъ, Дмитрій Сергѣевичъ!» сказала Марья Ивановна: «помогите намъ заготовить зимній запасъ. Вѣдь и вамъ прійдется покушать этой кислой капусты.» — «Охотно!» отвѣчалъ я, замѣтивъ, что можно подсѣсть къ Луизѣ. — «Садитесь сюда!» сказала мнѣ Матрена Христіановна, выкативъ глаза болѣе обыкновеннаго, и указывая на пустое мѣсто по правую свою руку. — «Нѣтъ! позвольте, я сяду подлѣ маменьки!» отвѣчалъ я, взялъ стулъ, и помѣстился между Марьей Ивановной и Луизою. Матрена Христіановна взглянула на меня какъ Медея, взяла лежавшій на столѣ брусокъ, и стала оттачивать ножъ. Анна Ивановна подала мнѣ деревянный кружокъ, ножъ и кочень. «Поучите меня, Елисавета Карловна!» сказалъ я тихонько. — «Я сама не умѣю!» отвѣчала она, также въ полголоса: «я испортила два кочня, и мнѣ ужъ не разъ доставалось за это.» — «Вотъ какъ надобно рѣзать капусту!» сказала Марья Ивановна: «не спрашивайтесь у нашей московской бѣлоручки!» Она положила кочень на мой кружокъ, взяла ножикъ и стала учить меня. «Понимаю!» отвѣчалъ я, взялъ ножикъ, и началъ скоблить и царапать кочень. «Не такъ! не такъ!» закричали всѣ: «надобно придерживать лѣвою рукою.» — «Хорошо! хорошо!» отвѣчалъ я: «ужъ пригляжусь!» Я сталъ приглядываться, но, по

какому-то странному влеченію, приглядывался все къ ручкамъ Луизы. «Что за пальчики!» думалъ я: «нѣжненькіе, бѣленькіе; кончики ихъ покраснѣли отъ дѣйствія капусты; ноготки какъ точеные, и ямочки на каждомъ суставчикѣ. Что подумаютъ, когда увидятъ, что я разглядываю одну ее! Посмотрю и на другихъ. Вотъ увѣсистыя, жилистыя лапы чувствительной Матильды: пальцы толстые, короткіе, какъ грѣшневики; на каждой рукѣ по одному уродливому ногтю. Вотъ и длинные когти ея сосѣдки, сущія грабли. — А у Луизы! И эта нѣжная рука приговорена крошить капусту!» — «Ай! ай! что это?» закричала Марья Ивановна: «вы обрѣзали себѣ палецъ, Дмитрій Сергѣевичъ!» Въ самомъ дѣлѣ я до того заглядѣлся на пальчики Луизы, что не видалъ и не чувствовалъ, какъ ранилъ себя въ палецъ лѣвой руки. «Луиза! принеси поскорѣй англійскаго пластырю и тряпочку!» сказала Марья Ивановна. Матрена Христіановна, не поднимая, противъ обыкновенія, глазъ съ своего кочня, проворчала: «Вотъ что значитъ глядѣть не туда, куда надобно!» Луиза принесла всѣ хирургическіе аппараты, взяла мою руку въ свои, приложила къ неважной ранѣ моей обрѣзокъ англійской тафты, обвязала батистовою тряпчкою, и сверхъ того черною тафтою. — По окончаніи перевязки, поцѣловалъ я ей руку, а она, по нашему, по-русски, поцѣловала меня въ щеку. Все это происходило чинно, тихо, какъ должно; но два измѣнническіе звука всполошили весь ка-

пустный комитетъ, кромѣ президентши, Марьи Ивановны, которая находила очень позволительнымъ и полезнымъ, чтобъ молодой человѣкъ изъяснилъ благодарность ея дочери. — «Мочи нѣтъ, какъ жарко!» сказала распаленная гнѣвомъ Матрена Христіановна. — «Отъ этого хоть взбѣситься!» сказала изсушенная добродѣтелью сосѣдка. — «Какъ угодно!» отвѣчалъ я: «только вижу, что мнѣ не написано на роду крошить капусту, а даромъ сидѣть подлѣ трудолюбивыхъ совѣстно.» — «Прочитайте намъ что нибудь!» сказала Марья Ивановна. — «У меня въ ридикюль прекрасная книга!» сказала Матрена Христіановна, радуясь, видно, что я при чтеніи не буду смотрѣть на пальчики Луизы, вытащила засаленный томъ въ бурой папкѣ (изъ библіотеки ученаго Геверта), и подала мнѣ. Я развернулъ книгу: *Euridane, die Tochter der Hölle* (Эвридана, дочь ада) «Это слишкомъ страшно», сказалъ я. — «Нѣтъ!» закричала Матрена Христіановна: «эта книга прекрасная, чтобъ читать (*)!» — «А чтобъ рвать ее?» спросилъ я, развернулъ наудачу, и прочиталъ: «Тамъ стоитъ Донъ Мануэль, супругъ мой. Вотъ онъ подходитъ ко мнѣ съ кровавою салфеткою: видишь ли, онъ несетъ въ рукѣ вѣчный молочный супъ, который хочетъ вылить мнѣ на голову (**).» — Нѣтъ! воля ваша, я не

(*) Ein schönes Buch zu lesen.

(**) «Dort steht Don Manuel, mein Gemahl. Sieh, jetzt tritt er näher, er kommt auf mich zu mit der blutigen

охотникъ до вѣчнаго супу. Къ тому же эта книга самая трагическая, а мое саксо-русское произношеніе нѣмецкаго языка нерѣдко возбуждало невольный смѣхъ въ слушателяхъ. Прочту чтонибудь по-русски.» — «Фи, по-русски!» сказала Матрена Христіановна: «какъ можно мыслить и чувствовать по-русски! — «Извините,» отвѣчалъ я: «по-русски нельзя только рѣзать ножами капусты; мы ее рубимъ.» Она вздернула носъ и фыркнула, какъ кошка, а я вынулъ изъ кармана книжку Вѣстника Европы, и началъ читать Свѣтлану Жуковскаго. Марья Ивановна слушала съ удовольствіемъ, Луиза съ умиленіемъ и восторгомъ. Прочія собесѣдницы занялись клатчемъ.

Klatsch, flatschen, Klatscheren — нѣмецкія слова, которыя трудно перевести на русскій языкъ. Это означаетъ болтовню, пересуды, сплетни, ограничивающіяся вздоромъ и пустяками: слухи, кто съ кѣмъ поссорился, кто за кѣмъ волочится, у кого хлѣбы въ печи пересидѣли, кого кухарка обокрала, и т. п. Видя, какъ люди сами на себя наваливаютъ и хлопоты, и труды, и заботы; какъ они стараются отяготить и голову, и желудокъ; какъ жадно ищутъ средства убить то, чего ни за какія сокровища возвратить нельзя —

Serviette — siehst du nicht, er trägt die ewige Milchsuppe in der Hand, die er mir über den Kopf gießen will! — Euridane, die Tochter der Hölle. Hambnrg und Mainz, 1803, 2ter Th. S. 193.

время и здоровье, я неоднократно мыслилъ, что судьба еще очень милостиво распредѣлила общую сумму зла въ человѣчествѣ, и что люди напрасно на нее жалуются. Особенно женщинъ надѣлила она избыткомъ времени: что было бы съ ними, если бъ не было модъ и сплетней, занимающихъ половину ихъ существованія? Не думай, чтобъ я хотѣлъ совершенно лишить ихъ удовольствія наряжаться и болтать! Желаніе нравиться есть врожденное чувство въ женщинъ: двухлѣтняя дѣвочка охотно подходитъ къ зеркалу, и драпируется косыночкою. И умная, образованная, возвышенная душою Луиза не чужда охоты наряжаться. Она одѣвается теперь очень просто, какъ дочь бѣдныхъ родителей, и никогда не показываетъ, чтобъ ей это было трудно и непріятно, послѣ роскошной жизни въ домѣ Княгини Войтовой; но женскія замашки невольно прорываются. Иногда приношу я къ нимъ иностранные журналы. Луиза охотно читаетъ все умное и хорошее, но когда получить отъ меня кипочку журналовъ, то невольно и какъ бы невзначай вытаскиваетъ всегда прежде другихъ журналъ съ модными картинками, разглядываетъ, любитъ и толкуетъ. Что ты будешь съ ними дѣлать! — Другая страсть женскаго пола, болтать и пересуживать, мнѣ кажется, порождена положеніемъ женщинъ въ свѣтъ. Онѣ занимаются болтовнею, потому что не имѣютъ дѣлъ важнѣйшихъ. Едва ли половина изъ нихъ завѣдываетъ домашнимъ хозяйствомъ, но и при

этихъ занятіяхъ есть досужее время. Достаточныя и свѣтскія женщины наполняютъ сей промежутокъ нарядами и болтовнею; женщины средняго состоянія, неимѣющія возможности удовлетворять страсти къ нарядамъ — одною болтовнею. Дайте женщинамъ такое воспитаніе, чтобъ онѣ могли занять умъ и сердце достойнымъ безсмертнаго человѣка образомъ — и прекратится половина сплетней и пересудовъ. Внушите въ нихъ любовь къ чтенію, познакомьте, кромѣ обыкновенныхъ женскихъ работъ, съ рисованіемъ, музыкою, и — новое поколѣніе возрастетъ образованнѣе, умнѣе, основательнѣе прежняго. Давъ женскому полу свободу, которой онѣ лишены были въ древности, мы не умѣли надѣлать женщинъ упражненіями, кромѣ тѣхъ, которыми онѣ занимались въ гаремахъ. А какъ это дѣйствуетъ на дѣтей! — Не думай, чтобъ я хотѣлъ посвятить женщинъ въ ученое сословіе! Упаси, Боже! Тогда намъ прійдется състь за пальцы! Я желалъ бы, сохранивъ въ нихъ нѣжность чувства, дѣтскія забавы тряпочками и берюльками, дать лучшее направленіе ихъ душевнымъ способностямъ. А теперь, чѣмъ ограничивается образованіе женщинъ, и въ пансіонахъ и дома? Строгимъ правиломъ: «*tenez-vous droite et parlez français!*» Этотъ приговоръ произнесенъ и надъ Луизою? спросишь ты. Ахъ, къ несчастію моему, нѣтъ! Она составляетъ исключеніе изъ этого правила, и если бѣ могла довершить свое воспитаніе, то сдѣлалась бы образцемъ, идеаломъ со-

вершенной женщины. Я говорю: довершить, т. е. познакомиться съ обязанностями своими въ званіи супруги и матери. Дѣвицы, при всѣхъ прекраснѣйшихъ началахъ, кажутся мнѣ кадетами и юнкерами, которые довершаютъ свое образованіе въ полку, а это зависѣть будетъ отъ капитана, котораго пошлетъ имъ судьба.

Перечитывая написанныя мною страницы, вижу, что я сдѣлалъ удивительный скачокъ, отъ капусты — къ образованію женщины! — И правъ ли я въ послѣднемъ? Правъ по теоріи, но на дѣлѣ не правъ. Я требую высшаго образованія отъ женщинъ, между тѣмъ какъ едва ли начту двухъ, трехъ мужчинъ, которые стоили бы такихъ женъ, которые могли бы цѣнить ихъ достоинства. И въ самомъ дѣлѣ: достойны ли мы сами того, чтобъ женщины были образованнѣе, выше нынѣшняго? Не стану говорить о порочныхъ, о домашнихъ тиранахъ, о невоздержныхъ, развратныхъ, и т. п.; обращу взоры на добрыхъ людей. Вотъ четыре человека сидятъ уже четыре часа за бостономъ, и просидятъ еще четыре. Всѣ помыслы ихъ ограничиваются случайнымъ распредѣленіемъ пятидесяти двухъ раскрашенныхъ листочковъ; всѣ желанія стремятся къ тому, чтобъ выиграть рублей пять! — Вотъ этотъ до обѣда размышляетъ, какъ бы пообѣдать, что бы съѣсть и выпить, а послѣ обѣда толкуетъ о томъ, что съѣлъ и выпилъ. А третій изнуряется въ услугахъ глупому вельможѣ, теряетъ время, здоровье, иногда и совѣсть, чтобъ

получить чинъ осьмага класса. Дайте этимъ людямъ женъ истинно благородныхъ и образованныхъ, и онѣ будутъ проклинать свое образованіе, будутъ завидовать свѣтскимъ бездушнымъ кукламъ и тяжелымъ домашнимъ кухаркамъ! Что жъ выходитъ изъ всѣхъ этихъ противоборствующихъ толкованій? То, что нынѣшнее образованіе обоихъ половъ есть неизбежное слѣдствіе нашего гражданскаго быта и нашей природы человѣческой; что число умныхъ, благородныхъ, выпреннихъ людей въ обоихъ полахъ не велико, и что для счастья ихъ должно желать только — чтобъ сродныя души могли найти другъ друга въ толпѣ шумнаго свѣта. А какъ часто мы видимъ, что случай приковалъ нѣжное, благородное существо къ грубому, дикому варвару; что человѣкъ, достойный счастья въ мірѣ, долженъ влечить жизнь съ бездушнымъ твореніемъ, которое выдали за него, какъ продаютъ товаръ лицомъ! — Не знаю какъ, а предчувствую, что со временемъ, когда общество человѣческое усовершится, устранены будутъ сіи гибельные союзы, отравляющіе благополучіе цѣлыхъ поколѣній.

Вечеръ того дня кончился, какъ обыкновенно, музыкою и холоднымъ ужиномъ. Луиза усердно хозяйничала, и никто не могъ бы догадаться, что за три или четыре недѣли предъ симъ легионъ служанокъ исполнялъ ея повелѣнія. Она занималась домашними трудами съ какою-то легкостью и веселостью, которыя заставили бы и

меня полюбить досадную должность кухонную. Обращеніе ея было свободное, откровенное, со всѣми равное; меня, какъ казалось, она предпочитала, потому что могла вдоволь наговориться со мною по-русски и по-французски. Съ нѣмецкими своими родственницами и подругами обходилась она учтиво и привѣтливо, безъ изъясненій страстной дружбы, но и безъ гордости, которая легко могла бы зародиться въ душѣ менѣе безсмертной. Впрочемъ дѣвицы ея не любили. Свободное, вѣжливое, упредительное обращеніе ея съ мужчинами называлось у нихъ кокетствомъ. «*Sieh mal das russische Fräulein an (*)*» слыхаль я не разъ. Сами онѣ не умѣли говорить съ мужчинами, не жеманясь и не краснѣя искусственно, а между собою безпрестанно перешептывались, посмѣивались и дразнили другъ друга, поглядывая украдкою на насъ, кандидатовъ супружества. Глупая манера, которую я находилъ здѣсь во многихъ, не-русскихъ домахъ! По крайней мѣрѣ наши русскія барышни, того же класса, сидятъ какъ ступы въ своемъ кругу, не смѣютъ поднять глазъ, и безмолвствуютъ, зная, что онѣ *товаръ*, который ждетъ *купца*. Недостаетъ только на шеѣ ярлычка съ надписью: десять тысячъ наличными и на столько же приданого!

Разумѣется, что по пріѣздѣ Луизы, домъ Миллера пооживился. Начали являться и моло-

---

(*) Посмотри, пожалуй, на русскую барышню.

дые люди, бѣльшею частію неважные и безгласные, все Нѣмцы. Одинъ изъ нихъ обращалъ на себя общее вниманіе — Карлъ Кашпаровичъ Кибичъ, прикащикъ конторы москотильныхъ товаровъ, сынъ богатаго купца, который началъ свое коммерческое поприще продажею бутылокъ, потомъ раза три обанкрутился, а теперь производитъ торгъ на милліоны, особенно хлѣбомъ. Молодой Кибичъ не дурень собою, статенъ, ловокъ; но что за голова, что за сердце! Онъ учился, какъ и почти всѣ здѣшніе нѣмецкіе купцы, въ Петровской Школѣ, но дошелъ только до третьяго класса снизу, говоритъ дурно по-русски и по-французски, не имѣетъ ни о наукахъ, ни о свѣтѣ ни какого понятія, но смѣлъ, дерзокъ, гордъ, пьетъ за пятерыхъ, умѣетъ мастерски править пристяжною, играть во всѣ игры и выигрывать, и танцуетъ очень хорошо. Онъ гдѣ-то увидѣлъ Луизу, и посредствомъ Ивана Ивановича Фризеля, своего лейбмедика, познакомился въ домъ Миллера. И я обязанъ знакомствомъ съ этимъ почтеннымъ семействомъ Фризелю, но не разъ проклиналъ его за рекомендаціи; мнѣ казался онъ человѣкомъ, который не можетъ, перейдя чрезъ улицу, не принести домой на сапогѣ дегтю. Признаюсь, мнѣ присутствіе Кибича не нравилось: я досадовалъ на то, что онъ говоритъ съ Луизою, что она ему отвѣчаетъ. Это были начала ревности, возникавшей въ душѣ моей безъ моего вѣдома. Между тѣмъ Луиза скоро меня успокоила, показавъ, что не можетъ

уважать Кибица. Должно признаться, что онъ произвелъ начало этого неуваженія къ себѣ отнюдь не тѣми качествами, которыя должны бѣ были внушить къ нему презрѣніе. Луиза просила меня говорить съ нею иногда по-Французски, чтобъ она не совершенно забыла этотъ языкъ, изгнанный изъ древне-германскихъ чертоговъ. Мнѣ было это не очень пріятно, но чего не сдѣлаешь, чтобъ угодить милой дѣвицѣ? Я приносилъ къ ней книги русскія и французскія, и мы положили о русской литературѣ говорить по-русски, о французской по-французски. Бесѣды наши происходили въ отсутствіи отца, въ общемъ кругу. Кибицъ нерѣдко былъ слушателемъ, но не весьма усерднымъ, зѣвалъ, ворочался, прерывалъ разговоръ. Однажды говорили мы съ Луизою о читанномъ ею путешествіи по Америкѣ, и о какой-то странной породѣ лошадей, которыя тамъ водятся. Кибицъ, услышавъ слово *cheval*, поднялъ уши и разинулъ ротъ — предметъ знакомый. Я толковалъ, какъ умѣлъ, отличія сей породы отъ другихъ. Вдругъ Кибицъ спросилъ по-Французски: «*Où que cela est?*» — «*Quoi? что?*» спросилъ я. «*Où que cela est?*» повторилъ онъ. Тутъ я понялъ и отвѣчалъ: «*En Amérique.*» — Луиза не могла не засмѣяться, и съ тѣхъ поръ Кибицъ началъ упадать въ глазахъ ея. Женщины! милыя женщины! думалъ я: какъ вы несправедливы и въ справедливости своей!

Другой селадонъ былъ инженерный поручикъ фонъ-Круммгольцъ, родомъ изъ Эстляндіи, и по-

тому называвшійся Барономъ фонъ -Круммгольцомъ. Долговязая, сухая фигура, блѣлокурый до крайности, съ свѣтлосѣрыми глазами и темно-русскими бровями. Онъ говорилъ только по-нѣмецки, а по-русски едва умѣлъ объясняться съ своимъ денщикомъ; но, къ счастью, онъ обыкновенно молчалъ. По этой причинѣ не могу тебѣ сказать, умѣнъ ли онъ или глупъ. Знаю только, что онъ игралъ во многихъ петербургскихъ нѣмецкихъ обществахъ важную роль, за отсутствіемъ другихъ военныхъ юношей. Матильда обращала свои легкоконные глаза то на Кибица, то на Круммгольца, и чаще останавливалась на послѣднемъ: *blond und ein Militair* (*)! — За этимъ обыкновенно слѣдовали два взгляда, одинъ съ выраженіемъ презрѣнія на меня, другой злобный на Луизу.

Третій кандидатъ былъ шестидесяти-пятилѣтній вдовецъ, отставной маіоръ Мюльштейнъ, обрусѣвшій Нѣмецъ, твореніе глупое, пьяное и злое. Бывъ принужденъ оставить службу, и имѣя порядочное состояніе, онъ не зналъ, чѣмъ заняться, и бросился въ мистику, сталъ читать бредни среднихъ и новыхъ временъ, вздыхать, выворачивать глаза, и бранить всѣхъ людей, погрязшихъ въ суетѣ земной. Бѣднымъ не удѣлялъ онъ ни копѣйки, но ссужалъ деньгами подъ ручные заклады, и бралъ жидовскіе проценты. Онъ вздумалъ и самъ сочинять богословскія кни-

---

(*) Бѣлокуръ и военный.

ги, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о Богословіи, ни о какой Грамматикѣ, и познакомился съ Миллеромъ, чтобъ пріискать, при его помощи, нѣсколько нужныхъ текстовъ, и напечатать свое сумасбродное мараенье. Я сержусь на природу, когда вижу, что сѣдины покрываютъ глупую голову — что бы ей позеленѣть? Это тяжелое твореніе вздумало обратить страстные взоры свои на прекрасную Луизу. Мюльштейнъ неоднократно толковалъ о блаженствѣ быть женою маіора и Божія чловѣка. Я съ ужасомъ и отвращеніемъ глядѣлъ на этого Силена. Къ счастью, онъ разсердилъ Миллера, сказавъ, что Лютеръ былъ безбожникъ. «Вонъ!» закричалъ рьяный лютеранинъ: «убирайся, гнусный лицемѣръ!» Мюльштейнъ вышелъ изъ дому, взглянувъ на Миллера съ іезуитскою злобою. — Потомъ узналъ я, что этотъ уродъ женился на бѣдной сиротѣ, прекрасной, добродѣтельной, воспитанной, и она чрезъ шесть мѣсяцевъ легла въ могилу!

Тебѣ страннымъ кажется, что я этого чловѣка поставилъ въ число искателей Луизы? Ахъ, я хотѣлъ тебѣ сказать только, что это милое существо дѣйствовало равно на всѣхъ и на каждого! И нечувствительный, макулатурный Ципперлейнъ глядѣлъ на нее съ умиленіемъ: «Точно уютное стереотипное изданіе, на веленовой бумагѣ, безъ опечатокъ!» говорилъ онъ: «когда гляжу на нее, мнѣ всѣ прочія дѣвицы кажутся переплетенными въ свиную кожу.» Эти библиографическія нѣжности были не очень нѣжны,

но я слушалъ ихъ съ удовольствіемъ: предметомъ ихъ была Луиза.

И такъ, скажешь ты, Луиза есть идеалъ земнаго совершенства? въ ней нѣтъ ни какихъ недостатковъ и слабостей? — Нѣтъ! я не говорю этого. Я находилъ въ ней иное не такъ, какъ бы желалъ; иногда сердился на нее, случалось, что и журилъ ее, но ей изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ женщинъ отдаю пальму. Недостатки ея — легко возбуждаемая ревность и еще привычка дуться, если смѣю такъ выразиться. Когда она была къ мнѣ недовольна, то не сказывала ему этого, не спорила съ нимъ, не старалась объяснить-ся, а переставала съ нимъ говорить, смотрѣла на него угрюмо, и во всѣхъ пріемахъ своихъ показывала неудовольствіе и досаду. Правда, что это въ ней скоро проходило, и кроткіе лучи милыхъ глазъ ея вновь проглядывали сквозь густыя тучи; но мнѣ эта слабость казалась несноснѣе всего. Я не могу понять этого свойства нѣкоторыхъ людей, но думаю, что если бъ Луиза была моею женою, то я успѣлъ бы исцѣлить ее отъ этой привычки. Въ похвалу ея скажу, что и въ этомъ неудовольствіи она равно была угрюма со всѣми, и обыкновенно отговаривалась головною болью. Отецъ, мать и другіе этому вѣрили, но любовь, слѣпая любовь проницательна. — Что касается до ревности, то говорятъ, что это необходимая лигатура въ самомъ чистомъ женскомъ сердцѣ, и если только женщина умна,

добра и дѣйствительно любима своимъ мужемъ, то ревность ея скрывается въ глубинѣ.

Ты конечно не получалъ отъ меня письма безтолковѣе, пестрѣе, несвязнѣе нынѣшняго. Прости великодушно! Это лирическій безпорядокъ любви. Когда я помышляю о Луизѣ, когда стараюсь припомнить всѣ обстоятельства тогдашней моей жизни, — мысли, чувствованія, картины, самыя разнообразныя возникаютъ въ душѣ моей, и я не знаю, съ чего начать, чѣмъ продолжать, боюсь кончить. Но довольно уже того, что я теперь кое-какъ могу писать о быломъ времени. Долго не былъ я въ состояніи составить хотя одну понятную фразу о томъ, что наполняетъ все существо мое. И теперь невольно перебѣгаю отъ предметовъ близкихъ къ отдаленнымъ, находя между тѣми и другими умственную связь, которая не видна вамъ, людямъ порядочнымъ и разсудительнымъ! И время смѣшивается въ сихъ воспоминаніяхъ: періодъ знакомства моего съ Луизою заключаетъ въ себѣ слишкомъ два года, а мнѣ иногда кажется онъ одною свѣтлою, яркою точкою; иногда же продолженіемъ цѣлой жизни. Луиза! Луиза! ты отторгнута отъ моего сердца, ты не существуешь для меня въ семъ мірѣ, но тебѣ обязанъ я всѣмъ блаженствомъ, всѣми истинными наслажденіями въ жизни; безъ тебя я бы только зналъ, а не чувствовалъ, не постигалъ бы, что душа моя бессмертна!

Говорятъ, что бракъ есть гробъ любви. Да какой любви! Въ отношеніи къ той любви ува-

женія, умиленія, обожанія, которая пламенѣтъ во мнѣ къ женщинѣ добродѣтельной и возвышенной надъ туманною атмосферою земною — мысль эта есть оскорбленіе всего, что свято въ мірѣ. Но супружество съ Луизою? Это превышаетъ мои понятія; для этого нѣтъ у меня выраженій, нѣтъ мѣста ни въ сердцѣ, ни въ умѣ! Иногда могу я вообразить Луизу своею женою по истеченіи лѣтъ десяти брака. Женщина еще прекрасная собою, миловидная, кроткая, тихая, окруженная счастливыми дѣтьми, помощница моя въ несеніи жизненнаго ига, утѣшительница моя въ горести, участница въ радостяхъ! Ахъ, нѣтъ! нѣтъ! тогда страшно было бы умереть!

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Страсбургъ, 4 Октября.

Я видѣлъ ее, видѣлъ Луизу, видѣлъ ее вчера, увижу сегодня. Какое сладостное утѣшеніе послано мнѣ Провидѣніемъ небеснымъ! Я вижу Луизу.

Ты не понимаешь меня — выслушай! — Въ комиссіи нашей встрѣтилось затрудненіе по расчету съ Страсбургскою Ратушею, и начальникъ отправилъ меня съ Волгинымъ въ Страсбургъ, для приведенія этого дѣла въ ясность. Надѣмся кончить дня чрезъ три. Мы поѣхали съ удовольствіемъ, ибо франкфуртскія лица намъ уже до крайности надоѣли. Сюда прибыли мы

вчера поутру, и поработавъ въ ратушѣ, вышли погулять по городу, въ сопровожденіи наемнаго лакея. Сперва взобрались мы на колокольню собора, одну изъ высочайшихъ въ свѣтъ. Я, признаюсь, полѣзъ итти далѣе платформы, и пока другіе взбирались выше, перевертывалъ листы въ лежащемъ тамъ альбомѣ путешественниковъ, находилъ имена знаменитыя и знакомыя, наконецъ подмахнулъ и свое, съ парафомъ, изображающимъ букву L. Съ Волгинымъ было на вершинѣ башни презабавное приключеніе. Круглая лѣстница идетъ до извѣстной высоты внутри башни, но на самомъ верху, гдѣ башня слишкомъ стѣсняется, она обведена узенькою улиткою снаружи. Я бы ни за что не пошелъ вверхъ на такой высотѣ: непременно сдѣлалось бы мною головокруженіе; но Волгинъ, поставившій себя въ непремѣнную обязанность написать свое имя на маковкѣ, бодро взвился до самаго нѣльзя, и исполнилъ свое желаніе. Но вотъ бѣда: за нимъ шелъ толстый Англичанинъ, и вдругъ увязъ между желѣзными перилами узенькой лѣстницы; чѣмъ усильнѣе старался онъ продраться, тѣмъ глубже желѣзные прутья входили въ мягкіе бока его — наконецъ онъ остановился и хотѣлъ отступить, но не тутъ-то было: ни назадъ, ни впередъ — и бѣдный Волгинъ затертъ былъ на этой ужасной высотѣ! При помощи сторожа, чрезъ четверть часа вытащили несчастнаго годдема изъ клещей, и Волгинъ спустился ко мнѣ, на платформу. Посмѣявшись надъ этимъ забав-

нымъ приключеніемъ, мы отправились въ лютеранскую церковь Св. Θомы, видѣли тамъ знаменитый мавзолей маршала де Саксъ и нетлѣнные тѣла какихъ-то Нассаускихъ Герцоговъ, лежащія въ гробахъ съ стеклянными крышками. Между тѣмъ, какъ я разглядывалъ группу надъ могилою маршала, Волгинъ пошелъ осмотрѣть другіе монументы, и вдругъ позвалъ меня. «Посмотри, пожалуйста, Дмитрій Сергѣевичъ, какъ хороша эта статуя на монументъ профессора Шепфлина!» Я обратился туда, и увидѣлъ, въ нишѣ надъ урною, плачущую женскую фигуру изъ бѣлаго мрамора, въ обыкновенный ростъ. Подхожу ближе — и что? — точный портретъ моей Луизы представляется глазамъ моимъ. Я смутился, сердце мое сильно забилося, дыханіе остановилось, меня начало душить, и я съ трудомъ произнесъ: «Это она!» — «Что съ тобою сдѣлалось?» спросилъ испуганный Волгинъ. — «Это она! это Луиза!» — и слезы полились изъ глазъ моихъ, грудь моя облегчилась. Чѣмъ долѣе смотрю на эту фигуру, тѣмъ болѣе нахожу въ ней сходства съ моимъ геніемъ мучителемъ и утѣшителемъ! Я простоялъ передъ нею долго, долго. Волгинъ проголодался, и съ улыбкою сказалъ мнѣ: «Позволь оставить тебя здѣсь; ты сытъ воображеніемъ, а я еще покамѣстъ человѣкъ земной — пора обѣдать!» — Я пошелъ за нимъ въ трактиръ, въ раздумьѣ. Послѣ обѣда продежурилъ я въ церкви до сумерекъ. Теперь долженъ я итти въ ратушу — но лишь только отдѣлаюсь,

пойду къ ней опять. Хозяинъ трактира привелъ ко мнѣ искуснаго рисовальщика. Я посылаю его туда, обещаю ему все, чего онъ хочетъ — только бы онъ успѣлъ схватить черты Луизы, которыя, не понимаю какъ, родились въ воображеніи художника. Луиза! у меня будетъ твой портретъ! —

Я долженъ продолжать мой рассказъ, но не знаю, съ чего начать, и какъ кончить. Трудно было мнѣ приступить къ описанію обстоятельствъ любви моей — откуда возьму силы, чтобъ изобразить ужасное время разочарованія и разлуки!

Однажды пригласили меня —

Нѣтъ! не могу! Сообщаю вѣрную выписку изъ журнала, веденнаго мною въ то время. Теперь все смѣшивается въ умѣ моемъ, и я не могу говорить о Луизѣ иначе, какъ съ выраженіемъ пламенной моей страсти — а тогда этого еще не было.

18 Октября 1813.

Вчера поутру Аѳанасій подалъ мнѣ запечатанное письмо, принесенное наканунѣ артельщикомъ. Оно нѣмецкое, слѣдующаго содержанія:

«Господина коллежскаго ассессора Мстиславцева всепокорнѣйше просятъ пожаловать сегодня къ нижеподписавшимся на балъ и ужинъ.

К. Х. Кибицъ и комп.»

«Это что?» полумалъ я. «Цѣлая компанія проситъ меня къ себѣ на балъ и на ужинъ! Но, можетъ быть, это только коммерческая привычка подписываться такимъ образомъ. Я слыхалъ, что

одинъ купецъ, вступая въ бракъ, подписалъ подъ контрактомъ: *такой-то и компанія*. Да какъ вздумалъ богатый Кибицъ пригласить нашего брата, бѣднаго, неважнаго чиновника? Я знаю его болвана сына, но никогда съ нимъ не дружился. Почему жъ не ѣхать? Это было бы неучтиво. Жаль, что балъ назначенъ сегодня. Мнѣ хотѣлось бы побывать у Миллера. Я давно у него не былъ — уже четыре дня. И что скажетъ Луиза, когда явлюсь послѣ такого долгаго времени! Поспоримъ и помиримся. Вотъ дѣвица — какихъ вѣрно не найду у Кибица! Впрочемъ, заберусь къ Кибицу поранѣе, чтобъ ранѣе отдѣлаться. Къ Миллеру непременно пойду завтра.»

Вечеромъ я принарядился, какъ могъ. Въ Петербургѣ я еще не бывалъ на балахъ, и такъ отвыкъ отъ башмаковъ, что едва могъ ступить. Смѣшно! — Въ восемь часовъ подѣхалъ я къ освѣщенному дому Кибица, въ Коломнѣ; — странно, что этотъ Нѣмецъ живетъ не на Васильевскомъ Острову. Гостей было еще немного — тѣмъ лучше! Я не люблю входить въ многолюдныя общества. Великое дѣло привычка! Я имѣлъ случай испытать себя въ тысячѣ случаевъ, и не знаю, что такое трусость. Пройду на Островъ по Невѣ, лишь только она станетъ, и не боюсь того, что ледъ хруститъ подъ моими ногами; нынѣшнею весною, я, послѣдній передъ ея вскрытіемъ, перешелъ по ветхой корѣ; брожу одинъ ночью по глухимъ улицамъ, не думая объ опасности; захожу бодро и смѣло даже въ кабинетъ

министра; но никакъ не дерзаю войти въ большое общество. Блескъ свѣчей ослѣпляетъ меня; мнѣ кажется, что всѣ на меня смотрятъ; боюсь быть неловкимъ, смѣшнымъ, и отъ того конечно въ самомъ дѣлѣ смѣшонъ и неловокъ; ищу хозяина или хозяйки, и, по близорукости моей, иногда обращаюсь съ прѣтствомъ къ чужимъ людямъ. — Здѣсь, къ счастью, мнѣ не долго было искать хозяина. Высокій красноносый толстякъ, съ выраженіемъ глупости и подлости на лицѣ, стоялъ въ передней, и подавалъ рюмку водки квартальному надзирателю изъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ. «Здравія желаемъ Кашпару Христофоровичу!» гаркнулъ рачитель спокойствія, выпилъ духомъ, крякнулъ и закусилъ *маслохлѣбомъ*, какъ говорятъ Нѣмцы. Кибицъ взглянулъ на меня спесиво, какъ на незнакомаго, но сынъ подошелъ къ нему, сказалъ что-то на ухо, и онъ бросился ко мнѣ на встрѣчу. «Очень радъ съ вами познакомиться, господинъ коллежскій ассессоръ! Я давно искалъ этого счастья! Вы истинно меня изволили обязать, принявъ дружеское мое приглашеніе. Долгъ мой требовалъ бы, чтобъ я самъ къ вамъ явился, но вамъ извѣстны мои дѣла — и т. п.» — Не постигая причинъ этой учтивости, и приписывая ее безразборчивому гостепріимству, я поблагодарилъ его за приглашеніе, и вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ залу. Молодые люди прохаживались по залѣ группами. Въ гостиной сидѣли дамы. Въ другой, большой ком-

натъ разставлены были карточные столы, и за двумя уже занимались. Знакомыхъ нѣтъ; вдругъ, вижу, входитъ Мишурскій, умный и любезный шалунъ, непремѣнный членъ всѣхъ баловъ и вечеринокъ, историческій лексиконъ всѣхъ замѣчательныхъ лицъ въ Петербургъ, ежедневная газета всѣхъ происшествій. Онъ расхохотался, увидѣвъ меня. «Какъ ты здѣсь очутился?» — «Ей, ей, не знаю!» отвѣчалъ я: «меня пригласили, и принимаютъ очень учтиво и привѣтливо!» — «А я знаю, почему!» продолжалъ онъ, смѣясь: «старикъ Кибицъ, услышавъ о тебѣ отъ своего сына, который познакомился съ тобою у какого-то Нѣмца, спросилъ, гдѣ ты служишь. Сынъ отвѣчалъ: въ департаментъ. — «Не въ провіантскомъ ли?» спросилъ отецъ съ трепетомъ. «Да, въ провіантскомъ!» отвѣчалъ сынъ, неумѣющій отличить и сената отъ питейной конторы. — «Звать на балъ! непременно звать! Человѣкъ онъ нужный!» — «Вотъ тебя и позвали!» — «Такъ мнѣ здѣсь нѣчего дѣлать, когда меня пригласили по ошибкѣ!» «Э, братецъ, пустое! Тебѣ можно бѣ было совѣститься, когда бѣ ты въ самомъ дѣлѣ служилъ по провіантской части, потому, что тогда могли бѣ сказать, будто Кибицъ тебя задариваетъ, а теперь ты можешь попить у него, не нарушая вѣрноподданической присяги.» — «Хорошо,» отвѣчалъ я: «побуду съ часъ мѣста, и уѣду.» — «Вотъ еще!» сказалъ Мишурскій: «уѣзжай, когда соскучится, а пока весело, оставайся. Ты здѣсь найдешь много предметовъ и

къ размышленію, и къ забавѣ. Посмотри, какія лица, какія фигуры! Видишь ли эту пару, которая расхаживаетъ, взявшись за руки, по залѣ? Это палачъ съ женою!» — «Помилуй, что ты?» — «Да, палачъ, то есть глупый и плохой врачъ. Онъ учился въ какомъ-то университетѣ, не кончилъ курса, и объявленъ неспособнымъ заниматься врачеваніемъ. Что жъ? опредѣлился коноваломъ въ кавалерійскую дивизію, но вскорѣ его оттуда выгнали потому, что за лошадей должно отвѣчать. Теперь онъ какъ-то досталъ лекарскую степень, и, при помощи дерзости, безстыдства и шарлатанства, сдѣлался домашнимъ медикомъ во многихъ важнымъ домахъ.» — «И его терпятъ!» — «А какъ не терпѣть? Посмотри на его плотную, длинную фигуру; на это строгое, темнобурое лицо, испятнанное желтыми рябинками, какъ кладбище могилами; послушай, какъ важно онъ толкуетъ своимъ провинціальнымъ нарѣчіемъ о Медицинѣ и Хирургіи; какъ грозно прокликаетъ всѣхъ иностранныхъ врачей; какъ плодовито рассказываетъ *некрологи* всѣхъ своихъ больныхъ, полагая, что это слово значитъ то же, что *біографіи*; какъ смиренно жалуется, что ему нѣкогда пообѣдать и выпастись отъ большой практики. И въ самомъ дѣлѣ, онъ платитъ большія деньги курьерамъ разныхъ вѣдомствъ, чтобъ они пріѣзжали за нимъ, будто отъ генераловъ, сенаторовъ и министровъ, когда онъ обѣдаетъ въ гостяхъ. Можно обѣзкладъ побиться, сядясь за столъ, что въ поло-

винъ обѣда подойдетъ къ нему слуга съ докладомъ: «Харитонъ Семеновичъ! за вами курьеръ пріѣхалъ отъ генерала такого-то!» — «Боже мой!» говоритъ онъ: «и пообѣдать не дадутъ въ покоѣ! Вотъ, что значитъ слава и практика!» Встаетъ, уѣзжаетъ и чрезъ полчаса возвращается съ уведомленіемъ: «Слава Богу, графу легче! Еще удалось захватить во-время.» Не правда ли, молодецъ въ своемъ дѣлѣ?» — «Хорошъ!» отвѣчалъ я. — «Ну, а каковъ этотъ кирасирскій полковникъ фонъ-Думмдрейстъ, съ женою?» — «Что ты? да это ея дядя! Я самъ слышалъ, какъ она его величаетъ: Onkel Dummdreist!» — «Такъ! онъ ей и дядя, и мужъ, то есть женился на дочери родной своей сестры. Въ Лифляндіи такая мода, и жена въ первый годъ брака, по старой привычкѣ, обыкновенно величаетъ мужа дядею. Вообще чины племянника, двоюроднаго брата, дяди, дѣда внучатнаго (Groß = Onkel), раздаются въ Лифляндіи и Эстляндіи по достоинствамъ, а не по точному родству. Тамошній дворянинъ, отдавая малолѣтнаго земляка въ корпусъ, называетъ его племянникомъ (Neffe). Когда племянникъ выйдетъ въ офицеры, и возвысится чиномъ наравнѣ съ дядюшкою, онъ производится въ Cousin (двоюродный братъ); поступивъ въ генералы, получаетъ титулъ Onkel (дядя), а если взберется еще выше, даютъ ему названіе Groß-Onkel. Званія эти теряются такимъ же порядкомъ. Министръ или главнокомандующій, лишившійся своего мѣста, опять поступаетъ въ про-

стые Onfel, и если не поправится въ короткое время, ему угрожаетъ титулъ Cousin, и даже Neveu глядитъ изъ-за этого!» — «Я думалъ,» сказалъ я Мишурскому: «что буду здѣсь въ нѣмецкой купеческой компаніи, а нахожу такую смѣсь, какъ въ Ноевомъ Ковчегѣ. Какъ очутился здѣсь этотъ полковникъ? Откуда взялись эти важныя фигуры со звѣздами?» — «Полковникъ здѣсь потому, что младшій сынъ Кибица служитъ въ его эскадронѣ юнкеромъ — видишь ли, вотъ этотъ мальчикъ, лѣтъ шестнадцати, блѣдный, съ красными на лицѣ пятнами! Въ этихъ молодыхъ лѣтахъ онъ уже такъ успѣлъ во всѣхъ мытарствахъ, что не могли его держать въ конторѣ, и отдали въ полкъ. А въ кавалеріи такой молодчикъ находка: будетъ славный ремонтеръ. — Созвѣздія же сіи суть два отставные губернатора, проживающіе здѣсь до окончанія дѣла. Ихъ приглашаютъ, какъ декорацію, на купеческіе балы, свадьбы и другія пирушки: они играютъ роль *плато* на убранномъ столѣ. Вскорѣ явится еще нѣсколько экземпляровъ. — Не думай однако, любезный Дмитрій Сергѣевичъ, что ты увидишь здѣсь домъ порядочнаго нѣмецкаго купца! Нѣтъ, эти господа посмышленѣе и образованнѣе Кибица. Здѣсь же заключили между собою тѣсный союзъ: богатство, легко и съ грѣхомъ пополамъ нажитое, глупое тщеславіе, невѣжество и безвкусіе. Впрочемъ люди не смотрятъ на это со вниманіемъ. Молодые люди ради случая потанцовать, старики поиграть въ бо-

стонъ и поужинать, матушки вывести въ свѣтъ дочерей своихъ, а дочки людей посмотреть, себя показать. Вотъ, напримѣръ, вступаетъ въ залу вереница затянутыхъ дѣвъ вслѣдъ за насѣдкою. Вотъ другая дама является со взводомъ танцоровъ, которыхъ, по просьбѣ Кибица, набрала въ разныхъ канцеляріяхъ и конторахъ. Украшеніе баловъ, гвардія, увы! теперь за горами и за долами! Остались одни запасные Думмдрейсты и тому подобные. Вотъ являются единственные военные усы Петербурга — переведенный въ гусары изъ безсмертныхъ волонтеровъ, бывшій губернской секретарь Сладкой! Каковъ!» — Въ этихъ разговорахъ мы пошли по иллюминированному заламъ, и вдругъ очутились въ небольшой комнатѣ, съ диванами, освѣщенной лампадою въ алебастровой вазѣ. Надъ диваномъ висѣлъ женскій портретъ — лице миловидное, томное, съ выраженіемъ страданія. Мишурскій не далъ мнѣ времени спросить. «Это портретъ второй жены Кибица, женщины прекрасной, умной, добродѣтельной! Она вышла за вдовца Кибица, попускаемая просьбами бѣдныхъ своихъ родителей, и чрезъ полтора года онъ уходилъ ее своимъ звѣрствомъ. Первая жена его, мать этихъ двухъ сорванцовъ, была грубая, необразованная женщина. Увидишь непременно, что онъ вскорѣ женится. Онъ и сегодня жаловался на невозможность *держатъ* большой домъ и вести компанію безъ жены. Поздравляю ту, на которую падетъ жребій!» — Я вздрогнулъ неволь-

но. — Мы воротились въ залу, которая, между тѣмъ, наполнилась народомъ. Вдругъ, въ одной группѣ, вижу Матрену Христіановну, въ красномъ платьѣ, въ перьяхъ, цвѣтахъ, побрякушкахъ. Я подошелъ къ ней съ привѣтствіемъ. — «Я ужъ догадывалась, что найду васъ здѣсь!» сказала она, вздернувъ носикъ по обыкновенію, и значительно посмотрѣла въ сторону. Я взглянулъ туда, увидѣлъ добрую мою Марью Ивановну Миллеръ съ Луизою, и душевно обрадовался. Разумѣется, что я подошелъ къ нимъ, и началъ разговаривать. Кибицъ конечно имѣетъ иногда свѣтлыя минуты: онъ не только пригласилъ на балъ это почтенное семейство, въ которомъ принимаютъ его сына, но и послалъ за ними свою карету. Марья Ивановна говоритъ, что Карлъ Федоровичъ вздумалъ было отнѣкиваться, но взглянувъ на дочь, которая однако не говорила ни слова, согласился ѣхать. Его ужъ усадили за копѣечный бостонъ въ боковой комнатѣ, гдѣ позволено курить. Какъ мила и хороша была Луиза, въ бѣломъ платьѣ, причесанная просто, съ розаномъ на головѣ! Не понимаю, отъ чего мнѣ эта дѣвица такъ нравится! Я желалъ бы имѣть такую сестру; но если бъ она была моею сестрою, я искоренилъ бы въ ней эту страсть къ свѣту, къ увеселеніямъ, къ танцамъ. Она такъ великодушна и благородна, что родителямъ своимъ никакъ не даетъ замѣтить, сколько многого лишилась, возвратясь къ нимъ въ домъ; но при каждомъ извѣстіи о собраніяхъ, при сло-

вахъ: балъ, танцы, у нее, какъ говорится, ушки смѣются. «Знаете ли, Дмитрій Сергѣевичъ,» сказала мнѣ Луиза: «мы совѣстились ѣхать сегодня на балъ, полагая, что вы къ намъ будете, и я, вѣтреница, забыла попросить брата, чтобъ онъ васъ предувѣдомилъ. Легкое ли дѣло прогуляться съ Литейной на Васильевскій Островъ!» — «Конечно прогуляться даромъ не легко; но видите ли, Елисавета Карловна, судьба ко мнѣ милостивѣе, нежели я заслуживаю. Я измѣнилъ вамъ сегодня, а она не лишила меня удовольствія васъ видѣть.» — «Я не умѣю отвѣчать на комплименты,» сказала Луиза: «но заплачу за нихъ, раздѣливъ съ вами удовольствіе, которымъ уже съ четверть часа наслаждаюсь. — Прислушайтесь къ французской бесѣдѣ, съ правой стороны!» прибавила она въ полголоса: «это заѣзжіе изъ нашей Москвы бѣлокаменной!» Я обратилъ туда глаза, и увидѣлъ молодаго человѣка, хорошо одѣтаго, разговаривающаго съ дамою среднихъ лѣтъ по-французски. Произношеніе ихъ было довольно чистое, но употребленіе словъ и составъ фразъ самые странные, на примѣръ: *Mon oncle, qui est un homme humide, s'est refroidi en chemin; il voyageait sur des longs, et pourtant il faisait deux stances par jour. — Voyez cette dame, en mouchoir blanc. Votre volonté, elle n'est pas jolie. La pauvrete ne danse pas; personne ne la soulève (*)*.» — Луиза, за-

---

(*) Дядюшка, человѣкъ сырой, простудился доро-

крываясь платкомъ, помирала со смѣху. — «Не правда ли, смѣшно?» сказала она, когда кавалеръ и дама встали съ своихъ мѣстъ и удалились. — «Какъ вы можете надъ этимъ смѣяться?» отвѣчалъ я. «Помните ли, какъ несправедливо вы осудили молодого нашего хозяина за одну неловкую французскую фразу? Зачѣмъ же равнодушно слышите изъ русскихъ устъ: *я озябши, мы уставши, ихній братъ*, или когда Круммгольцъ говорить: *мой лошадь*? Ошибка въ чужомъ французскомъ языкѣ производитъ смѣхъ, а по-русски позволяется говорить, какъ угодно! Не то досадно, что говорятъ дурно, а что вообще у насъ говорятъ некстати и безъ нужды по-французски.» — «Да вы и забыли, Дмитрій Сергѣевичъ, что сегодня среда, нашъ французскій день: сегодня не должно говорить по-русски.» — «Вижу, вижу, куда вы клоните! Вамъ хочется поговорить по-французски, чтобъ блеснуть предъ другими! Но я, вы знаете, не мастеръ этого дѣла, и боюсь попасть въ одну шеренгу съ этимъ сосѣдомъ.» — «Ахъ, какъ вы сегодня упрямы! Это слѣдствіе двѣнадцатаго года: *patriotisme renforcé!*» — Я мыслить и говорилъ такъ до 1812 года, въ 1812 году, и буду продолжать до 1912-го. Люблю французскій

гою. Онъ ѣхалъ на долгихъ, и все же проѣзжалъ по двѣ станціи въ день. Посмотрите на эту даму, въ бѣломъ платкѣ. Воля ваша, она не хороша. Бѣдняжка не танцуетъ; никто ея не поднимаетъ.

языкъ, французскую литературу, читаю почти исключительно французскія книги; но говорю съ Русскими по-русски, и менѣе всего стану говорить по-французски на этомъ базарѣ. Да, правда, съ вами есть причина говорить не по-русски — извольте, говорю по-нѣмецки. *Mein Fräulein....*» — «Ахъ, какіе вы!» сказала, съ досадою улыбаясь, Луиза. Въ это время подошелъ къ ней молодой Кибицъ, и поднялъ ее на мазурку. *Au plaisir!* сказала она, разсмѣявшись, и пошла въ кругъ. Я остался подлѣ Марьи Ивановны, которая слѣдила глазами свою Луизу. И всѣ прочія матушки не спускали глазъ съ мазурки, въ которой маневрировали ихъ дочки. Когда дочка кончитъ фигуру, матушка обыкновенно подзоветъ ее къ себѣ: «*Pauline! venez ici!*» поправитъ ей волосы, придернетъ платье, и скажетъ что нибудь въ полголоса. Мнѣ эти балы кажутся конною площадью, а матушки цыганами и барышниками. И для кого это? Для насъ, неблагодарныхъ! — Луиза танцуетъ прекрасно, легко, съ граціею, но слишкомъ искусственно, слишкомъ старательно. Марья Ивановна нѣсколько разъ заговаривала со мною о танцахъ, желая узнать мое мнѣніе. Я молчалъ. Кончилась мазурка, и Луиза къ намъ воротилась. — «Какъ здѣсь, въ Петербургѣ, дѣвицы странно танцуютъ!» сказала она, оборотясь ко мнѣ: «съ какою-то небрежностью; онѣ не танцуютъ, а ходятъ.» — «А мнѣ это и нравится!» отвѣчалъ я. — «Въ самомъ дѣлѣ?» спросила она въ изумленіи. — «Въ са-

момъ дѣлѣ: танцованіе въ обществѣ есть удовольствіе, а не дѣло искусства и тщеславія. Должно танцовать хорошо, но не слишкомъ хорошо.» — «Прекрасно!» отвѣчала она: «къ чему жъ насъ учать въ дѣтскихъ лѣтахъ, къ чему строго взыскиваютъ за каждую ошибку?» — «При ученіи всегда требуютъ болѣе, нежели въ послѣдствіи нужно будетъ. Насъ заставляютъ въ чистописаніи выводить кудрявыя буквы, малевать по правиламъ; въ жизни этого не требуется, но отъ навыку въ малеваніи буквъ, мы пріобрѣтаемъ почеркъ ровный и красивый. Занимаясь правилами слога, мы сочиняемъ похвальные слова, картинныя описанія и т. п., между тѣмъ какъ въ свѣтъ прійдется намъ писать однѣ дѣловыя бумаги и кое-какія письма. Что вышло бы, если бъ мы вздумали дружескія записки сочинять по образцамъ рѣчей Цицерона и Демосфена? Такъ и въ танцахъ: вы, при всемъ искусствѣ, не будете танцовать такъ хорошо, какъ, напримѣръ, Колосова, а между тѣмъ отъ излишнихъ усилій лишитесь непринужденности и простоты, необходимыхъ спутницъ граціи.» — «Какой же вы философъ!» отвѣчала она. — «Только кандидатъ философіи. Спросите у доктора философіи Ципперлейна: онъ вамъ скажетъ то же, что странно печатать милый романъ готическими буквами in folio. Я допускаю совершенство только въ истинно изящныхъ искусствахъ, въ музыкѣ, въ рисованіи!» — «Довольно уроковъ!» прервала Луиза: «и чтобъ показать вамъ,

что вы проповѣдовали не даромъ, прошу протанцовать со мною этотъ кадрили.» — «На бѣду, я не могу имѣть этого счастья. Я не танцую.» — «Возможно ли? Нѣтъ, вы шутите!» — «Увѣряю васъ, что не танцую, и никогда не танцевалъ. Еще увѣряю васъ, что я теперь въ первый разъ въ жизни объ этомъ сожалею.» — «Жаль и мнѣ!» сказала Луиза. Къ ней подошелъ Круммгольцъ съ приглашеніемъ. «Извините,» отвѣчала она: «я устала въ мазуркѣ, и должна пропустить этотъ танецъ.» — «А на предбудущій?» спросилъ онъ, выпяливъ глаза. «Извольте!» — Милая, добрая Луиза! подумалъ я: она остается для того, чтобъ утѣшить меня въ моемъ танцевальномъ невѣжествѣ. Я въ самомъ дѣлѣ вчера въ первый разъ досадовалъ, что не умѣю танцовать. Въ юности моей презиралъ я танцы, какъ дѣло ничтожное, никакъ не хотѣлъ учиться, а теперь о томъ сожалею, и завидую — Круммгольцу! Время перваго кадрили промелькнуло мигомъ, и Луиза полетѣла во второй. Она доказала на дѣлѣ, что пользуется моими уроками: танцевала такъ же легко и граціозно, какъ прежде, но гораздо простѣе, и слѣдственно лучше. — Послѣ танца я сказалъ ей: «Вотъ теперь могу похвалить васъ: танцуйте такъ всегда, и вы побѣдите всѣхъ соперницъ!» И въ самомъ дѣлѣ ей не давали отдохнуть. — Какое для меня счастье, что я нашелъ здѣсь этихъ милыхъ людей! Безъ нихъ я умеръ бы со скуки. Мишурскій исчезъ, а изъ остальныхъ я части не знаю, а другой

знать не хочу. Въ числѣ молодыхъ конторщиковъ и прикащиковъ нѣмецкихъ есть многіе образованные, благовоспитанные, любезные люди (такъ, напримѣръ, извѣстный въ германской литературѣ переводчикъ Ботлера, Солтау, долгое время служилъ въ одной купеческой конторѣ въ Петербургѣ), но сколько притомъ несносныхъ, дерзкихъ невѣждъ! Всего менѣе понятна мнѣ спесь многихъ изъ этихъ господчиковъ! Чѣмъ имъ гордиться? породою ли? познаніями ли? заслугами ли? красотою ли? богатствомъ ли? А посмотрѣть, такъ кажется, и чортъ имъ не братъ! Бѣдныя! если бъ они знали, какъ это смѣшно и глупо! — Да и я хорошъ: вздумалъ искать ума, чувства, образованія на балѣ, тамъ, гдѣ требуются только проворныя ноги и голова, не боящаяся круженій! Боже мой! какъ мелки люди, что они выдумали такія увеселенія! Самая извинительная сторона баловъ есть та, что молодые люди знакомятся здѣсь съ дѣвицами, и что отъ этого происходятъ союзы брачныя, необходимыя и полезныя въ обществѣ. Такъ! но это только исключеніе. Не танцоръ молодой, легкій и вѣтреный, женится на дѣвицѣ, которую онъ кружить въ вальсѣ, и которая ему кружить голову, а какой нибудь бостонистъ, который мимоходомъ на нее взглянетъ. Между танцующими же зараждаются однѣ страсти, безполезныя и пустыя, если онѣ не мучительны и не убійственны! — Вотъ я опять впадаю въ любимую свою привычку, отъ которой Левадинъ тщет-

но старался меня отучить, — извлекать ядъ изъ вещей невредныхъ, находить дурное тамъ, гдѣ едва есть слѣды къ тому, и хотѣть своими умничаньями передѣлать весь свѣтъ! Посмотрю на это съ другой стороны. Нѣсколько десятковъ людей разнаго состоянія, возраста и пола, собираются для того, чтобъ часа на три забыть привычную прозу глупой жизни. Дѣвицы, нѣсколько дней до бала, радуются мыслию объ этомъ вечерѣ; воображаютъ, какъ онѣ будутъ хорошо одѣты, какъ милы и любезны, сколько побѣдъ ихъ ожидаетъ. Молодые люди не съ меньшимъ любопытствомъ и удовольствіемъ поспѣшаютъ въ веселый кругъ — гдѣ ждутъ ихъ прелестныя дѣвицы; гдѣ можно будетъ вдоволь усладить глаза и слухъ; гдѣ можно наговорить множество учтивостей, и болѣе нежели учтивостей, той милой кандидаткѣ любви и брака, съ которою въ другое время едва можно вскользь увидѣться. А матушки? Онѣ наслаждаются еще пламеннѣе дочекъ, ибо молодыя дѣвицы, по крайней мѣрѣ бѣлая ихъ часть, предаются удовольствіямъ бала безъ умысла и расчетовъ, а въ родительницахъ эти удовольствія подстрекаются еще соревнованіемъ, пересудами и удовлетвореннымъ самолюбіемъ. О батюшкахъ говорить нѣчего: они разгуливаютъ по знакомымъ, вѣчнозеленымъ лугамъ, съ тузами, королями и королевами.

Балъ продолжался до трехъ часовъ. Тогда сѣли за великолѣпный ужинъ. Я не сѣлся, а расхаживалъ по заламъ съ другими молодыми

людьми. Кибицы, и отецъ, и сынъ, сегодня заслужили мою благодарность. Какъ учтиво и предупредительно обходились они съ семействомъ почтеннаго Миллера! Старикъ повелъ къ столу Марью Ивановну, а сынъ Луизу. Старика Миллера уподчивали сверхъ его обыкновенія! — «Согласитесь, господинъ Мстиславцевъ,» сказалъ онъ, когда я подошелъ къ нему: «что богатство въ рукахъ неглупаго человѣка вещь прекрасная! Передо мною стоитъ бутылка вина, котораго одна рюмка, по воскресеньямъ, могла бы развеселить меня на всю недѣлю!» Иванъ Ивановичъ Фризель убиралъ мастерски, толкуя сосѣду своему, Думмдрейсту, какъ вредно для здоровья ужинать неумѣренно. «Правда!» отвѣчалъ Думмдрейстъ: «ужинъ вреденъ; это должно поправить!» и наливалъ себѣ и доктору шампанскаго. — Матушки изволили кушать на здоровье, а дѣвицы поклевывали, какъ цыплята, и подчивали кочующихъ кавалеровъ съ своихъ тарелокъ.

Человѣкъ предполагаетъ! Я думалъ, что останусь у Кибица на балъ не долѣе одного часу, а вотъ пятый часъ утра! Послѣ ужина опять начались танцы. Луиза провальсовала раза два по залъ; тогда Марья Ивановна объявила ей, что пора ѣхать домой. Я проводилъ ихъ въ переднюю, отыскалъ ихъ салоны, укуталъ и посадилъ въ карету. Миллеръ былъ очень веселъ: все принималъ сквозь зубы, а Фризель, пытаясь рассказывать анекдоты, останавливался на половинѣ предисловія: «это напоминаетъ мнѣ» — и на-

чиналъ смѣяться, самъ не зная чему. Выпроводивъ добрыхъ моихъ пріятелей, я воротился въ танцевальную залу. Свѣчи горѣли тускло; пыль носилась облаками; наряды красавицъ поблекли и разстроились. Кавалеры устали. Батюшки и матушки зѣваютъ. — Какая скука! подумалъ я, отыскалъ свою шляпу, и скрылся.

Сегодня всталъ я утомленный, съ головою болью. Всю ночь снился мнѣ балъ. Все вокругъ меня вертѣлось. Всѣ дамы похожи были на Луизу Миллеръ. Какъ вздорны бываютъ сновидѣнія!

Вотъ видишь, какъ я чувствовалъ и мыслилъ въ то время. Я былъ привязанъ къ Луизѣ всею душею; находилъ удовольствіе въ одномъ ея обществѣ, но самъ не замѣчалъ, что люблю ее страстно. Иногда, какъ ты видишь, я и бранилъ ее, и когда былъ правъ (а это не всегда случалось), Луиза старалась поправиться. Обхожденіе наше было короткое, непринужденное, какъ самыхъ близкихъ родственниковъ. Домашніе смотрѣли на взаимную нашу привязанность, какъ на дѣло самое обыкновенное, ибо я и прежде искренно любилъ все семейство. Между тѣмъ должно было испытать и нѣкоторыя огорченія въ любви — не отъ нея, а отъ чужихъ особъ, отъ приличій свѣтскихъ и обстоятельствъ. Это началось съ департамента. Однажды занимаюсь я прилежно дѣломъ, и слышу, что за спиною у меня говорятъ двое изъ чиновниковъ моего стола. *Первый*: «Работай, братъ! работай! вкатай

себя въ чахотку, а все толку не будетъ.» Другой: «А почему?» — Первый: «Какъ почему! Развѣ ты Нѣмецъ? Будь Русскій хоть пяти пядей во лбу, ничего не получить. Ужъ хоть бы перекреститься въ Нѣмецкую Вѣру!» — Другой (въ полголоса): «Нѣтъ, братъ! тутъ не Нѣмецъ, воровать, а хорошенькая сестрица. Она вывозитъ братца! Что за глазки!» Это меня взбѣсило. Я отличалъ Миллера за его труды, прежде нежели зналъ кого либо изъ его родственниковъ. Теперь онъ трудился не менѣе прежняго, но, равно какъ и всѣ прочіе, не получалъ ни какой награды. Клеветники! Разумѣется, что я обходился съ нимъ, какъ съ знакомымъ, спрашивалъ при всѣхъ о здоровьѣ его семейства, приказывалъ кланяться, общалъ прійти, иногда отвозилъ его изъ департамента съ собою. И это дѣлалъ я безъ всякаго закрытія, гласно, всенародно, — а лѣнивцы и завистники изъ это вывели заключенія, достойныя ихъ собственныхъ правилъ и образа мыслей. «Воображаютъ, будто я влюбленъ въ Луизу,» думалъ я: «какой вздоръ!» Надобно было прекратить это, ибо и Луиза могла бы пострадать отъ нелѣпыхъ толковъ злонамѣренности. Я объявилъ Миллеру отцу, что служба въ нашемъ департаментѣ, единообразная, форменная, не можетъ способствовать къ дальнѣйшему образованію хорошаго статскаго чиновника, и что должно для его Вани пріискать другое мѣсто. »Въ этомъ я совершенно полагаюсь на васъ, господинъ Мстиславцевъ,» отвѣчалъ онъ:

»вы это ближе моего знаете, и конечно все сделаете къ лучшему.» — Мнѣ удалось уладить это очень скоро. Узнавъ, что есть ваканція въ Комисіи Составленія Законовъ, я бросился къ своимъ знакомымъ, сталъ просить, ходатайствовать, и молодаго Миллера вскорѣ приняли, особенно потому, что тамъ не требовалось познанія русскаго языка. Жалованья дали ему вдвое противъ того, что онъ имѣлъ у насъ, и всѣ были довольны. Тягостно это было мнѣ только потому, что я лишился въ немъ трудолюбиваго помощника, и потому еще, признаться, что не могъ получать ежедневно вѣстей о Луизѣ. Не правы ли были немножко мои чиновники?

Съ Миллеромъ старикомъ было у меня около того времени странное объясненіе, которое могло показать мнѣ, сколь мало мнѣ можно имѣть надежды вступить въ его семейство. Однажды я прихожу къ нимъ, на перепутьѣ, въ ихъ обѣденное время. Они обѣдали обыкновенно въ часъ по полудни, потому что занятія Миллера и классы въ школѣ начинались въ два часа. Я иногда заходилъ къ нимъ въ это время, присосѣживался къ Марьѣ Ивановнѣ, и завтракалъ въ ожиданіи моего обѣда. Вотъ я, какъ сказалъ, прихожу къ нимъ въ часъ: это было во вторникъ, на первой недѣлѣ Великаго Поста. Они уже сидѣли за столомъ. Когда я вошелъ, мнѣ дали, по обыкновенію, мѣсто подлѣ Марьи Ивановны. «Покушайте съ нами,» сказалъ Миллеръ: «въ честь нѣмецкой масляницы — теплыхъ булокъ.» — «По-

корнѣйше благодарю!» отвѣчалъ я: «только сегодня я ѣсть не буду!» — «Непремѣнно будете,» сказалъ Миллеръ: «это кушанье бываетъ у насъ однажды въ цѣлый годъ.» — «Но въ такое время, когда мнѣ нельзя раздѣлить его съ вами.» — «Какъ нельзя? Вы часто съ нами кушаете въ эту пору?» — «Но не въ эти дни: вчера наступилъ Великій Постъ.» — «Вотъ хорошо!» сказалъ Миллеръ съ досадою: «я не зналъ, что вы такъ суевѣрны! Постъ! Великій Постъ! Странно! въ наше просвѣщенное время! — Вы вѣрно шутите, господинъ Мстиславцевъ! Покушайте, сдѣлайте милость!» — «Увѣряю васъ, что не могу.» — «Помилуйте! что за грѣхъ съѣсть булку на коровьемъ маслѣ, съ молокомъ? Вѣдь въ другое время вы не отказались бы? А одинъ день не такой ли, какъ и другой?» — «Грѣхъ не въ томъ, чтобъ съѣсть скоромную булку, а въ томъ, чтобъ нарушить постановленіе Церкви, къ которой я принадлежу.» — «Да гдѣ вы это взяли? Я вамъ докажу....» — «Извольте доказывать, что вамъ угодно, но ѣсть скоромное въ Великій Постъ, особенно на первой недѣлѣ, противно моимъ правиламъ.» — «Прекрасныя правила! Какое слабое уміе! полагать въ этомъ Вѣру!» — «Я пересталъ бы уважать самого себя, если бъ не исполнялъ предписаній Церкви именно въ такихъ мелочныхъ вещахъ. Намъ предписывается воздержаніе отъ пищи въ это время года, въ воспоминаніе страданій нашего Спасителя, и мы будемъ столь слабы, что не рѣшимся отказаться отъ употребленія мяса,

молока и прочаго! А когда лекаръ предписываетъ намъ діету, какъ усердно мы слѣдуемъ его совѣтамъ!» — «Лекаръ другое дѣло: онъ требуетъ этого по причинамъ физическимъ, по требованіямъ науки. А здѣсь....» — «Позвольте: какъ мнѣ можно будетъ исполнять важныя заповѣди Божіи, пожертвованіе самимъ собою, вспоможеніе врагу моему и тому подобныя дѣла, требующія умерщвленія моихъ врожденныхъ наклонностей и страстей, когда я не имѣю силы отказаться на нѣсколько дней отъ куска мяса?» — «Какъ угодно!» сказалъ Миллеръ: «фанатиковъ и суевѣровъ не переспоришь!» Съ симъ словомъ началъ онъ наливать въ тарелки хваленое кушанье (скромныя булки, на розовой водѣ, разваренныя въ молоко, съ масломъ коровьимъ, сахаромъ и корицею), приговаривая притомъ: «Не понимаю, какъ матушка ваша, Нѣмка, не успѣла поселить въ васъ понятій здравыхъ.» — «Матушка» отвѣчалъ я: «старалась внушить мнѣ понятія о безусловномъ исполненіи лежащихъ на мнѣ обязанностей. Она сама водила меня въ русскую церковь, и заставляла въ точности исполнять всѣ обряды нашего исповѣданія. Никогда не позволяла она мнѣ провожать ее въ церковь лютеранскую; (не такъ, какъ здѣсь, въ Петербургъ, иностранныя гувернантки возятъ ввѣренныхъ имъ малолѣтнихъ русскихъ дѣвицъ съ собою въ иновѣрческія церкви). Матушка даже сама наблюдала посты со всѣмъ нашимъ семействомъ, и я, уже лишась ее, узналъ, что въ

Протестантской Церкви нѣтъ постовъ, и что она дѣлала это изъ любви ко мнѣ, чтобъ не подать мнѣ повода къ соблазну.» — Заговоривъ о ма- тушкѣ, я не умѣлъ бы кончить, если бъ не пре- рвалъ меня Миллеръ, на лицѣ котораго изобра- жались возрастающіе съ каждою минутою гнѣвъ и досада. — «Это что!» закричалъ онъ, обра- тясь къ Луизѣ: «ты не ѣшь молочныхъ булокъ? И ты вздумала поститься!» — «Нѣтъ, папенька,» отвѣчала Луиза со страхомъ: «это не потому; я вообще не люблю молочнаго кушанья. Да и эти булки на розовой водѣ съ корицею и съ масломъ мнѣ противны.» — «Вздоръ!» вскричалъ отецъ еще громче: «ѣшь! Я выведу изъ тебя этотъ русскій, московскій духъ! Жеманишься, судары- ня! Ты дочь лютеранскихъ родителей, ты Нѣм- ка, и должна ѣсть то, что мы ѣдимъ. Хорошій примѣръ твоимъ будущимъ дѣтямъ!» — Луиза, вздохнувъ, положила несчастную булку на та- релку, и удерживая слезы, начала ѣсть черезъ силу. — Марья Ивановна, сжалившись надъ до- черью, хотѣла образумить мужа. «Можетъ быть,» сказала она: «Луизѣ и не прійдется подавать въ этомъ примѣръ своимъ дѣтямъ; если они, напри- мѣръ, будутъ Русскіе по отцѣ.» — «Русскіе! Луизины дѣти, мои внуки Русскіе!» вскричалъ Миллеръ: «никогда! никогда! Я сдѣлалъ уже непростительную глупость, что оставилъ Луизу въ русскомъ домѣ, гдѣ она набралась всякихъ суевѣрій, примѣтъ, предразсудковъ. А выдать ее за Русскаго — ни за что! Чтобъ внучата мои

были Русскіе, чтобъ они говорили не по-нѣмецки! Да я проклянѹ ее и весь родъ!» Это сказалъ онъ въ совершенномъ изступленіи. Всѣ мы испугались. Марья Ивановна перемѣнила разговоръ. Чрезъ нѣсколько времени Миллеръ поуспокоился, и даже самъ сказалъ, улыбаясь: «Какъ я разгорячился! какъ будто и въ самомъ дѣлѣ! Но мысль о томъ, что Луиза будетъ вѣнчаться не въ лютеранской церкви, для меня невообразима и нестерпима. Прежде свезите меня на Волково Поле. Это убьетъ меня.» — «Да никто этого и не хочетъ,» сказала Марья Ивановна: «никто о томъ и не помышляетъ. Я такъ думала только.» — «Полно! полно!» сказалъ Миллеръ: «забудемъ это, и, ради Бога, не напоминайте мнѣ о такихъ вещахъ. Basta! Сегодня надобно веселиться. Поѣдемъ въ маскарадъ, а завтра на Красный Кабакъ. Вы, господинъ Мстиславцевъ....» — Я смутился. — «Ахъ, виновать! Ваша вѣра...— Вольно же вамъ,» прибавилъ онъ, улыбаясь: «говорить со мною всегда по-нѣмецки. Я часто вовсе забываю, что вы Русскій. Извините меня, пожалуйста,» продолжалъ онъ: «можетъ быть, я въ глупой горячности сказалъ вамъ лишнее. Но войдите въ наше положеніе! Фамилія наша родомъ изъ Шпейера. Прадѣдъ мой былъ человѣкъ зажиточный и уважаемый: ему принадлежали богатые помѣстья близъ города; въ самомъ городѣ были у него домъ и двѣ фабрики. Въ концѣ XVII вѣка, Король Лудовикъ XIV, уничтоживъ Нантское Постановленіе, из-

гнавъ изъ государства своего нѣсколько сотъ тысячъ честныхъ и трудолюбивыхъ подданныхъ, напалъ, какъ лютый тигръ, на сосѣдственныя нѣмецкія области, опустошилъ ихъ огнемъ и мечемъ, принуждая жителей принять Католическое Вѣроисповѣданіе, и переселиться во Францію. Мой прадѣдъ не могъ исполнить этого, бросилъ пепелище предковъ, оставилъ на расхищеніе врагамъ все свое имѣніе, и бѣжалъ съ женою и двумя дѣтьми. Онъ поселился на правомъ берегу Рейна, откуда могъ видѣть прежнее свое отечество. Дѣдъ мой, бывшій десяти лѣтъ, когда случилось съ ними это бѣдствіе, не разъ описывалъ мнѣ ужасы тогдашняго времени: какъ неистовые враги сожгли древніе нѣмецкіе города, Вормсъ и Шпейеръ, какъ нарушили покой спавшихъ въ могилахъ императоровъ, и черепами ихъ играли въ кегли; какъ католическіе монахи, сопровождаемые драгунами, насильно обращали протестантовъ въ свою вѣру. При этихъ повѣствованіяхъ обращалъ онъ потухающіе глаза свои къ югозападу, и говорилъ: «Дѣти! мы не измѣнили вѣрѣ отцевъ нашихъ, бросили все земное достояніе, и сохранили вѣрность нашему исповѣданію. И вы, если хотите быть счастливы въ этой жизни и блаженны въ будущей, сохраните завѣтъ умирающаго дѣда, который, на окровавленныхъ развалинахъ отечественнаго города, поклялся пребыть неизмѣннымъ въ своей религіи; который могъ воротить земное достояніе отца своего, но предпочелъ ему страннической

посохъ и нищенскую суму, для снисканія достоянія небеснаго!» — Слова эти вѣчно будутъ раздаваться въ моей душѣ. Обстоятельства заставили меня переселиться въ Россію, но время и пространство не имѣютъ дѣйствія надъ тѣмъ, что выше пространства и времени. Какъ братъ мой, оставшійся въ Германіи, такъ и я, живущій въ гостепріимной и благодѣтельной Россіи, пребудемъ вѣрны преданіямъ семейства, и передадимъ ихъ во всей чистотѣ нашимъ дѣтямъ.» Глаза старика при сихъ словахъ блистали какимъ-то необыкновеннымъ огнемъ. Марья Ивановна смотрѣла на него съ умиленіемъ, утирая слезы. Луиза потупила взоры. Иванъ Карловичъ усердно хлебалъ молоко съ булками, чтобъ доказать свое протестантское правовѣріе.

Я оставилъ въ тотъ день домъ Миллера ранѣе обыкновеннаго. Дорогою размышлялъ я о силѣ предрасудковъ надъ людьми умными, просвѣщенными и добродѣтельными. Миллеръ находилъ страннымъ, что я наблюдалъ постъ, предписываемый Греческою Церковью, а самъ не хотѣлъ, чтобъ дочь его отказалась отъ противнаго ей кушанья, только употребительнаго между протестантами! Слабость человѣчества! Но какъ пагубна можетъ быть эта слабость въ отношеніи къ семейству, къ судьбѣ дѣтей! Онъ произнесъ проклятіе надъ дочерью, когда бъ она дерзнула выйти замужъ за Русскаго! — Теперь не понимаю я, какъ эти слова не поразили меня въ то время, какъ они не распалили искры,

тлѣвшей въ моемъ сердцѣ! Но такова сила красоты, соединенной съ умомъ, добродѣтелью и невинностью: я не чувствовалъ, что влюбленъ въ Луизу. Вспышка отца казалась мнѣ только смѣшною. — Нынѣ мнѣ страннымъ кажется, какъ я въ то время не испыталъ моего счастья, не посватался на Луизу: при помощи Марьи Ивановны и ея брата, которые меня искренно любили, мнѣ удалось бы, можетъ быть, побѣдить глупый предразсудокъ Миллера. Я не богатъ, но состояніе мое достаточно для прокормленія меня съ доброю женою. На вѣтреницу и мотовку не станеть шереметевскаго имѣнія, но Луиза не такова.

Между тѣмъ все вошло въ прежній порядокъ. На Страстной Недѣль не ходилъ я къ Миллеру, чтобъ опять не подать ему повода къ досадѣ, особенно когда бы онъ вздумалъ кормить меня зеленымъ супомъ (*). Но разговѣлся я у нихъ. Миллеру до того жалко было меня и совѣстно предо мною, что онъ по-русски похристосовался со мною, и даже позволилъ это всѣмъ домашнимъ. Марью Ивановну обнялъ я, какъ добрую попадью, но у Луизы только поцѣловалъ руку: она внушала въ меня чувство почтенія, неизъяснимаго и непреодолимаго.

Вскорѣ потомъ гроза разразилась надъ семействомъ добраго Миллера. Прихожу къ нимъ однажды послѣ обѣда, и застаю старика, сверхъ

(*) См. выше, стр. 92.

обыкновенія, дома. Онъ сидѣлъ на софѣ, глядѣлъ въ землю, потиралъ табакерку, и оплевывался въ обѣ стороны — знакъ, что онъ не веселъ и встревоженъ. Марья Ивановна сидѣла подлѣ него, и молча плакала. Луиза глядѣла на родителей своихъ съ безпокойствомъ и участіемъ. Старшій сынъ въ раздумьѣ ходилъ по комнатѣ. Фризель, какъ всегда, при семейномъ горѣ, стоялъ въ безмолвіи у окна, и барабанилъ по стеклу. — «Что это?» спросилъ я, поздоровавшись: здоровы ли вы, Карлъ Ѳедоровичъ!» — «Здоровъ, слава Богу,» отвѣчалъ онъ: «и празденъ по неволѣ.» — «Какъ такъ?» — «Да, такъ: я лишился мѣстъ въ двухъ пансіонахъ.» — «Двухъ тысячъ пяти сотъ рублей въ годъ!» сказала, рыдая, Марья Ивановна. — «Помилуйте, почему?» спросилъ я. — «Такъ угодно Богу!» сказалъ Миллеръ: «больно и жестоко было бы заслужить такую бѣду; но пострадать невинно, быть жертвою злобы и клеветы — это удѣлъ и торжество честнаго человека и добраго Христіанина!» — Сказавъ это, онъ всталъ съ софы, сѣлъ къ фортепіану, и заигралъ Лютерову пѣснь:

Eine feste Burg ist unser Gott (*).

Между тѣмъ Марья Ивановна и Фризель рассказали мнѣ, въ чемъ дѣло. Маіоръ Мюльштейнъ, раздраженный Миллеромъ, поклялся отмстить ему, и долго искалъ къ тому случая. Наконецъ удалось ему достать тетрадку одного изъ уче-

---

(*) Господь крѣпость моя и сила.

никовъ того пансіона, въ которомъ Миллеръ преподавалъ нѣмецкій и латинскій языкъ. Онъ нашель, что Миллеръ, исправляя грамматическія ошибки ученика, написалъ: göttlich, вмѣсто: Göttlich, и что отдѣльныя слова, заданныя имъ для склоненія и спряженія латинскаго, вмѣстѣ взятая, составляли предосудительный смыслъ. Самъ онъ по-латыни не понималъ, и положился въ этомъ на одного аптекарскаго ученика, который изъ отдѣльныхъ именъ и глаголовъ составилъ, за пять рублей, самую революціонную фразу. Сочинивъ о таковомъ безбожномъ дѣлѣ, при помощи пьянаго подьячаго, доносъ, и испестривъ текстами, лицемѣрь хотѣлъ подать оный правительству; но внявъ мнѣнію подьячаго, что въ семъ случаѣ произведено будетъ формальное слѣдствіе, и что каверзы, клевета и ложь непременно обнаружатся, онъ рѣшился дѣйствовать *партикулярнымъ* образомъ: отправился къ содержателямъ пансіоновъ, показалъ имъ свою бумагу, и до того настрашалъ ихъ, что они, иностранцы, неимѣющіе ни о законахъ, ни о судопроизводствѣ нашемъ ни какого понятія, рѣшились отказать Миллеру отъ мѣста, чтобъ самимъ не попасть въ бѣду. Хлопоты, (называемые здѣшними Нѣмцами die *Schlapoten*) удерживаютъ многихъ изъ нихъ отъ надлежащаго изслѣдованія дѣла, отъ исковъ и т. п. Такимъ образомъ честный, благонамѣренный, трудолюбивый человѣкъ лишился пропитанія отъ гнусной клеветы подлаго и глупаго лицемѣра! „Да

какъ этотъ мерзавецъ досталъ тетрадку?» спросилъ я. »Не знаю,» отвѣчалъ Фризель: «но по всему видно, что эта тетрадка молодого Шмита, брата Матрены Христіановны.» — «Что ея нѣсколько дней не видать?» сказала Марья Ивановна: «я бы у ней пораспросила.» — «Нѣчего спрашивать!» перебилъ я: «это ея штуки. Вотъ вамъ благодарность за хлѣбъ за соль!» Я видѣлъ, что это было слѣдствіе ревности Матрены Христіановны, но не могъ понять, какую она могла имѣть цѣль, губя семейство Миллера. Это открылось послѣ.

«Нѣтъ!» сказалъ Миллеръ, вставъ изъ-за фортепіана: «хоть бы меня въ Сибирь сослали, я не въ состояніи начинать имени прилагательнаго прописною буквою. Полно-те унывать и плакать! Богъ не оставитъ честныхъ людей. Станемъ довольствоваться однимъ блюдомъ; отпустимъ служанку; наймемъ квартиру подешевле; забудемъ, что есть въ свѣтѣ театръ и Крестовскій Островъ, а со временемъ, дастъ Богъ, и оправимся. Мой прадѣдъ не упалъ духомъ, лишась богатаго состоянія, и вотъ Богъ донынѣ прокормилъ его праправнучатъ. А эти два пансіона — великое дѣло! Сдѣлай пуншу, жена!» — Марья Ивановна утерла слезы, и повиновалась. Съли за чай. Старики поразвеселились. Пошла музыка, и вечеръ кончился какъ обыкновенно, только тише, умирительнѣе, нежели прежде. — Луиза меня восхитила. Уважая горестъ родителей, она сначала не говорила ни слова, но лишь только первал

улыбка промелькнула на устахъ Миллера, она этимъ воспользовалась, стала разговаривать, шутить, смѣяться; пѣла болѣе и лучше, нежели когда нибудь, и наконецъ развеселила все общество.

Чрезъ нѣсколько дней оказались побудительныя причины подвиговъ Матрены Христіановны. Къ Миллеру пріѣхала одна богатая помѣщица, и объявила ему, что, имѣя надобность въ хорошей гувернанткѣ для дѣтей своихъ, желаетъ взять Луизу, даетъ ей три тысячи рублей въ годъ, беретъ съ собою въ Полтавскую Губернію, и обѣщаетъ составить счастіе такой достойной и несчастной дѣвицы. — «Да кто вамъ рекомендовалъ мою дочь?» спросилъ изумленный Миллеръ. «Одна прехорошая дѣвица, мамзель Шмитъ.» Марья Ивановна во время этого разговора не знала, что думать, что дѣлать, на что рѣшиться. Луиза, сказываютъ, поблѣднѣла, но съ покорностью ждала рѣшенія отца. Миллеръ отвѣчалъ помѣщицѣ: «Мы душевно благодарны вамъ, милостивая государыня, за ваше благосклонное мнѣніе о нашей дочери. Но отпустить ее отъ насъ, отдать ее въ услуженіе — мы не можемъ. Она, правда, росла не у насъ, но тогда, лишаясь ея на время, я исполнялъ священный долгъ благодарности, и притомъ она жила у своей благодѣтельницы, какъ родная дочь; для денежной же прибыли разстаться съ моимъ дѣтищемъ, — нѣтъ, Луиза, доколь у отца твоего есть кусокъ ржаного хлѣба, онъ будетъ дѣлить его съ тобою!

Не оставляй меня! Закрой мнѣ глаза!» Луиза бросилась къ нему въ объятія; онъ со слезами прижалъ ее къ своему сердцу. И незнакомая барыня прослезилась. «Послѣ этого я предложила бы вамъ десять тысячъ; но уважая причины, побуждающія васъ отказать мнѣ, съ сожалѣніемъ васъ оставляю!» сказала она и уѣхала. — Вотъ, какимъ образомъ прямодушіе и безкорыстіе уничтожили ковы зависти и злобы! Матрена Христіановна вообразила, что Луиза отбиваетъ у ней жениховъ, и рѣшилась удалить ее. Женихи въ самомъ дѣлѣ не давались чувствительной Матильдѣ: экзекуторскій помощникъ за невозддержаніе высланъ былъ за городъ; Круммгольцъ рѣшительно объявилъ, что не женится на недворянкѣ, и далъ знать, что у него запасена уже, въ благословенной Эстляндіи, *Confine Gustchen*; оставался одинъ юный Кибицъ, человекъ предостойный такой невѣсты; но рысьи глаза ревливой любви замѣтили особенное вниманіе всѣхъ возможныхъ Кибицовъ къ Луизѣ. Двоюродный братъ Матрены Христіановны, знаменитый каретникъ, открылъ ей за тайну, что Кибицъ заказалъ ему карету съ вензелемъ: L. K. — Мысль, удалить ненавистную соперницу, содѣлалась господствующею въ душѣ ея, и никакія средства не казались ей для того слишкомъ низкими. Ты спросишь, какъ я узналъ все это? Матрена Христіановна сдѣлала повѣренною своихъ сердечныхъ страданій и хитрыхъ замысловъ Анну Ивановну; та пересказала брату, а

братъ сообщилъ мнѣ въ благодарность за одобренную Латинскую Грамматику XV-го вѣка, которую я купилъ на толкучемъ рынкѣ за двадцать копѣекъ, и подарилъ ему. Мысль о томъ, чтобъ Кибицъ могъ когда либо жениться на Луизѣ, казалась мнѣ несбыточною: я зналъ, что она его презираетъ, и что никто въ домѣ Миллера его не любитъ.

Я былъ очень огорченъ страданіями добраго семейства, принималъ душевное участіе въ скорби почтенныхъ людей, но помочь имъ былъ не въ состояніи. Раза два возникала въ душѣ моей мимолетная мысль: что, если бъ я былъ богатъ, и женившись на Луизѣ, доставилъ этимъ любезнымъ мнѣ существамъ жизнь спокойную и пріятную? Но эта мысль, теперь не знаю почему, замирала въ душѣ моей, не оставляя ни какого слѣда. Къ тому же упрямства Миллерова не могъ бы я преодолѣть ни какими сокровищами. Еще скорѣе рѣшился бы онъ отступить отъ своихъ правилъ для жениха небогатаго. — Въ этихъ заботахъ, темныхъ мечтаніяхъ, неясныхъ ожиданіяхъ чего-то въ будущемъ, протекало время на тяжелыхъ крыліяхъ. Вдругъ —

Прости, любезнѣйшій! До слѣдующей почты!

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

Франкфуртъ на М., 18 Апрѣля 1816.

Ты жалуешься на большіе промежутки въ моей перепискѣ, на неполноту, краткость и сухость моихъ писемъ, которыя, какъ говоритъ Волгинъ, *короче утиного носу*. Ахъ, другъ мой! Я не въ состояніи продолжать начатое. Въ послѣднемъ длинномъ письмѣ, отъ 4-го Октября, приступилъ я къ описанію катастрофы, которая сдѣлала меня несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Теперь рѣшился я окончить мое повѣствованіе, во что бы то ни стало, но вдругъ не могу приступить къ тому: я намѣренъ сначала побесѣдовать съ тобою о нынѣшнемъ моемъ житьѣ-бытьѣ.

Зиму провели мы въ непрерывной работѣ по разнымъ расчетамъ, искамъ и т. п. Жили мы довольно тихо, въ небольшомъ кругу добрыхъ земляковъ. Посѣщенія казино, театра и прогулка вокругъ города занимали насъ въ свободные часы. Зима здѣсь довольно кроткая, и часто я останавливался, когда надлежало бы написать: *такого-то Января*, а окна въ комнатѣ моей были растворены. Снѣгъ выпадалъ только на короткое время. Ты знаешь, какъ у насъ, въ Россіи, досадно бываетъ наступленіе осени: паденіе листьевъ, утренніе морозы и туманы, и первый снѣгъ говорятъ намъ, что наступило время заключиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ душныхъ комнатахъ. Здѣсь, напротивъ, легкіе морозы и

снѣгъ были для насъ самымъ пріятнымъ явленіемъ. Мы нашли въ одномъ мѣстѣ бульвара поляну, загражденную соснами и елями отъ теплыхъ вѣтровъ и лучей солнечныхъ, гдѣ снѣгъ лежитъ долѣе обыкновеннаго. Это мѣсто называли мы Россіею, и туда направляемъ свои ежедневныя прогулки. — Иногда случается мнѣ и ѣздить въ разныя мѣста, по дѣламъ службы: я побывалъ въ Кобленцѣ, Висбаденѣ, Дармштатѣ, Гейдельбергѣ, Страсбургѣ, и проч. Ёзда здѣсь не скорая, но пріятная: не должно на станціи дожидаться лошадей; на каждой верстѣ встрѣчается деревня или мѣстечко; вездѣ можно имѣть хорошую пищу и всѣ удобства жизни, не возя съ собою погреба и кладовой, и не прибѣгая къ гостепріимству людей незнакомыхъ. Я завелъ себѣ колясочку, и катаюсь вдоволь. Уединеніе мнѣ пріятно и усладительно. Дорогою я читаю, размышляю, мечтаю, припоминаю себѣ прошедшее, и гляжу на портретъ Луизы, вклеенный въ мою записную книжку. Нерѣдко засыпаю я, смотря на эти милыя черныя, какъ Донъ-Карлосъ изошелъ кровью, не спуская глазъ съ портрета обожаемой Елисаветы. Милому генію моему обязанъ я, въ здѣшнихъ дальнихъ краяхъ, добрымъ дѣломъ, которое усладило мою душу. Тебѣ извѣстно, если не на практикѣ, то по наслышкѣ, какъ мило любящему человѣку имя его любезной, и все, что ему о ней напоминаетъ. Фамилія *Миллеръ* есть конечно самая обширная въ Германіи, и потому мнѣ часто случается и слы-

шать, и читать, и писать ее. Никогда не пропускаю я представлѣнія Шиллеровой трагедіи: Коварство и Любовь, въ которой имя героини Луиза Миллеръ. Мало этого. Въѣду въ какойнибудь городишко, и, какъ суевѣрный мечтатель, загадываю: если въ этой улицѣ есть вывѣска съ подписью Миллеръ, то Луиза теперь здорова, довольна, можетъ быть, и воспоминаетъ о прежнихъ дняхъ. Когда это сбывается, я чувствую въ груди моей услажденіе; когда же нѣтъ, мнѣ становится грустно; но въ обоихъ случаяхъ рядъ воспоминаній, которыхъ и десятой доли я не сообщилъ тебѣ, проходитъ въ моей памяти, терзаетъ мое воображеніе и исцѣляетъ сердце. Влюбленные — дѣти, говорятъ люди. Точно! да одни дѣти и знаютъ блаженство! — Такимъ образомъ сидѣлъ я однажды, въ раздумьѣ, въ пріемной залѣ страсбургскаго военнаго губернатора, почтеннаго, заслуженнаго прусскаго генерала, и перелистывалъ кипы актовъ, лежавшія на столахъ. Въ то время получено было изъ главной квартиры приказаніе окончить, какъ можно скорѣе, всѣ нерѣшенныя дѣла, и въ управленіи губернатора работали день и ночь. Вотъ я сижу и ищу въ кипахъ, нѣтъ ли имени мнѣ любезнаго. Есть Шмиты, Мейеры, Шульцы, Дюбуа, Жерары, Лефебры; вотъ и Миллеръ, Лудвигъ Миллеръ. Какое у него дѣло? подумалъ я. Посмотрѣлъ, и вижу, что это дѣло уголовное, что этотъ человѣкъ, вмѣстѣ съ четырьмя другими приговоренъ къ смерти за приверженность къ

непріятелю, за явное, предосудительное пристрастіе къ Императору (т. е. Наполеону). Дѣло произведено экстраординарнымъ уголовнымъ судомъ, и ждутъ только утвержденія военнаго губернатора, для исполненія приговора. «Какъ ужасно!» подумалъ я: «почтенный генералъ, великодушный воинъ, принужденъ командовать гиліотиною!» Любопытствуя узнать порядокъ здѣшняго военнаго суда, я сталъ читать дѣло, и, что же? вскорѣ увидѣлъ, что жизнь этого Миллера и еще четверыхъ человѣкъ другихъ находилась въ опасности — отъ ошибки. Они преданы были суду, какъ пришельцы изъ Германіи, за приверженность къ Императору — Александру, преданы суду въ Іюнь прошлаго года, по приказанію французскаго бонапартовскаго министра полиціи. Судъ кончилъ дѣло, но исполнить приговоръ не успѣли по случаю приближенія союзныхъ войскъ. Судьи скрылись, а дѣло лежало до сихъ поръ безъ всякаго дѣйствія, между тѣмъ какъ несчастные томились въ темницѣ. Нынѣ военный губернаторъ предписалъ представить ему въ наискорѣйшемъ времени всѣ нерѣшенныя дѣла: въ числѣ ихъ поступило и это. Въ канцеляріи не замѣтили *чиселъ*, и поднесли дѣло, какъ готовое, къ исполненію. Не загляни я въ *самое дѣло*, приговоръ, основанный на существующихъ во Франціи законахъ, непременно былъ бы утвержденъ и чрезъ двадцать четыре часа исполненъ. Я содрогнулся, велѣлъ доложить о себѣ генералу, и извиняюсь

предъ нимъ, что вздумалъ со скуки читать дѣла, до меня некасающіяся, объявилъ о томъ, что нашелъ въ бумагахъ. Почтенный воинъ поблѣднѣлъ отъ ужаса. Послали за секретарями, за докладчиками, за прокуроромъ. Вскорѣ все объяснилось. Добрые люди, погрѣшившіе отъ поспѣшности (они нѣсколько ночей на пролетѣ проработали), до смерти перепугались, узнавъ, въ какую непростительную ошибку попали въ торопяхъ, и искренно благодарили меня за открытіе. — На третій день былъ я съ дѣлами въ кабинетъ генерала, и когда кончилъ докладъ, вышелъ вслѣдъ за нимъ въ пріемную залу. Вдругъ подбѣгаютъ къ намъ пять человѣкъ, въ рубищахъ, въ длинныхъ бородахъ, и бросаются предъ нимъ на колѣни, благодаря за спасеніе ихъ отъ поносной смерти. Генералъ смѣшался, сталъ ихъ поднимать, и сказалъ съ чувствомъ: «Вы не мнѣ этимъ обязаны! (оборотясь ко мнѣ) вотъ вашъ спаситель! его благодарите!» — Они бросились ко мнѣ. Я кинулся въ кабинетъ генерала, и захлопнулъ за собою двери. Тамъ вынулъ я изъ-за пазухи портретъ Луизы, и глядя на ту, которая была причиною спасенія несчастныхъ, проливалъ сладостныя слезы. — Боясь еще подобныхъ сценъ, я выбрался изъ дома губернаторскаго, и выѣхалъ изъ города, сдавъ дѣла другому. Если генералъ не заслужилъ благодарности, то я еще менѣе: несчастные обязаны были спасеніемъ невидимому ангелу-хранителю. Въ этомъ случаѣ я былъ похожъ на прин-

ца въ Лессинговой трагедіи, который, пылая страстію къ Эмилиі Галотти, рѣшалъ все дѣла въ пользу Эмилиі.

Теперь наступила здѣсь весна — прекраснѣйшая, какую себѣ вообразить можно. Все цвѣтеть, красуется и благоухаетъ. Все время, кромѣ опредѣленнаго на занятія по службѣ, проводимъ мы на свѣжемъ воздухѣ. Лѣтомъ намѣренъ я пожить въ Эмсѣ, съ Волгинымъ, которому предписано пользоваться тамошними теплыми водами.

Разсказавъ тебѣ о здѣшней жизни моей все, что могъ, вижу, что я непременно долженъ кончить начатую повѣсть о прошломъ годѣ. Постараюсь.

22-е число іюля прошлаго года было послѣднимъ изъ моихъ блаженныхъ дней. Это были именины доброй Марьи Ивановны. Въ прежніе годы праздновала она этотъ день дружескою вечеринкою, на которой танцовали, играли, пѣли, ужинали добрые пріятели, а нынѣ, послѣ жестокаго переворота въ судьбѣ ихъ, нельзя было объ этомъ думать. Не желая угостить пріятелей своихъ хуже прежняго, она рѣшилась не угощать ихъ вовсе. Мы условились ѣхать прогуляться за городъ; наняли вчетверомъ, съ сыномъ Миллера и Фризелемъ, шлюпку, и отъ берега Малой Невы отправились, всѣмъ домомъ, на Елагинъ Островъ. Нагулявшись досыта по окрестнымъ мѣстамъ, мы къ вечеру расположились на крайней оконечности острова, съ кото-

рой видъ простирается на Финскій Заливъ — видъ величественный, несравненный. Солнце тихо садилось на западъ, ярко освѣщая съ одной стороны Крестовскій Островъ, съ деревнею, съ другой Старую Деревню, съ прекрасною церковью на кладбищѣ. Вправо, въ тѣни, брандвахта и флагъ, развѣваемый вечернимъ вѣтеркомъ. — Разостлали коверъ на травѣ, близъ самаго берега. Закурились трубки, закипѣлъ самоваръ. Марья Ивановна разливала чай. Луиза изготавляла хлѣбъ съ масломъ. Старики толковали. Я бесѣдовалъ попеременно то съ ними, то съ женщинами, то съ дѣтьми. Могло ли обойтись безъ пѣнія? Миллеръ вспомнилъ какую-то старинную пѣсню на лѣтній вечеръ, и спѣлъ ее. Мы всѣ повторили хоромъ послѣдній стихъ. Затѣмъ послѣдовало молчаніе, которое прервалъ младшій изъ дѣтей. «Ахъ, маменька,» закричалъ онъ: «посмотрите, какая у меня большая тѣнь!» — Миллеръ, улыбаясь, посмотрѣлъ на малютку, и сказалъ протяжно:

Wie der Schatten früh am Morgen,
Ist die Freundschaft mit dem Bösen:
Stund' auf Stunde nimmt sie ab.
Aber Freundschaft mit dem Guten
Wächst wie der Abend Schatten,
Bis des Lebens Sonne sinkt (*).

(*) Дружество съ злымъ человекомъ подобно утренней тѣни; оно съ каждымъ часомъ уменьшается, но

Съ послѣднимъ словомъ онъ дружески меня обнялъ. Такое выраженіе искренней любви добраго, почтеннаго человѣка меня тронуло. Луиза смотрѣла на это съ видимымъ на глазахъ удовольствіемъ. «Неужели,» думалъ я: «добрые мои друзья полагаютъ, что я могъ оставить ихъ въ несчастіи? Чувствую, что теперь болѣе и болѣе къ нимъ привязываюсь.» Ночь наступала. Мы уложили весь походный скарбъ свой въ шлюпку, съли тѣсненько, и отправились домой. Вечеръ былъ обворожительный. Шумъ городской слышался издали. Плескъ весель вторилъ пѣснямъ нашимъ. Послѣдніе лучи солнца скользили по зеркальной поверхности Невы. На восточномъ небѣ висѣли черныя тучи, а подъ ними верхи колоколенъ и домовъ еще были освѣщены. Быстрыя шлюпки рѣяли по гладкой водѣ, оставляя за собою сребристую ленту. Я сидѣлъ подлѣ Луизы. Непривычная къ прогулкамъ по водѣ, московская дѣвица вздрагивала при каждомъ необыкновенномъ колебаніи шлюпки, и я долженъ былъ ее поддерживать. Я исполнялъ эту обязанность хранителя красоты и невинности съ спокойствіемъ братскимъ. Мнѣ казалось, что это такъ быть должно. Только замѣчалъ я, что когда лодка долго не покачивалась, мнѣ становилось скучновато. — Мы вышли на берегъ, когда

дружество съ человѣкомъ добрымъ возрастаетъ подобно вечерней тѣни, доколѣ не закатится солнце жизни.

Гердеръ.

уже наступила ночь. Издали слышались перекаты грома. Я проводилъ друзей моихъ, и самъ отправился домой, въ сладостныхъ, но самыхъ невинныхъ мечтаніяхъ. Всю ночь мнѣ снилось, что я качаюсь въ лодкѣ.

На другой день, только я засѣлъ за работу въ департаментъ, позвали меня къ директору. Онъ объявилъ мнѣ, что получено Высочайшее повелѣніе отправить изъ нашего министерства четверыхъ чиновниковъ за границу для занятія мѣстъ въ учреждаемыхъ тамъ временныхъ управленіяхъ, и что министру угодно было избрать въ то число меня, потому что я знаю нѣмецкій и французскій языки. — «Извольте объ этомъ подумать,» прибавилъ онъ: «и завтра дайте мнѣ знать, согласны ли вы ѣхать. Въ противномъ случаѣ назначимъ другаго. Это совершенно отъ васъ зависитъ. Служба ваша продолжится тамъ нѣсколько лѣтъ. Признаюсь, мнѣ трудно разстаться съ вами, но я не хочу мѣшать вашему счастью.» — Я вышелъ изъ директорской въ глубокомъ размышленіи. Послѣднія слова его: вашему счастью, отзывались въ моемъ слухѣ. Вашему счастью? Что это за счастье? Поездить по чужимъ краямъ пріятно и полезно, и я всегда желалъ этого удовольствія; но счастье ли это? Награды чиномъ, орденомъ, деньгами — счастье ли? Гдѣ жъ оно? И въ эту минуту, какъ бы дѣйствіемъ волшебной силы, какъ бы отъ удара электрическаго, я увидѣлъ то, о чемъ дотолѣ мечталъ неясно, увидѣлъ, что я люблю Луи-

зу всѣми силами моей души, что привязанъ къ ней всѣмъ существомъ моимъ, что безъ нея не могу не только быть счастливымъ, но и дышать свободно! Ёхать изъ Петербурга, оставить ее, не видать ея нѣсколько лѣтъ, а между тѣмъ, она — нѣтъ! нѣтъ! Вотъ счастье, вотъ оно! Но упрямство ея отца — что я? Нѣтъ, не могу вообразить того, чтобъ она когда либо была моею — предоставляю это судьбѣ. Видѣть ее, глядѣть ей въ глаза, говорить съ нею, слушать ее, бесѣдовать съ нею, какъ было донынѣ — вотъ счастье! И вотъ отъ чего, теперь я вижу, мой беспокойный характеръ нынѣ такъ утихъ. Вотъ отъ чего я такъ доволенъ! Я бываю у нихъ два, иногда три раза въ недѣлю. Разставаясь вечеромъ, уже рассчитываю, сколько часовъ осталось до другаго свиданія. И съ какимъ удовольствіемъ принимаюсь за наши увѣсистыя дѣла департаментскія! Маленькое дѣло не возбуждаетъ во мнѣ такого удовольствія, а при большемъ думаю: когда дойду только до половины, тогда уже три раза увижу Луизу. И неужели это любовь? Неужели я влюбленъ? Ахъ, точно! я люблю эту милую дѣвицу, какъ только любить можно; люблю давно, самъ того не примѣчая. А какъ теперь начну припоминать всѣ обстоятельства нашего знакомства, всѣ движенія моего сердца, порывы ревности, тоску въ разлукѣ — вижу, что искра эта давно таится въ глубинѣ души моей. Эги мысли занимали меня все утро. Я воротился домой и сѣлъ обѣдать. «Что съ вами

сдѣлалось, Дмитрій Сергѣевичъ?» спросилъ съ участіемъ Аѳанасій: «не больны ли вы?» — «А что?» — «Да вы ничего не кушаете.» — «Я позавтракалъ у пріятеля,» отвѣчалъ я. — «Видно, плотненько,» сказалъ Аѳанасій, убирая со стола. Это было въ субботу, когда я обыкновенно проводилъ вечера у Миллера. Въ пять часовъ попался я къ нимъ. Лишь только повернулъ съ Исакиевскаго Моста налѣво, встрѣчаю Марью Ивановну въ сопровожденіи Анны Ивановны. Онѣ идутъ куда-то поспѣшно, разговаривая между собою. Поравнявшись съ ними, я имъ поклонился. «Ахъ, это вы, Дмитрій Сергѣевичъ!» сказала Марья Ивановна съ радостнымъ взглядомъ: «какъ мнѣ пріятно васъ видѣть! Вы насъ любите, и конечно раздѣлите нашу радость. Поздравьте насъ: Елисавета Карловна невѣста!» — «Какъ!» спросилъ я въ изумленіи. — «Да, точно такъ,» продолжала Марья Ивановна, въ пылу материнскаго торжества, не замѣчая моего смущенія: «невѣста! И вотъ мы идемъ съ Анной Ивановной на Гостиный Дворъ, закупить кое-чего. Мы вовсе этого не ожидали. Словно изъ пистолета выстрѣлило. Сегодня поутру пишетъ господинъ Кибицъ, и сватается.» — «Какъ,» сказалъ я: «этотъ мальчишка?» — «Нѣтъ, нѣтъ, сохрани Боже! Отецъ его, Кашпаръ Христофоровичъ. Онъ, правда, человѣкъ не молодой, но солидный. Состояніе его извѣстно. Вотъ говоритъ пословица русская: голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ! Мы горевали съ Карломъ Ѳедоровичемъ, когда онъ лишился

мѣста, а теперь, хоть бы и вовсе мѣсть не было. Свадьба будетъ чрезъ три недѣли, и на радостяхъ....» — «А Елисавета Карловна?» спросилъ я съ трудомъ. — «Она дома!» отвѣчала Марья Ивановна: «разумѣется, что это сватовство ее смутило; оно всегда такъ, дѣвичье дѣло. Но лишь только взглянула на отца, то и согласилась. — Подите къ ней сами, поздравьте ее. Мы скоро воротимся.» Сказавъ сіи слова, Марья Ивановна поклонилась мнѣ ласково, и отправилась въ подлежащій путь съ своею помощницею.

Не помню, долго ли стоялъ я въ совершенномъ оцѣпенѣніи. Въ глазахъ у меня потемнѣло; все вокругъ меня вертѣлось; мнѣ казалось, что подъѣздъ Кадетскаго Корпуса, у котораго я остановился, падаетъ мнѣ на голову. Чрезъ нѣсколько времени улеглось это физическое волненіе, и вопросы: гдѣ я? что я? что слышалъ? что будетъ? затолпились въ умъ моемъ. Теперь не помню, что я самъ отвѣчалъ себѣ тогда на эти вопросы; но это было мучительно, тягостно, нестерпимо; сердце мое, казалось мнѣ, остановилось; я чувствовалъ судорожное движеніе на устахъ, какъ бы къ невольному смѣху. Между тѣмъ я прошелъ по набережной довольно далеко, миновалъ Академію Художествъ, и вскорѣ поворотилъ въ десятую линію. Когда я увидѣлъ издали тотъ домъ, въ которомъ два года жили мои радости, надежды, очарованія, какая-то сладость пролилась въ мое сердце, и съ тѣмъ вмѣстѣ возникла во всей ясности мысль, чего и какъ

я лишаюсь. Луиза! я не дерзалъ мечтать, что ты будешь моею женою! Луиза, существо небесное, недосягаемое и мысли моею — ты будешь женою другаго! Такъ вотъ любовь со всею ея терзаніями! Такъ это чувство уваженія, привязанности, благоговѣнія, которое питалъ я къ женщинѣ добродѣтельной и прекрасной — была любовь! Я проснулся — на краю пропасти.

Вотъ я подошелъ къ дому. Выхожу на крыльцо, берусь за ручку замка; не смѣю поворотить ее, опускаю руку; берусь снова, и со всею напряженіемъ силъ отворяю дверь. У второй двери я позвонилъ. Мнѣ отперли. Авдотья готовится поздороваться со мною, какъ обыкновенно, но взглянувъ на меня, чего-то пугается, и не говоря ни слова, впускаетъ меня въ комнату. Вхожу. Луиза сидитъ за работою, подлѣ нея сестры и младшій братъ. Дѣти, увидѣвъ меня, встали и, по обыкновенію, побѣжали ко мнѣ навстрѣчу. Она подняла глаза съ палецъ, увидѣла меня и вздрогнула; яркій румянецъ пробѣжалъ по лицу ея. Не знаю, откуда взялись у меня силы, откуда взялся духъ заговорить съ нею. — «Здравствуйте, Елисавета Карловна!» сказалъ я (ахъ! дотолѣ называлъ я ее, какъ и все домашніе, просто Луизою): «я пришелъ къ вамъ проститься. (Она молчала.) Сегодня получилъ я приказаніе нечальства отправиться за границу. Буду завтра, позже всего послѣ завтра. Буду на нѣсколько лѣтъ. Я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ вашею матушкою; она сказала мнѣ — ска-

зала мнѣ, что вы дома. И такъ я...» — «Неужели вы и впрямь ѣдете?» спросила печально старшая изъ сестеръ ея. — «Точно ѣду, милая Юлія,» отвѣчалъ я: «и долженъ ѣхать. — Поклонись отъ меня папенькѣ и дяденькѣ, и братцу, которыхъ я, вѣроятно, не увижу.» Дѣти со слезами бросились цѣловать меня. Луиза стояла безмолвная; лице ея то блѣднѣло, то краснѣло; синія губы дрожали; на глазахъ видны были слѣды слезъ. Я подошелъ къ ней, взялъ ея руку, прижалъ ее къ губамъ своимъ, и сказалъ: «Будете ли вы меня помнить?» — «До могилы!» отвѣчала она, зарыдала и бросилась въ свою комнату. Я еще разъ поцѣловалъ дѣтей, и вышелъ изъ дому. — —

На другой день явился я къ директору, сказалъ, что рѣшаюсь ѣхать, получилъ отъ него деньги на дорогу, и свезъ къ Волгину, прося его все устроить къ нашему путешествію. Онъ охотно за это взялся. Это было въ воскресенье. Въ понедѣльникъ надлежало явиться къ министру, а во вторникъ поутру отправиться. Желаніе увидѣть Луизу еще разъ, увидѣть такъ, чтобъ она не могла меня примѣтить, мучило меня. Я пошелъ въ лютеранскую Екатерининскую церковь, въ которой она бывала у обѣдни каждое воскресенье, со всѣмъ своимъ семействомъ; забрался на хоры, завернулся въ шинель, и смотрѣлъ на всѣхъ входящихъ. Ни Луизы, ни кого изъ фамиліи Миллера нѣтъ въ церкви. Кончилась проповѣдь. Начались провозглашенія объ умершихъ, родившихся, въ бракъ вступающихъ.

Вдругъ — вообрази мой ужасъ — слышу объявленіе о предстоящемъ вступленіи въ бракъ купца Кибица съ дѣвицею Луизою Миллеръ. Не знаю, какъ я не закричалъ. Это было вовсе неожиданно. По окончаніи службы, оглушенный убитый, уничтоженный, вышелъ я изъ церкви, и пробираясь въ толпѣ по паперти, слышу разговоръ двоихъ молодыхъ людей. «Что сегодня не было въ церкви хорошенькой Миллеръ?» — «А какъ можно ей быть? Сегодня провозгласили ее невѣстою. Въ такой день не прилично ей быть въ церкви.» — «Такъ вотъ причина!» думалъ я. «Видно, судьбѣ не угодно, чтобъ я ее видѣлъ, и такъ не буду искать этого; буду даже избѣгать.» Не помню, какъ я провелъ тотъ день. Я горѣлъ нетерпѣніемъ выѣхать изъ Петербурга. Мнѣ казалось, что всѣ знаютъ о моей страсти, о моемъ несчастіи. Я боялся услышать ея имя. На другой день поѣхали мы на дачу къ министру, для принятія его приказаній. Онъ обошелся съ нами очень благосклонно, но былъ пораженъ моею блѣдностью. «Здоровы ли вы?» спросилъ онъ у меня. «Здоровъ», отвѣчалъ я. — «Если вы больны, то можете остаться: мы примемъ кого нибудь на ваше мѣсто.» — «Нѣтъ, нѣтъ, ваше сіятельство! я совершенно здоровъ. Буду охотно; я только усталъ; не спалъ ночь, и т. п.» — Насъ отпустили. Этотъ день я весь провелъ у Волгина, чтобъ какъ нибудь не пришли ко мнѣ прощаться. Во вторникъ, поутру, когда я, сдавъ квартиру хозяйшѣ, готовился

сѣсть на дрожки, чтобъ ѣхать къ Волгину, у котораго назначено было сборное мѣсто, вдругъ отворяется дверь, и входитъ Фризель. Я смутился. Добрый старикъ ни о чемъ не догадывается. «Помилуйте, Дмитрій Сергѣевичъ!» сказалъ онъ мнѣ: «что мы вамъ сдѣлали, что вы оставляете своихъ друзей? Вы ѣдете за границу, а мы о томъ не знаемъ ни слова. Сегодня поутру въ пять часовъ разбудилъ меня курьеръ съ приказаніемъ министра посѣтить васъ, и узнать, точно ли вы здоровы, для предпринятія столь далекой поѣздки. Я будто съ облаковъ свалился. Вы ѣдете? Вы нездоровы? А мы ничего объ этомъ не знаемъ. Вотъ я поспѣшно одѣлся и прикатилъ къ вамъ. Вижу, что если бѣ опоздалъ пятью минутами, то вовсе не засталъ бы васъ.» Я очень обрадовался длинной рѣчи словоохотнаго старика, собрался между тѣмъ съ духомъ, и отвѣчалъ ему: «Я ѣду по приказанію начальства. Въ субботу приходилъ я къ вамъ проститься, но никого не засталъ дома — по крайней мѣрѣ такъ мнѣ сказали. Въ воскресенье и вчера я хлопотался, готовился въ дорогу, ѣздилъ къ министру, а теперь чрезъ часъ долженъ быть уже за заставой. Радуюсь, что вы навѣстили меня. Нездоровье мое, причиненное хлопотами и безсонницею, напрасно встревожило почтеннаго нашего начальника. Я здоровъ совершенно. Благодарю васъ за посѣщеніе. Простите. Кланяйтесь отъ меня всѣмъ вашимъ, Карлу Федоровичу, Марѣ Ивановнѣ, дѣтямъ.» — Я

хотѣлъ при сихъ словахъ обнять его, чтобъ скрыть свое волненіе душевное, но онъ уклонился. «Ради Бога, скажите мнѣ, что съ вами сдѣлалось? Вы самъ не свой. Оставайтесь денька на два. Министръ согласится. Порадуйтесь счастію нашего семейства: Луиза выходитъ замужъ за богатаго человѣка, который составитъ счастье всѣхъ ея родныхъ.» — Я не имѣлъ силы прервать его, не могъ устоять на ногахъ, и сѣлъ; онъ сѣлъ подлѣ меня, и продолжалъ: «Вообразите, въ субботу, поутру, на другой день послѣ нашей пріятной прогулки, зять мой получаетъ отъ богатаго господина Кибица преучтивое письмо, въ которомъ онъ сватается на Луизѣ. Онъ и сестра моя пришли въ изумленіе. Милліонщикъ, и беретъ за себя бѣдную дѣвушку! Они тотчасъ объявили о томъ Луизѣ. Бѣдненькая, вовсе не ожидая этого, до смерти перепугалась. Ей сдѣлалось дурно, да, къ счастью, я воротился домой въ это время. Она понюхала спирту, и объявила отцу и матери, что не станетъ препятствовать счастью семейства, и идетъ за Кибица. — Только васъ не было, почтеннѣйшій Дмитрій Сергѣевичъ, чтобъ разделить общую нашу радость!» — «И Луиза попривыкла къ этой мысли?» спросилъ я. — «Нѣтъ еще,» отвѣчалъ онъ равнодушно: «и въ тотъ вечеръ, въ субботу, ей было очень тяжело. Но это пройдетъ. Знакомый мой и предобрый больной, ювелиръ Гленцеръ, сообщилъ мнѣ, что Кибицъ заказалъ ему брилліантовый гребень, эскаважъ, серегъ, пер-

стней, и Богъ знаетъ чего для своей невѣсты. Свадьба чрезъ три недѣли. Жаль, что васъ здѣсь не будетъ.» — Не знаю, что сдѣлалось бы со мною при продолженіи этого разговора, но въ эту минуту, къ счастью, явился посланный отъ Волгина, съ объявленіемъ, что ждутъ одного меня. Я обнялъ добраго Фризея, и не помню какъ вышелъ изъ дому, сѣлъ на дрожки, пріѣхалъ къ Волгину, и чрезъ часъ мы были уже за городомъ.

Какое ужасное, мучительное время! Волгинъ, Ивановъ, мой Аѳанасій, всѣ думали, что я боленъ; всѣ совѣтовали мнѣ воротиться: сердце мое говорило мнѣ то же, но разумъ мой и въ этой мглѣ одержалъ верхъ. Изъ Нарвы написалъ я къ тебѣ письмо, по которому ты конечно почелъ меня сумасшедшимъ. Только при переѣздѣ чрезъ границу увидѣлъ я, что существую; почувствовалъ необходимость бесѣдовать безпрепятственно о моей жестокой судьбѣ, въ твою вѣрную грудь излить мое горе.

Что я чувствую теперь? Волненіе страсти улеглось, но тоска, по прежнему, щемитъ мое сердце. Живу мыслию только въ прошедшемъ, а о настоящемъ, о будущемъ и подумать не смѣю. Переписка съ тобою принесла мнѣ большое облегченіе. Не знаю, что будетъ со временемъ. Иногда кажется мнѣ, что я спокоенъ, что я забылъ минувшее, и я начинаю радоваться этому: — вдругъ какая нибудь бездѣлица коснется моего слуха, поразитъ мои глаза — уда-

ритъ въ сердце; оно забьется, и прежняя страсть возникнетъ во мнѣ со всею своею силою, и мучительною и усладительною. — — —

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Эмсъ, 26 Августа (7 Сент.) 1816.

Я ожилъ, если не душою, то, по крайней мѣрѣ, тѣломъ. Ты помнишь, какъ я описывалъ тебѣ Франкфуртъ скучный, негостепріимный. Весною развлекался я непрерывными поѣздками въ разныя стороны; за мѣсяць предъ симъ переселился сюда, къ милому моему Волгину, въ долину спокойствія, тишины, здравія и счастія. Мѣстечко Эмсъ лежитъ на берегу рѣки Ланы, впадающей въ Рейнъ выше Кобленца, и издревле славится своими теплыми водами. Здѣсь живемъ мы въ пріятномъ кругу, посреди красотъ природы, имѣя и книги и журналы, и все, что необходимо для жизни умственной. Если счастье друга, счастье благороднаго человѣка, котораго мы любимъ и уважаемъ душевно, можетъ облегчить наше собственное страданіе, то я нынѣ только въ половину долженъ чувствовать свое горе. Волгинъ, мой милый, добрый Волгинъ любить и — счастливъ! Выслушай его романъ.

Никто изъ насъ такъ не скучалъ по Россіи, какъ онъ. Я конечно вторилъ бы ему усердно, если бъ не боялся возвращенія въ отечество, угрожающаго растравить раны моего сердца.

5

Волгинъ, живя во Франкфуртъ, сторожилъ всѣхъ Русскихъ, проѣзжающихъ чрезъ сей городъ, знакомился съ ними, бесѣдовалъ, водилъ по городу и окрестностямъ, и не отпускалъ безъ какого нибудь подарка на память. Въ началъ іюня узнаетъ онъ, что одинъ нашъ почтенный землякъ, котораго онъ видалъ нѣсколько разъ въ обществахъ въ Петербургѣ, пріѣхалъ съ своимъ семействомъ во Франкфуртъ, на пути къ теплымъ водамъ, и остановился въ трактиръ Вейденгофъ. Волгинъ немедленно бѣжитъ туда (это было послѣ обѣда), входитъ въ указанную ему комнату, и видитъ, что пріѣзжій, съ женою и дочерью, дѣвицею, сидитъ по-русски за самоваромъ. Этой картины отечественной бѣдный мой изгнанникъ давно не видалъ. Еще не поздоровавшись съ пріѣзжими, онъ вскричалъ: «Боже мой! неужели я въ Россіи, между своими?» заплакалъ и бросился обнимать людей, ему почти вовсе неизвѣстныхъ. Это движеніе сблизило ихъ. Пріѣзжіе въ ту же минуту узнали и полюбили Волгина. Онъ просидѣлъ у нихъ до глубокой ночи, бесѣдуя по-русски о Россіи, какъ въ родномъ семействѣ. На другой день явился онъ къ нимъ поутру, водилъ и возилъ по Франкфурту, показывалъ всѣ достопамятности историческаго города, и снабдилъ маршрутомъ и инструкціею для поѣздки въ Эмсъ, куда они собирались, обѣщая имъ вскорѣ туда пріѣхать. Они отправились дня чрезъ три, и онъ полетѣлъ вслѣдъ за ними, не зная, что такъ сильно влечетъ его

туда. Въ Эмсѣ старики пользовались ваннами, а Волгинъ былъ собесѣдникомъ дѣвицы, спутникомъ ея на прогулкахъ; вскорѣ узналъ ее, нашелъ въ ней то, чего давно искала душа его: нѣжное сердце, тихій нравъ, умъ необыкновенный, рѣдкую образованность. Пламенная, нѣжнѣйшая любовь вспыхнула въ его сердцѣ, чистомъ и непорочномъ. Онъ увидѣлъ, что и дѣвица къ нему равнодушна; они открылись другъ другу во взаимной любви, и онъ на ней посватался. Родители ея уже любили его, какъ сына, и послѣ нѣсколькихъ пустыхъ, но необходимыхъ въ такомъ случаѣ возраженій, обручили юныхъ счастливцевъ. Но имъ предстояло жестокое испытаніе — разлука на нѣсколько мѣсяцевъ. Волгинъ, удерживаемый службою, не могъ провожать ихъ въ Спа и въ Парижъ; они уѣхали, а онъ остался въ тоскѣ и одиночествѣ. Они условились увидѣться въ концѣ августа въ Стутгардѣ, и въ тамошней русской церкви обвѣнчать любящихся. — Все это происходило въ продолженіе одной моей отлучки. Возвращаясь во Франкфуртъ, на другой день по выѣздѣ невесты, и нахожу Волгина совершенно перерожденнымъ: сперва онъ только сострадалъ моимъ мученіямъ; теперь онъ ихъ понимаетъ. Мы проводимъ цѣлые вечера въ бесѣдахъ о томъ, что намъ всего дороже въ свѣтѣ. Ольга и Луиза — вотъ предметы нашихъ разговоровъ, вздоховъ — надежды и отчаянія. Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ, входитъ онъ ко мнѣ въ комнату,

въ смущеніи, держа въ рукъ распечатанное письмо. «Что съ тобою сдѣлалось?» спросилъ я: «не дурныя ли вѣсти?» — «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ: «ничего! я немножко испугался, и хочу съ тобою посовѣтоваться. Сего утра пришла давно ожидаемая мною почта изъ Спа, и я получилъ письмо отъ моей Ольги Павловны.» — «Ну что, здорова ли она? Родители ея, что ли?» — «Нѣтъ, ничего; тамъ все, слава Богу, здорово и благополучно. Но ея письмо меня встревожило. Представь себѣ, любезный, написано такъ, какъ бы написала по-русски мадамъ Сталь: слогъ чистый, благородный, возвышенный, правильность необыкновенная; вообрази, ни одной грамматической ошибки; всѣ запятые на мѣстахъ. Невозможно, чтобъ это написала женщина!» — «И безъ *post scriptum* (т. е. безъ приписки)?» спросилъ я. — «Нѣтъ! она приписала поклонъ къ тебѣ, незнакомому, но весьма ей извѣстному.» — «Ну, такъ успокойся;» отвѣчалъ я: «это письмо написано ею самою. Женщина не можетъ сочинить письма безъ приписки.» — «Меня не то беспокоитъ,» сказалъ онъ: «она ли писала письмо, а эта необыкновенная правильность слога, эти познанія въ молодой дѣвицѣ. Добро бы она написала хорошо по-французски: это необходимая часть въ воспитаніи русской дѣвицы; но женщинѣ писать умно и хорошо по-русски, этого я отъ роду не слыхалъ. Ну, что я буду дѣлать съ ученою женою? Ты знаешь, я не профессоръ, не литераторъ! — И какъ она меня

обманула! Въ разговорахъ со мною она никакъ не показывала своихъ познаній: слушала мои рассказы объ исторіи и памятникахъ здѣшнихъ странъ со вниманіемъ и терпѣніемъ. Раза два, правда, случилось, что она припоминала мнѣ годы какихъ-то историческихъ происшествій, но и то, какъ будто не довѣряя себѣ, какъ будто спрашивая. Посмотрѣлъ бы ты на нее въ женской бесѣдѣ: сидитъ съ этими разряженными полудурьями, и толкуетъ пресеріозно о модахъ, слушаетъ внимательно ихъ пересуды и толки. А сама такая умница, такая ученая!» — «Не бойся учености и ума, милый Волгинъ!» отвѣчалъ я ему. «Слыханное ли дѣло, чтобъ грамматика и логика помѣшали домашнему счастью? Неужели для того, чтобъ любить мужа и семейство, непременно надобно не знать, гдѣ поставить *ль* или *е*? — Женщина-писательница, крикунья въ мужскихъ бесѣдахъ, нестерпимая педантствомъ въ женскомъ обществѣ, — можетъ быть несносною; но женщина образованная, съ познаніями, и притомъ скромная и кроткая, есть радость и украшеніе семейства. Помни, что первая воспитательница, и наставница дѣтей есть родная мать. И моя матушка мыслила и писала правильно, и Луиза....» — Но онъ не слушалъ меня, сѣлъ въ кресла, и уставилъ слезящіе глаза свои на милыя черты.

Въ концѣ іюля пріѣхали мы съ нимъ сюда, въ Эмсъ. Каждый кустокъ, каждая травка напоминали ему милую его Ольгу; три раза въ

недѣлю получалъ онъ отъ нея письма, нѣжныя и умныя, нѣкоторыя даже безъ приписокъ. Я радовался его счастью, но притомъ живѣе чувствовалъ свое горе: мнѣ казалось, счастливецъ не такъ уже сострадалъ мнѣ, какъ прежде. Посѣтителей въ нынѣшнемъ году здѣсь много, но не было людей для насъ интересныхъ. Я искалъ познакомиться въ какомъ нибудь семействѣ, ибо, признаюсь тебѣ, всегдашняя бесѣда холостая и мужская, притомъ между иностранцами, мнѣ до крайности надоѣла. Дѣти и женщины необходимы въ обществѣ. Когда мнѣ случалось жить по нѣскольку дней въ чужихъ городахъ, гдѣ я не зналъ никого, кромѣ нашихъ одинокихъ чиновниковъ, я выходилъ по вечерамъ на городское гульбище, и заводилъ бесѣду съ дѣтьми: между взрослыми одинъ роялистъ, другой либераль; одинъ ученый, другой невѣжда, и т. д., а дѣти космополиты; шести, осьмилѣтній ребенокъ одинъ и тотъ же въ Саратовѣ, въ Страсбургѣ, въ Рио-Жанейро и въ Пекинѣ. Я разговаривалъ съ малютками, подчивалъ ихъ сластями, дарилъ игрушками, и глядя на ихъ забавы, иногда и самъ принимая въ нихъ участіе, проводилъ скучное время досуга. Разумѣется, что маленькія Луизы были надѣляемы щедрѣе, нежели Юльхенъ и Мальхенъ. Въ Эмсѣ, гдѣ не живутъ, а только съѣзжаются на воды, дѣтей малолѣтнихъ не было. Надобно было искать общества между взрослыми дѣтьми, между женщинами. Долго не могли мы найти ничего по

сердцу. Вдругъ судьба надъ нами сжалась. Въ Эмсѣ всѣ посѣтители водъ объѣдаютъ въ пре-
большой залѣ, за однимъ длиннымъ столомъ. Кто пріѣхалъ прежде, тотъ занимаетъ мѣсто въ
верху стола; за нимъ садятся пріѣзжающіе въ
послѣдствіи, и по мѣрѣ опорожненія верхнихъ
мѣстъ, подвигаются выше и выше, такъ, что
въ продолженіе всего лѣта сидишь почти всегда
съ одними и тѣми же людьми. Вотъ мы, съ
Волгинымъ, однажды за обѣдомъ, толкуемъ ме-
жду собою о своихъ радостяхъ и горестяхъ, и
сообщаемъ другъ другу замѣчанія на застоль-
ныхъ товарищѣй. Человѣкъ сто сидятъ чинно,
чопорно, кушаютъ и пьютъ опрятно и умѣрен-
но, разговариваютъ другъ съ другомъ въ пол-
голоса, или молчатъ. То ли дѣло у насъ, въ
Россіи, посадить сто человѣкъ за сытный столъ,
и подать, какъ здѣсь, вина вдоволь! Какой бы
веселый шумъ подняли! Въ этихъ разговорахъ
примѣчаю я, что двѣ, сидящія насупротивъ насъ,
молодыя, миловидныя дамы, поглядываютъ на
насъ, и говорятъ между собою. Прислушиваюсь
— говорятъ по-французски: должны быть Рус-
скія или Француженки. Я вдругъ заговорилъ
громко по-русски; онѣ слушаютъ, но видно, что
звуки эти имъ незнакомы. Такъ Француженки.
При первомъ случаѣ я подалъ одной изъ нихъ
блюдо съ чѣмъ-то, извиняясь по-французски, что
не могу поподчивать чѣмъ нибудь получше. Да-
ма видимо обрадовалась, услышавъ звуки род-
наго языка, и отвѣчала мнѣ учтиво. Разговоръ

завязался. «Позвольте спросить,» сказала моя новая знакомка: «на какомъ языкѣ вы говорите. Мы съ сестрицею слушаемъ, слушаемъ, и не можемъ отгадать.» — «Мы говоримъ по-русски, сударыня;» отвѣчалъ я: «вы, по видимому, Француженки, и звуки эти должны вамъ быть знакомы.» — «Мы точно Француженки,» отвѣчала она: «но живемъ въ Бельгiи, въ Антверпенѣ, куда ваши войска не заходили.» — «Такъ вы недавно сюда пріѣхали?» — «Только вчера, и вообразите, сестрица уже четыре раза принималась плакать. Ей предписано пользоваться Эмскими водами; она оставила мужа, дѣтей, и отправилась со мною, въ обществѣ одного антверпенскаго купца, который ѣхалъ сюда съ женою. Въ Кельнѣ онъ занемогъ, и мы, боясь пропустить благопріятное время года, рѣшились ѣхать однѣ. Здѣсь мы совершенно какъ въ землѣ непріятельской. Никто насъ не понимаетъ и понимать не хочетъ, видя, что съ нами нѣтъ защитника, мужчины. Я писала въ Антверпенъ къ моему мужу, чтобъ онъ какъ нибудь удосужился, но пока получу отвѣтъ, мы здѣсь пропадемъ.» — Такимъ образомъ началось наше знакомство. Послѣ обѣда узналъ я, что старшая изъ нихъ, Сезарина, жена одного иностраннаго консула въ Антверпенѣ, а другая, Сюзанна, замужемъ за богатымъ купцемъ: обѣ онѣ женщины умныя, милыя, образованныя. Не повѣришь, какъ легко свести знакомство, заключить даже тѣсную дружбу на водахъ! Здѣсь видишься

безпрестанно: поутру вмѣстѣ пьемъ воду у источника, и вмѣстѣ прогуливаемся; потомъ вмѣстѣ обѣдаемъ, опять вмѣстѣ пьемъ воду, прогуливаемся и ужинаемъ. Не прежде, какъ чрезъ пять дней замѣтили и мы и онѣ, что во все это время были неразлучны. «Какъ назвать наше знакомство?» спросила живая Сезарина. — «Что лучше братства!» сказалъ я. «Вы наши сестры — вотъ и все тутъ!» — Это имъ понравилось, и съ тѣхъ поръ дѣйствительно мы обходились, какъ близкіе родственники, и Сезарина писала къ мужу, чтобъ онъ не беспокоился ѣхать въ Эмсъ, ибо Провидѣніе послало бѣднымъ путникамъ усердныхъ защитниковъ и покровителей. Мы ѣздили съ сестрицами своими въ Кобленцъ, Нассау, Нейвидъ, Висбаденъ, Швальбахъ и въ другія прекрасныя мѣста Таунусскаго хребта. Онѣ сдѣлались повѣренными нашихъ сердечныхъ тайнъ: читали съ Волгинымъ письма его невѣсты въ переводъ; меня утѣшали самымъ нѣжнымъ соболѣзнованіемъ. Другіе посѣтители, особенно посѣтительницы водъ, поглядывали на насъ съ двусмысленною усмѣшкою. А намъ какое дѣло! «*Вся чиста чистымъ,*» говоритъ Апостолъ.

Вчера пріѣхали мужья нашихъ милыхъ сестеръ. Мы съ ними познакомились и подружались, какъ съ давнишними пріятелями. Сегодня всѣ они уѣзжаютъ во-свояси. Благословляю тотъ часъ, въ который мы познакомились съ этими любезными женщинами. Дружеская ихъ бесѣда нерѣдко разсѣвала грусть мою. Одно обстоя-

тельство, за недѣлю предъ симъ, меня встревожило и повергло въ уныніе, возбудивъ въ душѣ моей мучительныя мысли. Одинъ изъ нашихъ земляковъ приходитъ ко мнѣ, и показывая письмо изъ Риги, въ которомъ побуждаютъ его къ уплатѣ ничтожнаго долга, просить ссудить его деньгами. Я взглянулъ на письмо, и вижу знакомую подпись С. С. Kiebitz, изъ Риги. Меня обдало холоднымъ потомъ. И такъ онъ живетъ въ Ригѣ, и такъ — — — Жадный этотъ ростовщикъ пишетъ, что крайняя нужда заставляетъ его просить объ уплатѣ долга, и грозитъ, въ случаѣ неуплаты, просить начальство. Крайняя нужда Кибицу — въ трехъ стахъ рубляхъ! Я отдалъ послѣднія мои деньги, чтобъ освободить пріятеля отъ сношеній съ этими извергомъ. Вся веселость Сезарины, все участіе Сюзанны, всѣ утѣшенія Волгина долгое время были тщетны для развлеченія моего послѣ этого удара, которымъ вновь растравились мои душевныя раны.

Въ послѣднемъ письмѣ твоёмъ, ты, вѣроятно, для уменьшенія моихъ страданій, спрашиваешь меня, увѣренъ ли я, что Луиза меня любитъ. Не знаю. Я никогда не открывалъ ей на словахъ того, что чувствовалъ, ибо и самъ не понималъ своихъ ощущеній. Не знаю, но послѣдній взглядъ ея, послѣднія слова: «до могилы!» проливаютъ утѣшеніе въ мое сердце. За могилою узнаю все, все!

Письма Луизы Миллеръ къ С. Н. Кринувой,
въ Нижнемъ Новѣгородѣ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Ярославль, 17 Сентября 1812.

Сегодня твои именины, милая Сонюшка, и я не могу отказаться отъ удовольствія душевно тебя поздравить, желать тебѣ утѣшенія въ жизни, — а счастья? Оно улетѣло съ жизнію нашей благотворительницы, и долго, долго не воротится. Но если существуетъ еще правосудіе въ здѣшнемъ мірѣ, и ты будешь счастлива! Прошлаго, третьяго года, какъ весело праздновали мы этотъ день въ домѣ незабвенной! А теперь?.... Все покрылось какимъ-то ужаснымъ, темнымъ облакомъ. Я съ трепетомъ и боязнію смотрю въ будущее; настоящее слишкомъ страшно. . . .

Путешествіе наше идетъ весьма медленно и скучно. Хоть то хорошо, что молчаливая моя спутница оставляетъ меня въ покоѣ. Она безпрерывно гладитъ отвратительную свою собаченку, которая, помнишь ли, какъ бѣшеная, кинулась на тебя; смотритъ ей умильно въ мутные глаза, и изрѣдка обращается ко мнѣ съ словами: «Согласитесь, сударыня, что мой Факиръ необыкновенная собачка: какъ умно глядитъ — все понимаетъ! Какъ обрадуется мой Василій Антроповичъ, когда мы счастливо вернемся въ

Петербургъ. Чай, стосковался по насъ, любезный! Проклятые Французы!» — За этимъ слѣдуетъ глубокое молчаніе, часа на два. — Воспоминанія прошедшаго времени занимаютъ и утѣшаютъ меня въ дорогъ. Образъ милой моей благодѣтельницы всегда у меня передъ глазами. И ты, добрая, благородная душа, такъ рано должна была переселиться отсюда въ настоящее свое отечество! думаю я. — Такъ двигаемся мы мало по малу, съ ночлега до ночлега. Вездѣ видно необыкновенное движеніе. По дорогъ проходятъ отряды войскъ и партіи плѣнныхъ. Всѣ станціи и селенія наполнены бѣгствующими жителями счастливой донинѣ Москвы. Старики, женщины, дѣти, въ уныніи и отчаяніи, ѣдутъ, ѣдутъ, сами не зная куда. Но русское гостепріимство вездѣ встрѣчаетъ несчастныхъ странниковъ; вездѣ готовы имъ квартира, столъ и всѣ пособія; вездѣ находятъ они знакомцевъ и родныхъ въ близкихъ сердцу землякахъ. Крестьяне охотно отводятъ пріѣзжимъ свои хижины, и кормятъ ихъ, чѣмъ Богъ послалъ, не зная, кто ихъ гости, и будетъ ли имъ заплачено. За нѣсколько верстъ отсюда остановилась въ деревнѣ неизвѣстная женщина съ двумя маленькими дѣтьми, и вдругъ занемогла. Крестьянинъ, хозяинъ ея, тотчасъ кинулся въ городъ къ знакомому лекарю, и привезъ его къ больной; самъ ѣздитъ за лекарствами, а жена и сестра его ходятъ за больною и за дѣтьми. Остановясь въ томъ же домѣ, я спросила у нихъ, кто эта ба-

рыня. «А и Богъ вѣсть!» отвѣчала хозяйка: «видно, помѣщица; такая бѣленькая, нѣжненькая; платье на ней хорошее, да денегъ нѣтъ ни копѣйки. Вишь поторопилась бѣжать, сердечная; только бы дѣтеночекъ-то увезти отъ Французовъ. Да и отсюда такъ и порывается. Пустите-де къ роднымъ въ Питеръ. Статочное ли дѣло, матушка? Когда болѣзнь отляжетъ, мой и самъ свезетъ ее на родину.» — Я желала бы привести сюда нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ въ Петербургъ иностранцевъ, которые, не зная русскаго языка, не видавъ русскаго народа вблизи, судятъ о немъ по-своему; указала бы на этихъ безкорыстныхъ и великодушныхъ благотворителей, и сказала бы имъ: «Вотъ каковы тѣ, о которыхъ вы такъ криво и безсовѣстно толкуете, которыхъ изображаете или дикарями, или свирѣпыми варварами!»

И такъ я ѣду въ Петербургъ, въ родное мое семейство, къ которому привязана всѣмъ сердцемъ. Я уважала и любила бы папеньку и маменьку, если бъ они были и чужіе, но, признаюсь, я ихъ побаиваюсь. Въ Москвѣ, въ кругу русскомъ, привыкла я къ образу жизни, мыслей и занятій, который ни мало не похожъ на то, что ожидаетъ меня тамъ, въ домъ нѣмецкомъ. Это замѣтила я уже прошлаго года, пробывъ мѣсяца два гостею въ Петербургъ. Не думай, однако жъ, милая Sophie, чтобъ эта боязнь происходила отъ мысли, что я лишаюсь довольства, въ которомъ жила донинѣ. Богъ свидѣтель, это

не то! Я страшусь только, что своими мнѣніями, привычками и поступками не успѣю угодить моимъ родителямъ. Ну, если они подумаютъ, что я недовольна состояніемъ, въ которомъ родилась, если подумаютъ, что я жалѣю о прошедшемъ, и людей, отъ которыхъ ожидала богатства и свѣтскихъ благъ, предпочитаю тѣмъ, кои даровали мнѣ жизнь и ее украсили; если я буду виною, что они станутъ негодовать на мою благодѣтельницу? Упаси, Боже! — Не скажу, однако жъ, чтобъ я равнодушно разставалась съ мечтаніями о довольствѣ и изобиліи, которыя въ жизни моей были уже не мечтаніями, а сущестvenностію. Меня восхищала мысль, что при выдѣлѣ части, обѣщанной мнѣ моею благодѣтельницею, я прійду въ состояніе усладить жизнь моихъ родителей. Я составила было въ умѣ своемъ прекрасный планъ: хотѣла продать домъ, назначенный мнѣ въ Москвѣ, и на эти деньги купить домъ въ Петербургѣ, деревянный, на Васильевскомъ Острову, съ садомъ; въ домъ завести полную библіотеку, купить лучшей флигель у Феверьера для папеньки; развести фруктовый садъ, огородъ, птичникъ для маменьки. Она любитъ занятія хозяйствомъ домашнимъ, и часто жаловалась, что въ наемномъ домѣ и коровы нельзя держать. И всѣ мы жили бы въ этомъ домѣ спокойно, счастливо, весело. — Вотъ почему я горюю о потерянномъ богатствѣ, которое исчезло у меня въ рукахъ, какъ золото, когда проснешься. — — Но теперь ожидаетъ

меня другая жизнь. Постараюсь дѣтскимъ послушаніемъ, искреннею любовію къ родителямъ, точнымъ исполненіемъ всѣхъ лежащихъ на мнѣ обязанностей заставить ихъ забыть, что я не привезла имъ богатства, котораго они ожидали. Я твердо рѣшилась побѣдить всѣ прежнія свои привычки, прихоти и желанія, и совершенно войти въ то состояніе, въ которомъ родилась. Не знаю, успѣю ли я въ своемъ намѣреніи. Уповаю на Бога.

Это письмо пишу я къ тебѣ изъ грязной избы, въ которой мы остановились ночевать. Всѣ лучшіе дома въ городѣ заняты. Я хотѣла непременно еще сегодня тебя поздравить. Теперь часъ двѣнадцатый ночи. Сальный огарокъ гаснетъ, и я по неволѣ должна кончить пріятную бесѣду съ тобою. Завтра, чѣмъ свѣтъ, ѣдемъ далѣе, и недѣли черезъ двѣ будемъ въ Петербургъ.

Прости, прости, милая Сонюшка! Пиши ко мнѣ. Помни

вѣрную твою

Луизу Миллеръ.

P. S. Bien de choses всѣмъ, кто обо мнѣ захочетъ вспомнить.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

С. Петербургъ, 1 Октября 1812.

Вотъ я и въ Петербургъ, у своихъ! Слава Богу! Попутчица моя, живущая въ Галерномъ Селеніи, привезла меня къ самому дому, гдѣ живутъ мои родители, и горя нетерпѣніемъ представить своему Василю Антроповичу Факира здраваго и невредимаго, почти вытолкнула меня изъ повозки; мои вещи и счетъ общала она прислать на другой день. Это было въ семь часовъ вечера. Послышавъ стукъ повозки, всѣ мои любезные бросились на крыльцо. Вотъ радость, какой я описать не умѣю! Маменька горько плакала, приговаривая: бѣдная, бѣдная Луиза! Папенька былъ мною, кажется, доволенъ. Въ послѣдній день я съ самаго утра твердила: *der, die, daß; werden, war, wird, wurde, würde, worden, geworden, gewesen sein*, — и право, изряднехонько говорила съ нимъ по-нѣмецки весь вечеръ, такъ, что онъ, въ знакъ особенной милости, раза два заговаривалъ со мною по-русски. Только, на другой день, показалось мнѣ, что у меня отъ этой бесѣды вскочили прыщики на языкъ. — Я нашла въ домѣ нашемъ все попрежнему. Всѣ здоровы, довольны и веселы, сколько обстоятельства позволяютъ. — Вчера поутру привезли мои вещи. Маменька разрыла и чемоданъ и сундукъ, и не очень довольна была моимъ скарбомъ: она искала великолѣпнаго платья, дорогихъ украшеній. — Я не говорила ей, что мы съ тобою продали все это

въ Нижнемъ, и запаслись необходимымъ, а объявила, что всѣ мои хорошія вещи остались въ Москвѣ; что эти платья, ситцевыя и камотовыя, эти обыкновенные прочные передники, косынки и проч. мы заготовили въ дорогу. Ей что-то не вѣрится. Можетъ быть, отъ того, что я лгать не умѣю. Желала бы я видѣть человека, болѣе всего нашу сестру, которая бы говорила всегда и вездѣ правду. Въ школѣ учатъ насъ: говори, что знаешь, а дома твердятъ: не показывай ни мыслей, ни чувствъ своихъ! Какъ же исполнять и то и другое? Я рѣшилась не говорить только той правды, которая можетъ огорчить или обидѣть другихъ. Но показывать чувства, выражать мысли, которыя не мои, никакъ не могу.

Маменька хотѣла нѣсколько дней полелѣять, понѣжить меня послѣ дороги; но я рѣшительно объявила, что отнюдь не устала (и это правда), и съ нынѣшняго же утра занялась хозяйствомъ. Одѣлась я, какъ у насъ въ Москвѣ ходила Марья Дмитріевна: въ бѣломъ домашнемъ платьѣ, съ чернымъ передникомъ и косынкою, въ маленькомъ чепчикѣ. Черный нарядъ мнѣ по сердцу и для того, что это какъ бы траурное платье по княгинѣ. Сегодня, одѣваясь предъ овальнымъ зеркаломъ въ старинной золотой рамѣ, я невольно, но право безъ большаго сожалѣнія, вспоминала, какой другой нарядъ надѣвала я прошлаго года въ Москвѣ, когда ѣздила на вечера, на балы. Какъ весело я тамъ прыгала между княж-

нами и графинями, и частенько слышала свое прозваніе: *la jolie Allemande*! Теперь, полно въ первой парѣ показывать фигуры. Стой передъ очагомъ и вари вассерсупъ! Что бы въ кухню убогаго нѣмецкаго учителя привести одного изъ нѣжныхъ московскихъ вздыхателей, и указать на бѣдненькую кухарочку? Ахъ, сто тысячъ рублей! какъ вы украшаете человѣка! Счастлива я еще, что не вѣрила всему, что слышала, или что тѣ, которые мнѣ твердили о своихъ чувствахъ, не возбудили во мнѣ ни какихъ. Жаль только, что я затеряла книжку Аглаи, гдѣ напечатаны были стишки премиленькіе; они очень явно ко мнѣ относились.

Въ домъ родителей моихъ особенно нравится мнѣ необыкновенное постоянство, отсутствіе всякихъ переменъ. Какъ было прошлаго, третьяго года, такъ и теперь. Всѣ мебели прежнія, и всѣ на тѣхъ же мѣстахъ. Тотъ же порядокъ жизни, тѣ же блюда на столъ. И въ этомъ есть какое-то благополучіе: не желаешь чужаго, не ищешь лишняго, а благодаришь Бога за то, что есть. У меня только немножко побаливаетъ голова — я думаю, отъ табачнаго дыму, но къ этому можно привыкнуть. Одно лишь переменилось у насъ въ домъ съ прошлаго года: къ намъ вхожъ одинъ Русскій, какой-то Мстиславцевъ, Дмитрій Сергѣевичъ; онъ начальникъ брата въ департаментъ. Долженъ быть хорошій человѣкъ, когда и папенька его хвалитъ. Дядюшкѣ я, признаюсь, не вѣрю: ему всѣ люди кажутъ-

ся херувимчиками на вербѣ. — Любопытна я узнать этого новаго знакомца. Говорятъ, онъ сегодня послѣ обѣда къ намъ будетъ. — Прости, ma chère Sophie! Пора кончить: я должна выгладить свою шемизетку.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

19 Октября 1812.

Я уже совершенно привыкла къ моей новой жизни, милая Сонюшка, и могу тебя увѣрить, что даже полюбила ее. Тихая, скромная, единообразная жизнь въ домѣ моихъ родителей пріятна и усладительна сердцу общою любовію, довѣренностію и доброжелательствомъ. Я выучилась уже готовить разное кушанье (раза два, правда, и поиспортила), знаю цѣны припасамъ, только не умѣю торговаться. Когда рыбакъ или огородникъ, запросивъ за товаръ втрое болѣе, и получивъ отказъ, станетъ божиться и перекрестится, я не могу ему не вѣрить; но тутъ матушка помогаетъ: «Что ты врешь!» закричитъ она: «я знаю, что это стоитъ. Бери, или ступай вонъ!» — «Для васъ, матушка, Марья Ивановна, извольте, такъ и быть; ей, ей, изъянъ!» И уступаетъ за настоящую цѣну, а прежде перекрестился. — какъ бы, кажется, не повѣрить! — Всего труднѣе было мнѣ пойти на рынокъ. Это случилось третьяго дня поутру. Матушкѣ что-то не здоровилось, и она послала меня съ служанкою. Я надѣла самую простую шляпку, заку-

талась въ салонъ, и пошла съ трепетомъ, моля Бога, чтобъ не встрѣтить дорогою знакомыхъ. Этого со мною не случилось, но мнѣ казалось, что всѣ встрѣчавшіеся со мною знали, кто я и куда иду. Всѣ такъ пристально смотрѣли мнѣ въ глаза. Въ мясныхъ рядахъ, вообрази, нашла я одну почтенную даму, живущую неподалеку отъ насъ, статскую совѣтницу, докторшу, изъ Нѣмокъ: она торговалась и бранилась съ купцами, какъ ключница. Это меня поободрило: видно, подумала я, это здѣсь въ тонѣ. — Счастье, что я съ нею встрѣтилась; не то сторѣла бы ео стыда, идучи домой, когда служанка несла за мною въ кулькѣ четверть телятины и индѣйку. Ко всему можно привыкнуть! Сегодня я уже пребодро пошла на рынокъ. Впрочемъ, надобно сказать и то, что я здѣсь живу на Васильевскомъ Острову, не въ самомъ городѣ. По ту сторону Невы, ни одна молодая женщина или дѣвица не пойдетъ одна, безъ лакея; всѣ станутъ на нее указывать пальцами, а на Острову, въ нѣмецкой колоніи, и генеральскія дочки нерѣдко ходятъ по улицамъ однѣ одиныхоньки, съ работнымъ мѣшечкомъ на рукѣ, въ гости къ своимъ пріятельницамъ, и никто не находитъ этого страннымъ, никто не посмѣетъ ихъ обидѣть. Хорошо же, что мы живемъ не на той сторонѣ!

Я видѣла хваленаго Мстиславцева, и должна сказать правду, сколько мнѣ кажется, онъ заслуживаетъ любовь и уваженіе нашего семей-

ства. Но, при первомъ съ нимъ свиданіи, я чуть было не надѣлала глупостей. Помнишь ли, я рассказывала тебѣ о бѣдномъ молодомъ человѣкѣ, котораго я видѣла въ петербургскомъ театрѣ, въ степной компаніи, прошлаго года, когда пріятельница покойной княгини повезла меня посмотреть игру Семеновой? Мнѣ столько наговорили о Мстиславцевѣ, что я горѣла нетерпѣніемъ его видѣть. Вотъ онъ приходитъ къ намъ. Я бросилась въ свою комнату, чтобъ переменить передникъ; матушка кличетъ меня; я захожу въ комнату, и — кого вижу? того самаго молодого человѣка! Я чуть громко не захохотала: въ ту минуту живо представились мнѣ двѣ карикатуры, съ которыми онъ сидѣлъ въ ложѣ. Удерживаясь отъ смѣха, я стала улыбаться, чтобъ скрыть невольное свое движеніе. Онъ, кажется, ничего не примѣтилъ; да онъ меня тогда въ театрѣ и не видалъ. — По видимому, онъ человѣкъ не глупый, знающій, но кажется мнѣ слишкомъ суровымъ. Одно мнѣ въ немъ очень понравилось — онъ пламенный русскій патріотъ! Я не люблю людей, особенно мужчинъ, равнодушныхъ къ славѣ и счастью своего отечества. Мнѣ кажется, что человѣкъ, который не любитъ своей родины, своего Государя, не можетъ быть ни добрымъ сыномъ, ни другомъ, ни братомъ. Мои родные любятъ Россію, но только умомъ, а Мстиславцевъ привязанъ къ ней сердцемъ, и даже боится судить о ея недостаткахъ, какъ сынъ о недостаткахъ родной

матери. — Онъ успокоиваетъ и утѣшаетъ насъ извѣстіями о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, и о гибели Французовъ. На дняхъ принесъ онъ съ собою книжку новаго журнала: Сынъ Отечества, и читалъ намъ многое. Мнѣ показалось, что я, по прежнему, въ Москвѣ, и живу въ старинномъ кругу. Въ бесѣдѣ съ Мстиславцевымъ я, что называется, *отвела душу*, наговорила по-русски. Домашніе мои, правда, говорятъ по-русски, но съ ними я охотнѣе говорю по-нѣмецки.

Вотъ все, что я могу написать въ нынѣшній разъ, милая Сонюшка! Не требуй у меня извѣстій о модахъ. Во-первыхъ, теперь здѣсь не до того: всѣ толкуютъ о войнѣ и о Французахъ; во-вторыхъ, я никого не вижу. У насъ, правда, бывають иногда дѣвицы, но онѣ въ модахъ очень отстали; носятъ за новостъ то, что мы съ тобою носили въ Москвѣ прошедшею зимою. Эти дѣвицы предобрыя и премилыя; только я не могу къ нимъ привыкнуть — такія странныя! Ихъ можно сравнить съ флигелемъ, у котораго недостаетъ двухъ среднихъ октавъ: тоны или низкіе, грубые, или ужъ самые высокіе. Онѣ, въ мысляхъ и разговорахъ своихъ, переходятъ отъ вещей возвышенныхъ вдругъ къ самымъ низкимъ: заговарятъ о брусникѣ, и вдругъ потомъ о вѣчныхъ розахъ эдемскихъ; о гармоніи сферъ, и о балалайкѣ; у одной въ ридикюль нашла я томъ Вертера и поваренную книгу — она читала ихъ попеременно. Съ мужчинами онѣ говорить боятся, и какъ будто не любятъ; отвѣ-

чаютъ имъ только: да и нѣтъ, а между собою то и дѣло, что толкуютъ о женихахъ, дразнятъ другъ друга тѣмъ или другимъ, и изъ-подтишка посмѣиваются. Я къ этому никакъ не могу привыкнуть. Признаюсь въ слабости: я люблю слушать бесѣды умныхъ мужчинъ, и спрашиваю, чего не понимаю, не вмѣшиваясь однако въ ихъ сужденія. Женскія же рѣчи мнѣ иногда до крайности надоѣдаютъ. — Но это иногда никогда не сбудется въ отношеніи къ тебѣ. Пиши ко мнѣ, что ты дѣлаешь, мыслишь, чувствуешь. Песни, какія священныя узы насъ соединяютъ — память о нашей благодѣтельницѣ!

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

28 Мая 1813.

Милая Сонюшка! Ты негодуешь на меня, что я рѣдко пишу къ тебѣ. Я виновата и невиновата. Давно должно было бы переслать къ тебѣ грамотку по условію, но что мнѣ было писать? У насъ все идетъ по прежнему, по старому. Я живу истинно счастливо въ кругу добрыхъ моихъ родныхъ, которые меня искренно любятъ. Иногда случаются помѣхи, недоразумѣнія, объясненія, но все это обыкновенно кончится ничѣмъ. Я такъ уже обжилась здѣсь, что мнѣ кажется, будто никогда не выходила изъ этого круга, и даже привыкла къ ужаснымъ лаптямъ, которые, подъ именемъ женскихъ баш-

маковъ, шьетъ на всю нашу фамилію сторожъ того департамента, въ которомъ лечитъ дядюшка. Это лишеніе было для меня тягостнѣе всѣхъ другихъ: въ Москвѣ, помнишь ли, шилъ на насъ съ тобою башмачникъ Кроко — истинный артистъ въ своемъ родѣ, а здѣсь — но полно объ этомъ. Можетъ быть, у тебя такая же антипатія къ башмакамъ, какъ у нашего добраго Дмитрія Сергѣевича: такъ лучше замолчу. Кстати о Дмитріи Сергѣевичѣ. Ты не повѣришь, во сколько кратъ жизнь въ нашемъ домѣ сдѣлалась пріятнѣе и веселѣе — отъ этого новаго знакомства. Онъ человѣкъ умный, образованный, могу даже сказать, ученый. Сначала онъ казался мнѣ насмѣшникомъ, и я его очень боялась; но, узнавъ его покороче, я увидѣла, что только нравственно-дурное можетъ возбудить его досаду и понудить къ злымъ насмѣшкамъ. Слабыя же и смѣшныя стороны человѣчества онъ, правда, замѣчаетъ очень скоро, но столь же скоро и охотно извиняетъ. Онъ молодъ лѣтами, а внушаетъ невольное уваженіе строгостью и честностью своихъ правилъ, откровенностію и прямодушіемъ. Я было вздумала, въ началѣ нашего знакомства, показать ему, что не имѣю надобности въ его урокахъ, но это его ни мало не остановило. Онъ продолжалъ журить и учить меня — такъ, что я къ этому привыкла, и теперь, начиная что либо, часто думаю: что скажетъ объ этомъ Дмитрій Сергѣевичъ? Иногда я просто спрашиваю у него совѣта, и онъ го-

ворить мнѣ свое мнѣніе безъ околичностей и комплиментовъ. Еще замѣтила я въ немъ странную особенность. Онъ не сочинитель, а судить очень хорошо объ авторахъ, о стихахъ и о прозѣ; не живописецъ, а умѣетъ чувствовать красоты живописи; не музыкантъ, а едва ли кому уступить въ самомъ нѣжномъ и утонченномъ музыкальномъ чувствѣ; не умѣетъ ступить шагу въ танцахъ, а вздумалъ критиковать меня — и, что удивительнѣе, по всей справедливости. — Относя все это на счетъ его ума, я долго пыталась узнать, доброе ли у него, сострадательное ли сердце. Случай вскорѣ представился. Дядюшка рекомендовалъ намъ одну хорошую швею, вдову недавно умершаго чиновника, оставшуюся по смерти мужа, со множествомъ дѣтей, въ величайшей бѣдности. Мы давали ей работу, и доставляли отъ нашихъ знакомыхъ. — Однажды поспорила я очень жарко съ Дмитріемъ Сергѣвичемъ на счетъ невѣрности мужчинъ, и готовилась сказать ему напрямки, что всѣ они эгоисты и неблагодарные. Этотъ споръ прервался тѣмъ, что меня позвали въ мою комнату: пришла-де швея съ заказанною ей работою. Выходя съ досадою изъ гостиной, я забыла порядочно притворить двери, и швея увидѣла всѣхъ, кто сидѣлъ у насъ. Подавая мнѣ рукавички, козыночки и т. п., она все посматривала въ двери съ видимымъ безпокойствомъ. Двери захлопнулись, и она вздохнула. Окончивъ расчетъ со мною, она пошла было, но вдругъ остановилась,

и спросила меня: «Не ошиблась ли я, сударыня? У васъ сидитъ Мстиславцевъ, Дмитрій Сергѣевичъ?» — «Точно онъ; а что?» спросила я. — «Ахъ, сударыня! Какъ я рада, что хоть мелькомъ его увидѣла. Это не человѣкъ, а ангелъ Божій! Безъ него я пропала бы въ свѣтъ! Когда онъ узналъ о смерти моего мужа и о бѣдности моей, то самъ вызвался быть моимъ ходатаемъ, а покойникъ служилъ въ другомъ отдѣленіи. Всѣ меня бросили. Онъ одинъ рѣшился хлопотать за бѣдныхъ сиротъ. По его старанію, оставили за мною квартиру, и на этихъ дняхъ выйдеть пенсіонъ. Двухъ мальчиковъ и дѣвочку помѣстилъ онъ въ казенныя заведенія. Прямой благодѣтель!» — «Не хотите ли вы его видѣть, поговорить съ нимъ?» — «Нѣтъ! нѣтъ!» отвѣчала она со страхомъ: «онъ такой строгой! Я было пошла къ нему поклониться, но онъ принялъ меня очень сухо, и сказалъ, что я ошиблась, что все это дѣлаетъ директоръ и начальникъ того отдѣленія, въ которомъ служилъ покойный мужъ мой. Напрасно я плакала и просила его выслушать мою благодарность, позволить привести къ нему сиротокъ. Куда! Разсердился до того, что слезы у него на глазахъ выступили.» — Бѣдная женщина, тщетно поискавъ глазами образа въ комнатѣ, перекрестилась глядя на дверь, и сказавъ: «дай ему Богъ всякаго благополучія!» отправилась домой. Воротясь въ комнату, я уже другими глазами глядѣла на спорщика. — «И такъ, Луиза!» сказалъ

онъ: «всѣ мужчины злые, изверги, неблагодарные?» — «Нѣтъ! нѣтъ!» отвѣчала я: «есть добрые и благородные!» И въ эту минуту, если бы не стыдно было, усердно бы его поцѣловала. Онъ не отвѣчалъ, но улыбнулся съ гордостью, думая, видно, что его умъ, его разсужденія меня образумили, и не зная того, что онъ убѣдилъ меня своимъ сердцемъ.

Должно сказать и то, что если бы я здѣсь не знала Мстиславцева, то, можетъ быть, скоро перестала бы думать, что въ нынѣшнемъ поколѣнїи мужчинъ есть хорошіе люди. Въ одномъ изъ прежнихъ моихъ писемъ я, виновата, позабавилась на счетъ здѣшнихъ дѣвицъ. Но мужчины — эти властители міра — какъ они бываютъ мелки, жалки и смѣшны! Ты знаешь, по моимъ письмамъ, знакомцевъ нашихъ, Кибица и Барона Круммгольца. Вотъ люди, вотъ мужчины! Отгадай, что въ нихъ есть общаго? Страсть къ лошадямъ! Когда попадутъ на этотъ любимый пунктъ — все прочее забыто. Кибицъ съ торжествомъ повѣствуетъ, какъ лихо онъ на бѣгу обогналъ какого-то извозчика, Шарикова, а Круммголецъ толкуетъ, какъ онъ, еще въ родительскомъ домѣ, усмирилъ буйнаго коня, насыпавъ ему гороху въ лѣвое ухо. Разсказывая это, онъ воображаетъ себя лошадыю, склоняетъ голову на правый бокъ, и трясетъ ею, какъ усмиренный имъ шиммель. Милый предметъ! И, вообрази, при этихъ повѣствованіяхъ, конные герои обращаются къ намъ, женщинамъ, и за-

ставляютъ насъ рѣшить спорные пункты! И Кибицъ и Круммгольцъ горды и спесивы — но Кибицъ хвастаетъ своимъ богатствомъ и числомъ артельщиковъ у отца его, а Круммгольцъ чванится стариннымъ дворянствомъ и предками, которыхъ онъ по-французски называетъ *mes ânes* — вольный переводъ: *meine Ähnen*.

Довольно ли *médisance* въ моемъ письмѣ? Я побоялась бы высказать все это, а пуще въ компаніи, но на письмѣ, въ бесѣдѣ съ тобою, позволяю себѣ иногда позабавиться на счетъ ближняго. Говорятъ (и это довольно справедливо), что мужчины природные наши враги. Я по неволѣ похвалила одного; теперь посмѣялась на счетъ двоихъ — и это такъ быть должно. — Но какая нотація досталась бы мнѣ, если бъ объ этихъ дружескихъ сообщеніяхъ узналъ Дмитрій Сергѣевичъ!

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

24 Октября 1813.

Если бъ я не была увѣрена въ томъ, что ты, со времени нашей разлуки, не выѣзжала изъ Нижняго Новагорода, то могла бы подумать, что ты пожила здѣсь, въ С. Петербургѣ, и у нынѣшнихъ любезныхъ моихъ подругъ выучилась искусству дразнить. Такъ ты и въ правду воображаешь, что я равнодушна къ Мстиславцеву? Если истинно уважать благороднаго че-

ловѣка, искренно довѣрять ему, охотно его слушать и слушаться — значитъ быть къ нему равнодушною, то — признаюсь, ты права. Но если ты разумѣешь подъ равнодушіемъ что либо сильнѣе, пламеннѣе, то жестоко ошибаешься, душа моя! — Я многимъ ему обязана: съ нимъ могу наговориться досыта по-русски и по-французски (жаль только, что онъ при другихъ никакъ не хочетъ говорить со мною по-французски); отъ него получаю хорошія книги; ему могу иногда повѣрять и маленькія мои недоумѣнія и страданія, будучи увѣрена, что найду и совѣтъ, и наставленіе, и участіе; но вотъ и все тутъ. Къ тому еще могу прибавить, что врядъ ли какой дѣвицѣ удастся тронуть его сердце. Добрыя мои подруги, видя, какъ онъ коротокъ въ нашемъ домѣ, видя, какъ всѣ его любятъ и уважаютъ, вздумали услужить ему, и донесли мнѣ за тайну, что онъ года два тому назадъ былъ влюбленъ въ одну знатную дѣвицу, былъ и помолвленъ съ нею, но поссорился въ ея домѣ за сужденія свои слишкомъ смѣлыя, и принужденъ отказаться отъ руки богатой невѣсты, а она между тѣмъ вышла замужъ. Мнѣ досадно было это слышать; я не хотѣла было вѣрить, но всѣ обстоятельства сватовства и разрыва были мнѣ сообщены такъ подробно и положительно, что я не могла сомнѣваться. Такъ и онъ вѣтреникъ, какъ всѣ мужчины? думала я: такъ и онъ можетъ увѣрять дѣвицу въ любви, и потомъ забыть ее совер-

шенно, даже ни однимъ неосторожнымъ вздохомъ не показать, что онъ въ жизни своей чувствовалъ? Любопытство мое было возбуждено до крайности. Однажды, будто невзначай, я назвала фамилію того знатнаго дома, изъ котораго была эта дѣвица. Вижу въ немъ невольное движеніе; краска пробѣжала по лицу, какъ блескъ молніи. «Такъ! это правда!» подумала я: «о мужчины!» — Я не могла смотрѣть на него равнодушно, не могла отвѣчать ему по обыкновенію, думая, что и онъ вѣроломный, что онъ въ состояніи или забыть любовь свою или увѣрять въ любви, которой не чувствуетъ. Прошло около недѣли въ этомъ мучительномъ недоумѣніи. Вотъ я, при чтеніи какого-то романа, въ которомъ сказано было, что всякъ долженъ хоть разъ въ жизни влюбиться, вдругъ обратила къ нему вопросъ: «А вы, Дмитрій Сергѣевичъ, были ли когда нибудь влюблены?» — Онъ ни мало не смѣшался, и отвѣчалъ, улыбаясь: «виновать!» И онъ можетъ говорить такъ холодно? подумала я: неблагодарный! — «На девятнадцатомъ году отъ роду, въ продолженіе шести недѣль вздыхалъ я по премиленькой дѣвицѣ: свидѣтельствомъ тому могутъ служить вамъ два мадригала и акrostихъ Наташѣ, напечатанные въ *Журналъ для милыхъ*. Но она вышла замужъ, и любовь моя испустила послѣдній вздохъ.» — «И только?» — «Только! Потомъ вздумали было мои родственники женить меня. Я сдѣлалъ глупость, согласился; хотѣлъ принудить себя полюбить

мою суженую, и казалось, начиналъ уже, но вдругъ замѣтилъ, что она меня не любитъ, что сердце у ней не такое, какого я ищу, и расстался съ нею.» — «А можно ли узнать, кто была эта послѣдняя?» — спросила я съ безпокойствомъ. — «Воспитанница Графини Сугробовой; она теперь за мужемъ за какимъ-то таможеннымъ.» — Такъ! это та самая. И онъ высказалъ мнѣ это съ обыкновеннымъ своимъ чисто-сердечіемъ и простодушіемъ. Гора свалилась у меня съ сердца. Но право, не отъ ревности или чего нибудь подобнаго. Я уважаю Мстиславцева болѣе всего за его честность, правдивость и благородство: онъ никогда не говорилъ ни малѣйшей неправды, а тутъ вдругъ я предвидѣла, что онъ испортитъ добрую свою славу въ моемъ воображеніи; думала, что я должна буду и его поставить въ рядъ тѣхъ неблагодарныхъ, лукавыхъ людей, которые играютъ нашими сердцами. Слава Богу, нѣтъ! Пусть онъ останется нечувствительнымъ, только бы не выказывалъ того, чего самъ чувствовать не можетъ. — Вотъ я съ нимъ примирилась въ сердцѣ своемъ. — Онъ замѣтилъ мою угрюмость; догадывался, что онъ самъ отчасти тому причиною, и старался узнать въ точности, отъ чего я нѣсколько дней была не въ духѣ. Я успѣла отшутиться. Странные люди! негодуютъ на насъ за то, что мы бываемъ не веселы, печальны, угрюмы, необходимы. Да наша ли это вина! Стѣсненіе и принужденность, въ которыхъ мы осу-

ждены жить, заставляют насъ скрывать въ глубинѣ души наши мысли, чувства, радости и опасенія, и тогда можетъ ли быть свѣтло и гладко на ея поверхности? Мужчины счастливы насъ: они имѣютъ тысячи развлеченій, тысячи другихъ заботъ и утѣхъ, а мы должны жить съ своимъ бѣднымъ сердцемъ. У нихъ пылкое чувство вырывается наружу; у насъ, чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ глубже затаивается въ нашей груди. Они насъ не понимаютъ, и мучатъ вопросами и сомнѣніями. Мы же, и я этому удивляюсь, совершенно ихъ понимаемъ, и нѣкоторые изъ насъ могутъ любить ихъ. — Ахъ! если бы отъ меня зависѣло создать сердце мужчины!

Какъ же я затолковалась о сердцахъ! Но это самое пусть тебѣ покажетъ, какъ я равнодушна. Въ страсти разсуждать было бы невозможно.

Р. S. Еще въ одномъ я должна оправдать М. Въ прежнемъ письмѣ я говорила, что онъ не сочинитель. Нѣтъ, онъ поэтъ, и очень чувствительный и краснорѣчивый. По моей просьбѣ, онъ премило перевелъ съ французскаго языка любимый мой романсъ. Перешлю къ тебѣ по по первой почтѣ.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

18 Мая 1813.

Мы привыкли къ нашему бѣдствію, милая Сонюшка! Трудно было папенькѣ снести потерю двухъ важныхъ мѣстъ. Маменька горевала неумолчно. Теперь поутихла печаль, и теплая вѣра въ помощь всеблагаго Провидѣнія всѣхъ насъ утѣшила и успокоила. Мнѣ было представился случай помочь добрымъ моимъ родителямъ: меня приглашали ѣхать гувернанткою въ Малороссію. Я заглушила въ себѣ ненависть къ этому званію, готовилась согласиться, но папенька рѣшительно объявилъ, что не отпуститъ меня отсюда. И въ самомъ дѣлѣ, смѣю ли оставить моихъ родителей? Они старѣются, дряхлѣютъ, и могутъ ли деньги замѣнить имъ попеченія благодарной дочери? — А трудиться для нихъ, помогать имъ въ несеніи бремени житейскаго — какое это услажденіе! — Впрочемъ наши дѣла поправляются. Дмитрій Сергѣевичъ пріискалъ уже папенькѣ одно хорошее мѣсто въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ будетъ въ безопасности отъ злобныхъ доносовъ. — Добрый, любезный Дмитрій Сергѣевичъ! Какъ часто замѣчаю я въ немъ порывы помочь намъ какимъ нибудь образомъ, и эти порывы вдругъ останавливаются мыслию, что онъ можетъ оскорбить насъ своею помощью. Но его участіе, его утѣшительная бесѣда насъ успокоиваютъ и, могу сказать, счастливятъ. Папенька съ нимъ нерѣдко

спорилъ , и иногда довольно откровенно , такъ , что иной могъ бы и осердиться ; но онъ забывалъ все при первомъ ласковомъ словѣ. Теперь старику крайне предъ нимъ совѣстно: онъ старается изгладить непріятныя впечатлѣнія, и обходится гораздо привѣтливѣе прежняго. Маменька все та же — души въ немъ не слышитъ. Брату моему онъ доставилъ мѣсто очень выгодное. Словомъ: онъ намъ истинный, вѣрнѣйшій другъ. — Послѣ этого перестань, пожалуйста, шутить на его счетъ. Право, онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ обыкновенныхъ молодыхъ людей, которыхъ мы съ тобою видали на вечеринкахъ и на балахъ. Изъ уваженія къ нему, я успѣла уже нѣсколько разъ побѣдить въ себѣ угрюмость или, какъ это называется по-французски: *mauvaise humeur*, которой онъ не терпитъ. Трудно, очень трудно, но возможно, и когда преодолѣешь, какъ это пріятно! Желалось бы мнѣ симъ принужденіемъ совершенно отучить себя отъ этой слабости. Можетъ быть, успѣю. — Прости, милая Sophie! Лечу къ тебѣ мыслию! Мыслию ношусь надъ могилою незабвенной моей благодѣтельницы! Ахъ, если бъ ея желанія были исполнены, я не тосковала бы теперь о жребіи моихъ родителей!

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

23 Іюля 1818.

Ты часто жалуешься, что письма мои не веселы, и на тебя наводятъ грусть. Нынѣ встала я въ самомъ веселомъ, пріятномъ расположеніи духа, и хочу воспользоваться кратковременнымъ досугомъ, чтобъ написать къ тебѣ нѣсколько строкъ. Вчера праздновали мы день именинъ маменьки прогулкою по невскимъ островамъ. Кто не бывалъ въ Петербургѣ, тотъ не можетъ вообразить себѣ, какъ милы приморскія его окрестности. Первое мое удовольствіе посѣщать сіи прелестныя мѣста, и я очень обрадовалась, что, вмѣсто обыкновенной вечеринки, будетъ въ этотъ день прогулка! Мы ѣздили всѣмъ семействомъ одни — одни, т. е. съ Дмитріемъ Сергѣевичемъ. Онъ сдѣлался у насъ въ домъ совершенно роднымъ, и безъ него радость у насъ не въ радость. И вчера папенька обошелся съ нимъ дружлюбнѣе, нежели когда либо. Это меня порадовало, и когда мы ѣхали домой, когда мнѣ въ шлюпкѣ пришлось сѣсть подлѣ него, когда время утекало въ дружескомъ, братскомъ разговорѣ, странная мысль, но очень пріятная, усладительная, возникла въ душѣ моей. «Что́,» подумала я — «если бъ и впрямь» —

Меня кличетъ матушка. Кончу послѣ.

Софія! Софія, другъ мой! Что сдѣлалось со мною въ этотъ часъ, который прошелъ съ той минуты, какъ я прервала письмо мое? Софія! не оставь меня! Другъ мой! я внѣ себя отъ недоумѣнія и испуга. Изнемогаю подъ бременемъ самыхъ мучительныхъ ощущеній и мыслей. Дай опомниться.

Вотъ какъ это было. Меня позвали въ гостиную. Папенька сидѣлъ на софѣ, держа въ рукъ распечатанное письмо. Маменька стояла подлѣ него, и весело улыбалась. «Луиза!» сказалъ папенька: «это письмо касается тебя. Ты совершенно свободна располагать своимъ сердцемъ и рукою. Скажу тебѣ, что на тебѣ сватается....» — «Кто?» спросила я съ изумленіемъ. — «Господинъ Кибицъ — не сынъ, а отецъ его, человѣкъ достаточный и почтенный.» Я остолбенѣла. «Да, милая Луиза!» подхватила маменька: «мы тебя не принуждаемъ. Дѣлай, что хочешь. Господинъ Кибицъ человѣкъ богатый, миліонщикъ. Вышедъ за него замужъ, ты получишь въ десять разъ болѣе того, что хотѣла дать тебѣ княгиня. И въ нашемъ бѣдномъ состояніи, при наступленіи старости, при этой большой семьѣ....» — она говорила еще много чего-то, но я едва себя помнила. Въ головѣ у меня застучало, а сердце какъ будто остановилось. Вдругъ я вспомнила о моихъ желаніяхъ, планахъ, мечтахъ, какъ хотѣла пожертвовать всѣмъ, что имѣла, благу и спокойствію моихъ родителей; какъ сто разъ произносила въ душѣ

клятву не дорожить ничѣмъ для ихъ счастія. Теперь явился случай. Но отъ чего это мнѣ такъ тяжело? Не знаю. Но чѣмъ тяжеле жертва, тѣмъ она святѣе, тѣмъ угоднѣе Богу. И я вдругъ прервала рѣчь маменьки словами: »иду, иду за него!» бросилась къ ней на шею, и зарыдала. Она заплакала также. И папенька подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня съ радостными слезами, и сказалъ: «Дай Богъ тебѣ счастія, Луиза!» — Мнѣ счастія? мнѣ? На что мнѣ! Имъ, имъ хочу я доставить счастіе. — Пусть будетъ такъ. — Я еще не ознакомилась съ этою мыслию. Можетъ быть, скоро привыкну. У кого бы мнѣ спросить совѣта? Сонюшка моя разлучена со мною. У него — нѣтъ! Ахъ, нѣтъ! у него не спрошу. Что со мною сдѣлалось? Отъ чего я боюсь его? Отъ чего страшусь его увидѣть? А притомъ, какъ бы мнѣ хотѣлось услышать слова отрады и утѣшенія изъ устъ его! Я душевно его — нѣтъ! нѣтъ! Я не люблю его! — Софія! Софія! растолкуй мнѣ, что со мною сдѣлалось. Я сама себя не понимаю. Вотъ прошелъ часъ послѣ объясненія съ моими родителями, а я еще не могу опомниться. Ужасно! ужасно! — Оканчиваю это письмо, и еще сегодня отправляю на почту, чтобъ ты скорѣе могла отвѣчать мнѣ. Ахъ, Софія! найди мнѣ утѣшеніе. Я очень, очень несчастна!

ПИСЬМО ОСЬМОЕ.

16 Августа 1818.

Ты конечно не можешь понять причины долгаго моего молчанія, любезная Софія! А я не понимаю, какъ и теперь имѣла духъ взяться за перо, чтобъ описать тебѣ странныя и непонятныя для меня происшествія истекшихъ трехъ недѣль. Я, помнится, отправила къ тебѣ письмо въ субботу, 23 іюля. Такъ кажется? Да, такъ точно. Ты видѣла изъ тогдашнихъ немногихъ строкъ, написанныхъ мною въ какомъ-то изступленіи, что мнѣ предстояло — быть женою человека, котораго я не знала, котораго и зная, не могла бы уважать. Но участь добрыхъ моихъ родителей налагала печать молчанія на уста мои и сердце. Я повиновалась долгу своему, и видно, это твердое намѣреніе, пожертвовать своею жизнію благу моихъ родителей, было угодно Всемилосердому: чаша сія прошла мимо. Благодареніе Богу! Теперь я могу доказать любовь мою къ отцу и матери, не жертвуя собою.

Извѣстіе о сватовствѣ Кибица меня оглушило. Я не помнила самой себя. На другой день, въ воскресенье, хотѣла я пойти къ обѣднѣ, чтобъ усердно помолиться Богу и выплакаться; но мнѣ объявили, что это не водится; что въ тотъ день возглашаютъ всему приходу о моей помолвкѣ, и я не должна являться въ публикѣ, какъ бы на позорище. Что дѣлать? Я просидѣла

*

утро дома, занимаясь — чѣмъ бы ты думала? — приготовленіемъ наряда на тотъ день. Мы были приглашены Кибицомъ къ обѣду. Не знаю, что и какъ я скропала. Голова у меня кружилась; въ глазахъ тускло, руки дрожали. Одно утѣшало меня — это радость маменьки! Мысль о томъ, что любезная ея Луиза выходитъ замужъ, и притомъ за богатаго человѣка, восхищала ее до крайности. «Боже мой!» думала я про себя: «какъ сильно люди, по мѣрѣ приближенія къ старости, привязываются къ благамъ земнымъ! Матушка всегда была умѣренна, бережлива, но довольна своимъ состояніемъ; скупости и жадности къ богатству я въ ней никогда не замѣчала. А теперь, какъ она радуется, какъ восхищается мыслию, что я буду богата! Неужели мы всѣ къ старости сдѣлаемся такими же?» Утро этого дня было безконечно длинно. Въ двѣнадцать часовъ получили мы отъ Кибица записку, въ которой онъ извинялся, что, по внезапному стеченію неожиданныхъ важнѣйшихъ дѣлъ, не можетъ исполнить пріятнаго долга сдѣлать намъ визитъ, но проситъ непременно обѣдать у него въ пять часовъ, обѣщая прислать, по обыкновенію, карету. «Вотъ купцы!» сказалъ папенька, поморщась: «у нихъ банковыя и биржевыя дѣла важнѣе жизни и души! Ну, какъ можно не удосужиться на четверть часа, чтобъ посѣтить свою невесту? Странные люди! Мнѣ трудно будетъ привыкать къ этому образу жизни.» — «А мнѣ-то каково?» подумала я про себя. — «И что

это за обѣдъ, въ пять часовъ! Словно въ сумасшедшемъ домѣ! — Нѣтъ! я просто пообѣдаю теперь, и до женихова обѣда успѣю еще проголодаться.» — Эти недружелюбныя слова, это неудовольствіе папеньки не предвѣщали мнѣ добра въ будущемъ, но признаюсь, утѣшали меня нѣкоторымъ образомъ: мнѣ казалось, что лучъ надежды промелькнулъ въ этомъ темномъ лабиринтѣ. Мы пріодѣлись и ждали кареты — конечно съ различными чувствованіями. Въ исходѣ пятого застучало по мостовой. Я невольно вздрогнула — мнѣ показалось, что дроги подъѣзжаютъ ко крыльцу. Мы поѣхали. Странно было, что, вмѣсто лакея, стоялъ на запяткахъ артельщикъ съ бородою, въ русскомъ кафтанѣ. Но экипажъ былъ прекрасный. Папенька съ видимымъ удовольствіемъ покачивался на эластическихъ подушкахъ, приговаривая: «что ни говори, а богатство, право, вещь не дурная!» — «Прекрасная вещь!» прибавила маменька, съ улыбкою поглядывая на меня. Въ передней встрѣтилъ насъ молодой Кибицъ учтиво, но холодно, и повелъ въ гостиную, извиняя отца, который занимался въ конторѣ. Въ гостиной нашли мы нѣсколько мужчинъ и трехъ незнакомыхъ дамъ, одну пожилую и двухъ молоденькихъ. Онѣ встали, и поклонились намъ сухо, съ какимъ-то выраженіемъ досады. Начались разговоры о погодѣ и тому подобномъ. Разглядывая дамъ, я замѣтила въ нихъ большое сходство съ портретомъ второй жены г. Кибица, висѣвшимъ въ

этой комнатѣ, и начала догадываться, кто онъ. Въ послѣдствіи я узнала, что это дѣйствительно мать и сестры покойницы. Кибицъ пригласилъ ихъ, чтобъ мы были не однѣ женщины въ его домѣ. Вниманіе не лишнее, но и не очень деликатное. Пріятно ли имъ было видѣть ту, которая должна занять мѣсто ихъ дочери и сестры? — Чрезъ нѣсколько времени явился самъ Кибицъ. Я затрепетала, ожидая какихъ нибудь объясненій и т. п. Но страхъ мой былъ напрасенъ. Онъ поцѣловалъ руку маменькѣ, спросилъ насъ о здоровьѣ, сказалъ, что радуется, видя насъ у себя, и непосредственно послѣ этого обратился къ одному изъ гостей съ словами: «Паденіе курса ужасное: восемь и пятнадцать тридцать вторыхъ!» Тотъ отвѣчалъ, и у нихъ завязался разговоръ жаркій, но мнѣ вовсе непонятный. По взглядамъ маменьки я видѣла, какъ ей непріятно равнодушіе моего жениха, а я благодарилла небо за это равнодушіе! — Чрезъ полчаса пошли къ столу. Никто не думалъ вести дамъ, и мы отправились на одинъ конецъ длиннаго стола, а Кибицъ съ мужчинами на другой. Меня посадили на первомъ мѣстѣ, прямо противъ Кибица. По правую руку сѣла маменька, по лѣвую теща Кибица, за нею дочери, и т. д. Столъ накрытъ и убранъ былъ великолѣпно. У маменьки, я видѣла, глазки разбѣжались при взглядѣ на золотой десертный сервизъ, на фарфоровыя тарелки и миски, на прекраснѣйшій граненый кристалъ, на тонкое столовое бѣлье.

Сначала господствовало за столомъ молчаніе, но послѣ первыхъ двухъ блюдъ пошли разговоры, все громче и громче. Кибицъ наливаль себѣ и другимъ разныхъ винъ, хвалился богатствомъ своего погреба, и при догадкѣ о малѣйшемъ сомнѣніи гостя, хватался за бумажникъ въ боковомъ карманѣ, чтобъ показать записку, при которой получилъ ихъ изъ-за моря. Помнится, онъ называлъ это фактурою. Изъ нашего общества одинъ дядюшка пользовался изобиліемъ стола. Папенька былъ недоволенъ и скученъ, кушалъ мало, и пилъ почти одну воду — онъ не привыкъ обѣдать такъ поздно. Маменька также не кушала, но, кажется, по другой причинѣ: все, видѣнное ею, слишкомъ ее поражало. Я была въ состояніи, какого описать не умѣю. Мнѣ чудилось, что я приговорена къ смерти, и что могу сосчитать минуты, сколько мнѣ осталось жить. Сосѣдки наши за столомъ были также молчаливы и печальны. Вдругъ Кибицъ, посреди обѣда, обратился къ тещѣ своей съ сими словами: «Каролина Петровна! Помните ли вы, за четыре года предъ симъ вы у меня обѣдали точно такъ, какъ сегодня — только на мѣстѣ мамзель Миллеръ, сидѣла Лоттхенъ. Какъ времена переменяются!» Сказавъ это, онъ захохоталъ и выпилъ бокаль вина. Бѣдная старушка залилась горькими слезами. Мнѣ въ эту минуту представилось, что этотъ жребій ожидаетъ и меня, что и на моемъ мѣстѣ сядетъ другая, и родители мои осиротѣютъ. Я, въ невольномъ

движеніи души, забылась до того, что обняла несчастную мать, и смѣшала мои слезы съ ея слезами. Опомнясь, я осмотрѣлась, и вижу, дочери ея глядятъ на меня привѣтливо и уныло; напенька также обратилъ на меня глаза, увлажненные слезами. «Добрая Луиза!» шепчетъ мнѣ маменька. Но прочіе не обращали вниманія на эту семейную сцену. Они громко толковали о баркахъ и куляхъ. — Часа черезъ два, Каролина Петровна, знакомая съ обычаями этого дома, встала изъ-за стола, и пригласила насъ въ другія комнаты. Мужчины остались въ столовой. Дѣвицы дружелюбно взяли меня подъ руки, и повели въ отдаленную залу, къ флигелю. На немъ лежали еще ноты, нетронутыя со времени кончины ихъ сестры. Старушки наши познакомились, сѣли на диванъ, и заговорили, а мы занялись музыкою. Обѣ сестры прекрасно играютъ на фортепіанѣ. Сыгравъ очень искусно нѣсколько трудныхъ пьесъ *à quatre mains*, онѣ просили меня сдѣлать имъ то же удовольствіе. Музыка настроила душу мою въ какомъ-то неизвѣстномъ мнѣ дотола, непонятномъ тонѣ. Я охотно согласилась на ихъ предложеніе; сѣла, начала играть, играла, играла — вдругъ, какъ будто издали слышу голосъ маменьки: «что съ тобою, Луиза!» и болѣе ничего уже не помнила. Я очнулась, говорятъ, чрезъ нѣсколько минутъ, на рукахъ новыхъ моихъ знакомокъ. Маменька терла мнѣ виски спиртомъ. Какъ пріятенъ былъ этотъ сонъ безъ видѣній! Не таково ли усыпле-

ніе смерти? На вопросы мои, что случилось, мнѣ сказали, что я заиграла русскую пѣсню, заиграла такъ, что всѣхъ привела въ удивленіе, и вдругъ лишилась чувствъ. — Я вскорѣ оправилась.

Передъ диваномъ стоялъ столъ съ чайнымъ приборомъ. Каролина Петровна готовила чай. Вдругъ толпа гостей съ громкимъ хохотомъ вошла въ комнату. Всѣ они раскраснѣлись. У каждаго была во рту трубка или сигарка. Папенька былъ блѣденъ, молчаливъ, и даже не курилъ. Дядюшка, глядя на него, опѣшилъ, и забылъ обыкновенную свою веселость. Когда отпили чай, гости сѣли за карточные столы, и намъ вскорѣ объявили, что карета готова. Между тѣмъ смерклося. Мы поѣхали, не простясь съ хозяиномъ, который не обращалъ на насъ ни какого вниманія. Шелъ дождь, дулъ вѣтеръ; темнота ужасная, какъ въ октябрѣ. Сначала всѣ молчали. Дядюшка первый прервалъ безмолвіе похвалою великолѣпному столу и гостепріимству Кибица. Маменька воспользовалась этимъ, и стала исчислять всѣ выгоды богатства. Дядюшка пошелъ далѣе: смѣло утверждалъ, что всѣ физическія болѣзни и нравственные пороки человѣка происходятъ отъ убожества, и что никто не можетъ такъ знать и чтить Бога, какъ человѣкъ богатый, осыпанный дарами Провидѣнія. Я не противорѣчила этимъ софисмамъ. И папенька молчалъ, но лишь только дядюшка кончилъ похвальную рѣчь золоту, онъ произнесъ съ глубокимъ чувствомъ:

«Wer nie sein Brot mit Thränen aß,
Wer nie die kummervollen Nächte
Auf seinem Bette weinend saß,
Der kennt euch nicht, ihr himmlischen Mächte (*)!»

Эти слова показали маменькѣ и дядюшкѣ, что рѣчи ихъ неумѣстны и неосновательны, а въ мое сердце пролили цѣлебный бальсамъ надежды. Всѣ молчали до самаго пріѣзда домой. Прощаясь со мною, папенька обнялъ меня съ нѣжностью, и казалось, хотѣлъ что-то сказать.

Дня три протекли безъ всякихъ происшествій. Я не слыхала ни слова о Кибицѣ. Однажды только замѣтила я, что дядюшка, вошедъ въ комнату, началъ говорить: «вообразите, нашъ добрый» — маменька подала ему знакъ, и онъ замолчалъ въ смущеніи. Я боялась спрашивать. Въ одно утро, когда мы всѣ сидѣли за чайнымъ столомъ, папенька обратилъ рѣчь ко мнѣ: «Добрая моя Луиза! Я не стыжусь признаться, что поступилъ слишкомъ поспѣшно и, въ моихъ

(*) «Кто не обливалъ слезами дневной своей пищи, кто, плача, не проводилъ безъ сна мучительныхъ ночей на одрѣ своемъ, тотъ не знаетъ васъ, небесныя силы!» — (Wilhelm Meisters Lehrjahre, Bd. 3. Cap. 13.) На Французскій языкъ эти стихи переведены слѣдующимъ образомъ:

Toi, qui jamais ne baignais de tes pleurs
Les mets de tes festins, ni ton lit de douleurs,
Qui ne veillais jamais dans l'ombre et la souffrance,
Attendant le retour d'un jour lent à venir,
Va, tu ne connais pas la céleste espérance!
Va, tu ne connais pas le céleste avenir!

лѣтахъ, неизвинительно. Я принялъ предложеніе господина Кибица, сообщилъ тебѣ, получилъ твое согласіе, объявилъ ему, а самъ не зналъ его коротко. Теперь вижу: онъ человѣкъ богатый, въ своемъ дѣлѣ свѣдущій, можетъ быть, и честный по-своему, но тебѣ въ мужа не годится. Я рѣшился ему отказать. Больно сдѣлать это по объявленіи тебя его невѣстою, но лучше снести легкое оскорбленіе честолюбія, нежели пожертвовать ему благомъ своего дѣтища. Я наблюдалъ за тобою, и вижу, что ты чувствуешь отвращеніе къ этому человѣку; вижу, что ты согласилась пойти за него единственно для того, чтобъ осчастливить твоихъ родителей. Знай же, что наше счастье въ твоёмъ счастьи! Ты свободна!» — Я была внѣ себя отъ радости и восторга, бросилась обнимать папеньку и маменьку, и благодарить ихъ, признаюсь, слишкомъ откровенно. Маменька молчала: еще разъ исчезли любимыя ея мечтанія о богатствѣ и изобиліи! Папенька сѣлъ писать къ Кибицу. Вдругъ является полицейскій офицеръ съ какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ. — Папенька, который боится полиціи какъ огня, измѣнился въ лицѣ, и спросилъ, чего имъ угодно. Незнакомый отвѣчалъ ему очень учтиво по-нѣмецки, что они пришли по дѣламъ конкурсной массы (кажется, такъ) купческаго дома Кибица и компаніи; что Кибицъ вчера объявилъ себя банкротомъ и уѣхалъ въ Ригу, что все его имѣніе описано, и имъ поручено отобрать подарки у его невѣсты. —

Папенька былъ въ самомъ непріятномъ, затруднительномъ положеніи. Онъ собрался кое-какъ съ духомъ, и отвѣчалъ посланнымъ, что г. Кибицъ третьяго дня прислалъ къ нему нѣсколько корзины и ящиковъ (а я этого и не знала), но что онъ отправилъ ихъ обратно, сказавъ, что будетъ время давать подарки послѣ свадьбы. — Посланные откланялись, а мы остались въ самомъ досадномъ положеніи: согласились имѣть зятемъ Кибица, когда онъ былъ богатъ, а теперь, когда онъ въ несчастіи, отрекаемся, отъ него. Никто не зналъ, что дѣлать. Но это уладилось само собою. Чрезъ часъ принесли отъ Кибица письмо, въ которомъ онъ, извѣщая о прекращеніи своихъ платежей и всѣхъ коммерческихъ дѣлъ, объявлялъ, что ѣдетъ въ Ригу, и просилъ сохранить его въ нашей благосклонной памяти. Это былъ обыкновенный купеческій циркуляръ. Внизу было приписано рукою Кибица: «Получивъ обратно подарки, посланные мною дочери вашей, всепокорнѣйше благодарю за вниманіе, и если случится вамъ какое либо дѣло въ Ригѣ, прошу не оставить вашею довѣренностію.» — Родители мои свободно вздохнули. Я ожила вновь. Къ обѣду явился дядюшка, и рассказалъ всѣ обстоятельства банкротства. Кибицъ, въ сообществѣ съ другими иностранными купцами, взялся поставить хлѣбъ къ нашей арміи, обманулъ правительство, и взявъ деньги, не поставилъ ничего. На все его имѣніе наложенъ секвестръ. Въ Ригѣ наряжена слѣд-

ственная коммиссія, и онъ долженъ туда ѣхать. — Теперь объяснился намъ и странный пріемъ въ его домъ, въ воскресенье. Онъ заготовилъ письмо, въ которомъ сватался на мнѣ, въ пятницу, обыкновенный почтовый день. Въ воскресенье поутру получилъ онъ нарочнаго изъ Риги съ извѣстіемъ, что дѣла приняли дурной оборотъ, что правительство догадывается о плутняхъ, и т. д. Онъ смутился этимъ извѣстіемъ, но не терялъ еще надежды. Сватовство на мнѣ было дѣло коммерческое, то есть, въ домъ надобно было имѣть хозяйку, которая, не будучи отвратительно дурна собою, умѣла бы говорить по-французски и по-русски, чтобъ принимать нужныхъ и почетныхъ людей; но такъ какъ эта спекуляція была не главнѣйшая, а подчинялась расчетамъ провіантскимъ, то Кибицъ и не считалъ за нужное прилежно ею заниматься. Вотъ причина его холодности, разсѣянности и даже неуваженія ко мнѣ, которое меня въ душѣ радовало. На другой день онъ спохватился, и послалъ подарки, но, къ счастью моему, они попались въ руки папеньки. На третій день получена имъ была другая эстафета, съ извѣстіемъ, что все пропало, и что онъ, для избавленія себя отъ строгаго взысканія, долженъ самъ ѣхать въ Ригу. Онъ извѣстилъ объ этомъ несчастіи всѣхъ своихъ знакомыхъ циркуляромъ, и мы получили одинъ экземпляръ. —

Страшно подумать, на краю какой ужасной пропасти я стояла. Еще три недѣли — и твоя

Луиза была бы несчастнѣйшимъ существомъ въ міръ! Богъ спасъ меня! Мои старики увидѣли, съ какимъ человѣкомъ готовились вступить въ союзъ, и ужаснулись. Папенька обходится со мною вдвое ласковѣе и нѣжнѣе прежняго, а маменька и не упоминаетъ о потерянной надеждѣ жить въ довольствѣ и изобиліи.

Я обрадовалась, что кончила этотъ мучительный рассказъ, но перечитывая написанное мною, вижу, что не упомянула о главнѣйшемъ — что не говорила о немъ. Ахъ, Софія! его, нашего вѣрнаго друга, добраго Дмитрія Сергѣевича, нѣтъ уже съ нами. Я назвала его другомъ — пусть онъ останется въ моемъ сердцѣ подъ этимъ именемъ. Никогда не забуду я того, что однажды сказала мнѣ незабвенная моя благодѣтельница: *On ne connaît que le bonheur perdu* (*). Теперь я чувствую справедливость этого изреченія сильнѣе, нежели когда нибудь. Я такъ привыкла къ его бесѣдѣ, къ его дружеской откровенности, къ его предупредительному вниманію, даже къ какой-то власти, которую онъ пріобрѣлъ надо мною, что мнѣ казалось, будто это никогда не прекратится, будто это такъ быть должно, и иначе быть не можетъ. И именно, наканунѣ того дня, въ который разрушилось мое тихое, незавидное для другихъ счастье, я чувствовала

(*) Люди знаютъ только то счастье, котораго уже лишились.

это сильнѣе, нежели когда нибудь, и даже мысль о томъ, что онъ можетъ быть для меня болѣе, нежели братомъ, закралась въ мою душу. На другой день — —

Нѣтъ, нѣтъ! не стану притворяться! Скажу тебѣ всю правду, что при этомъ ужасномъ потрясеніи всего существа моего, открылась тайна, которая дотолѣ таилась во глубинѣ души моей.

И я его увидѣла, увидѣла — и простилась съ нимъ навѣки! Послѣ обѣда, въ тотъ самый день, когда я думала, что рѣшилась судьба моя, сидѣла я одна дома, и работала за пядьцами. Это занятіе было мнѣ въ то время болѣе всѣхъ по сердцу: во-первыхъ, оно не мѣшаетъ думать о другомъ; во-вторыхъ, можно отвѣчать на вопросы, не поднимая глазъ. Вотъ я сижу, работаю, прислушиваюсь къ разговорамъ дѣтей, и мыслию ношусь въ прошедшемъ. Зазвонилъ колокольчикъ. Я думала, пришелъ кто нибудь изъ домашнихъ. Отворяется дверь, и онъ входитъ въ комнату, блѣдный, разстроенный. Я не знала, что со мною будетъ. Поздоровавшись съ дѣтьми, онъ объявилъ мнѣ дрожащимъ голосомъ, что уже видѣлъ маменьку, что онъ пришелъ проститься, что ѣдетъ по службѣ за границу. — Дѣти бросились прощаться съ нимъ; я почувствовала горячія губы его на моей рукѣ, отвѣчала на его слова — не помню что — и бросилась въ свою комнату. Тамъ, въ одиночествѣ, я наплакалась. Воротилась матушка, пришли домой и другіе; но никто не упоминалъ о немъ —

всѣ были заняты инымъ. Маленькій братъ мой вздумалъ было рассказывать, и я задрожала, но смѣтливая Юлія подала ему знакъ, и онъ замолчалъ. На другой день папенька спросилъ: «Что не видать Мстиславцева?» — «Я видѣла его,» отвѣчала маменька: «вчера, идучи на гостиный дворъ, и сказала ему о нашей радости. Онъ, казалось, шелъ къ намъ.» — Я не имѣла силы вмѣшаться въ разговоръ, и вышла изъ комнаты. Смущеніе мое, вѣроятно, было замѣчено. Съ того времени никто въ домѣ не упоминалъ о немъ. И донынѣ всѣ хранятъ глубокое молчаніе. Дядюшка, какъ я уже сказала выше, началъ было однажды говорить, и вѣроятно объ немъ, но другіе перебили рѣчь его. Я не знала бы, что съ нимъ сдѣлалось, если бъ братъ мой надо мною не сжалился. Къ счастью, онъ человѣкъ холодный и недогадливый, и потому не замѣтилъ моего смятенія, когда заговорилъ о немъ со мною. Онъ дѣйствительно уѣхалъ по дѣламъ службы за границу, и на нѣсколько лѣтъ. Сначала онъ отказался было отъ этого порученія, но потомъ вдругъ перемѣнилъ мысли, просилъ отпращенія какъ милости, не могъ дожидаться минуты отъѣзда, и будто бѣжалъ изъ Петербурга, хотя былъ очень разстроенъ въ здоровьѣ. Это рассказали брату бывшіе его товарищи. — Братъ мой душевно сожалеетъ о немъ, какъ о другѣ, благодѣтелѣ и наставникѣ своемъ, какъ объ одномъ человѣкѣ въ свѣтѣ, который успѣлъ пріобрѣсть его уваженіе и довѣренность.

Я слушаю рассказы брата съ сердечнымъ умиленіемъ. И теперь вдвое благословляю судьбу, что не лишилась свободы, что не отдала руки своей другому: сердце мое можетъ заниматься своими мечтаніями. А онъ — онъ — его послѣдній взглядъ, его слова, исполненныя чувства, дрожащій звукъ его голоса — мнѣ поруками, что и онъ меня не забудетъ. — Полагая, что я замужемъ, воображая, что я къ нему равнодушна, онъ, въ чужихъ краяхъ, найдетъ, можетъ быть — — Нѣтъ! нѣтъ! не найдетъ! Не правда ли, онъ и искать не станетъ?

Что говорятъ объ этомъ мои родители? Ничего. Маменька, чудится мнѣ, иногда хочетъ заговорить, но значительный взглядъ папеньки заставляетъ ее молчать. Вѣроятно, они догадываются, что мы были другъ къ другу неравнодушны. Пусть! Я не знала въ мірѣ человека, котораго могла бы болѣе уважать, и прежде, нежели узнала самое себя, въ состояніи была отдать руку мою другому. Но нынѣ рука моя неразлучна съ сердцемъ: я могу молчать, страдать, умереть, но никогда не обману ни его, ни другаго!

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПИСЕМЪ МСТИСЛАВЦЕВА.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ.

Франкфуртъ на М., 8 Сентября 1816.

По обыкновенному порядку вещей, слѣдовало бы мнѣ благодарить тебя за увѣдомленіе, содержащееся въ письмѣ твоємъ отъ 12-го Августа; но на этотъ разъ позволь мнѣ быть неблагодарнымъ. Тетушка Агаѣя Яковлевна часто выводила меня изъ терпѣнія, но столь же часто заставляла забывать небольшія ея слабости, порожденныя пылкимъ нравомъ и дурнымъ воспитаніемъ, а не злымъ сердцемъ. И теперь, когда ея не стало, я помню только ея добродушіе, любовь ея ко мнѣ, желаніе видѣть меня счастливымъ, и совѣщусь, что иногда потрунивалъ надъ нею. И добрый Иванъ Ильичъ пережилъ ее только двумя недѣлями! Дай имъ Богъ царствіе небесное! Утѣшительна мысль, что тамъ, какъ говоритъ Кремневъ, на всемірной перекличкѣ, есть иные вѣсы, не нашего, человеческого издѣлія, и что на тѣхъ вѣсахъ взвѣшиваются помыслы и дѣянія людей.

Ты требуешь инструкцій въ разсужденіи полученнаго мною наслѣдства? Дѣлай что хочешь. Даю тебѣ полную волю. Только, пожалуйста, постарайся узнать, каковъ управитель, завѣдывающій деревнею, и если онъ строгъ, жестокъ, смѣни его. Домъ въ Воронежѣ можно продать —

что мнѣ съ нимъ дѣлать? Если что выручишь этою продажею, или изъ доходовъ съ имѣнія, внести въ ломбардъ, а билеты оставь у себя. Мнѣ деньги не нужны. Я даже боюсь ихъ: разсору какъ нибудь. Сдѣлай дружбу, согласись быть моимъ опекуномъ.

Хотя я вижу, что завѣщаніе тетушки и Ивана Ильича совершенно по формѣ, какъ должно, и хотя почти увѣренъ, что они не имѣютъ родственниковъ кромѣ меня, но все же прошу тебя, постарайся узнать, нѣтъ ли въ свѣтѣ какого либо потомка знаменитаго рода Крымцовыхъ, чтобъ я какъ нибудь не одѣлилъ его. Повторяю тебѣ: на что мнѣ это имѣніе? У меня есть все, что нужно, а того, что мнѣ не дано, не куплю ни за какія сокровища въ мірѣ.

Здѣсь поговариваютъ о томъ, что нѣкоторые чиновники, за излишествомъ, будутъ отправлены назадъ, въ Россію. Я не прочь отъ этого. Годъ, проведенный мною за границею, оставитъ въ душѣ моей нѣсколько пріятныхъ воспоминаній. Къ счастью, вездѣ есть добрые люди — только бы судьба позволила отыскать ихъ. — Милыя наши антверпенскія знакомки, какъ я уже писалъ тебѣ, уѣхали во-свояси. Волгинъ отправился въ Стутгардъ, и воротился съ молодою, любезною женою. Я видѣлъ ее — скажу одно: онъ былъ достоинъ такой жены. Болѣе не могу объ этомъ распространяться. Раны сердца моего вновь раскроются. — Не знаю, какъ ворочусь въ Петербургъ, какими глазами буду смотрѣть

на тѣ мѣста, гдѣ былъ счастливъ! Хорошо, что
ея тамъ нѣтъ. Со временемъ, можетъ быть, утих-
нетъ моя тоска. Но теперь, теперь — я стражду
еще такъ, какъ въ ту минуту, когда разстался
съ нею. — До могилы! до могилы!

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Травемюнде, 18 Сентября.

Вотъ я и на обратномъ пути въ отечество! —
На другой день по отправленіи къ тебѣ послѣд-
няго моего письма, получилъ я извѣщеніе, что,
по распоряженію высшаго начальства, долженъ
ѣхать въ Петербургъ, на прежнее мѣсто. Со-
мною отправленъ былъ одинъ изъ нашихъ чи-
новниковъ, несноснѣйшій педантъ въ мірѣ, фонъ-
Шпицъ, который заставилъ меня съ сожалѣніемъ
вспоминать о товариществѣ Иванова и Репейко-
ва. — Трудно мнѣ было разстаться съ Волги-
нымъ. Я взялъ съ него обѣщаніе, скоро воро-
титься домой. Онъ охотно исполнить это: су-
пруга его горитъ желаніемъ оставить Германію,
а чего не сдѣлаешь для любезной женщины!

Я имѣю всѣ причины быть довольнымъ своею
поѣздкою въ Германію. Меня наградили сверхъ
заслугъ и ожиданій, и если бъ чинъ и три ор-
дена, въ томъ числѣ два иностранные, могли
сдѣлать человека счастливымъ, то мнѣ ничего
не осталось бы желать въ свѣтѣ. Содержаніе
получалъ я очень хорошее и слишкомъ доста-

точное, но не вывезъ изъ Франкфурта ни крейцера: надобно было поддержать русскую славу! Какъ часто, сидя съ Волгинымъ за многолюднымъ общимъ столомъ (*table d'hôte*), приказывали мы, на послѣдній нашъ червонецъ, подать шампанскаго, и подчивали сидѣвшихъ подлѣ насъ Нѣмцевъ, изъ коихъ каждый имѣлъ доходу во сто разъ болѣе нашего. Они принимали изъ рукъ нашихъ бокалы съ ужимкою благодаренія, и съ досадою, что должны тѣмъ же отблагодарить русскимъ богачамъ. «Что, если бъ они знали,» говаривалъ Волгинъ, напѣнивая бокалы: «что у насъ до перваго числа въ наличности всего два гульдена? Ура, Россія! Послѣдняя копѣйка ребромъ стоитъ!» —

Видно, на роду моемъ было написано, чтобъ я испыталъ всю тяжесть нѣмецкой акуратности и скупости, и отъ кого? не отъ настоящаго Нѣмца, а отъ полу-русскаго, рижскаго уроженца. Надѣясь на исправность фонъ-Шпица, я предоставилъ ему въ пути хозяйственную часть. Онъ торговался, бранился и чуть не дрался на каждой станціи за крейцеръ и за два. Къ обѣду велѣлъ подавать самое дешевое, останавливался въ самыхъ гнусныхъ шинкахъ. Мое терпѣніе вскорѣ истощилось. На великую силу дотащились мы до Фульды, и тамъ, за обѣдомъ, онъ открылъ мнѣ, что намѣренъ остановиться на недѣлю въ Ригѣ, гдѣ имѣетъ домъ; что онъ просилъ на то соизволенія начальства, и непременно получить. Я испугался мысли ѣхать на Ри-

гу, жить въ Ригѣ, и сталъ упрашивать его, чтобъ онъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Тщетно! Я ѣхалъ въ его коляскѣ, и долженъ былъ слушаться. Видя его непреклонность, я рѣшительно объявилъ, что не хочу съ нимъ ѣхать; приказалъ Аѳанасью вынуть изъ коляски мои чемоданы, и взялъ мѣста въ дилижансѣ. Фонъ-Шпицъ былъ въ отчаяніи, что принужденъ будетъ ѣхать одинъ, безъ моего пособія. Я исполнилъ свое намѣреніе: пустился въ Гамбургъ, оттуда пріѣхалъ сюда, и теперь готовлюсь ѣхать на корабль въ Кронштадтъ. Море бушуетъ. Говорятъ, опасность большая. Мнѣ все равно. Совѣстно было бы погубить съ собою Аѳанасья, и я спросилъ его, рѣшается ли онъ ѣхать со мною моремъ. — «Какъ изволите!» отвѣчалъ онъ: «я васъ не оставляю: одинъ конецъ!»

Я нанялъ мѣста на одномъ англійскомъ кораблѣ, и если вѣтеръ будетъ благопріятный, завтра пушусь въ путь. Такимъ образомъ я миную Риги. Боже мой! я долженъ избѣгать ея!

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ.

С. Петербургъ, 4 Октября.

Не пугайся, взглянувъ на мой почеркъ. Рука моя ослабла отъ жестокой болѣзни. Едва оправясь, пишу къ тебѣ. Не знаю еще, чѣмъ кончу это письмо.

Путешествіе мое изъ Травемюнда въ Кронштадтъ было опасно, мучительно, ужасно,

но, къ счастію, не продолжительно. На пятый день по отбытіи, остановились мы у Кронштадтской брандвахты. Я былъ измученъ усталостью, бессонницею и морскою болѣзнію. Вышедъ на берегъ, я было ожилъ, услышавъ вокругъ себя звуки русскаго языка, увидѣвшись и поговоривъ съ однимъ старымъ пріятелемъ, морскимъ офицеромъ; но физическая природа вскорѣ взяла верхъ. Въ Кронштадтѣ нашелъ я увѣдомленіе, что для меня въ Петербургѣ нанята прежняя моя квартира, и горѣлъ нетерпѣніемъ ѣхать. Здѣсь заведено новое перевозное судно, движимое парами, но я не засталъ его въ тотъ день, и не желая прождать до другаго утра, рѣшился ѣхать на катерѣ. Погода утихла. День былъ ясный. Мы отправились въ довольно большой компаніи разнаго народа. Съ невыразимымъ чувствомъ ожиданія, надежды и страха, смотрѣлъ я на знакомыя окрестности: вотъ видѣнъ вдали Петергофъ; вотъ бѣлѣется Стрѣльна и Сергіевская Пустынь. Зеленъ поблекла. Берега подернуты темносѣрою оболочкою. Приближаемся къ Петербургу. Голова у меня закружилась; мнѣ стало жарко; я безпрестанно черпалъ холодную воду изъ рѣки, и утолялъ палящую меня жажду. Вотъ влѣво башни, при входѣ въ Галерную Гавань. Открылся видъ на Неву: влѣво Горный Корпусъ, вправо Новое Адмиралтейство и Англійская Набережная. Вдали Исакіевскій Мостъ. Тоска, ужаснѣйшая тоска защемила мое сердце. Катера ходятъ до Сената, но одна

бывшая съ нами женщина просила высадить ее на берегъ на Васильевскомъ Острову. Подъѣхали къ берегу. Предо мною явилась улица 10 и 11 линій. Отчалили и вскорѣ пристали къ набережной у Сената. Что было послѣ этого — не помню. Чудится мнѣ трясеніе дрожекъ, какіе-то смѣшанные голоса, клики — — и все утихло.....

Черезъ нѣсколько времени (послѣ узналъ я, что это было въ десятый день по пріѣздѣ изъ Кронштадта) открылъ я глаза, и мнѣ представились знакомые цвѣточки, очень неискусно на-малеванные на потолокъ моей давнишней спальни. Осматриваюсь. Окна заставлены ширмами. Я лежу въ постелѣ; подлѣ постели столикъ съ лекарственными стклянками, питьемъ и т. п.; въ ногахъ сидитъ какая-то женщина въ чепчикѣ; меня держатъ за руку. Посмотрю — это Иванъ Ивановичъ Фризель: правою рукою щупаетъ онъ мнѣ пульсъ, а въ лѣвой держитъ часы, и считаетъ біенія. На лицѣ его написаны боязнь и ожиданіе. Я хотѣлъ что-то сказать, но мнѣ удалось только вздохнуть. «Слава Богу!» сказалъ онъ по-нѣмецки: «онъ приходитъ въ себя.» Я слышалъ и видѣлъ, но собственно ничего не чувствовалъ — казалось, что органы чувствъ у меня отдѣлены отъ мозга. Мнѣ это чудилось сновидѣніемъ, но пріятнымъ, улажда-тельнымъ. — Всматриваюсь въ лице женщины, и узнаю, что это старая моя знакомка, Анна Ивановна. Иванъ Ивановичъ сказалъ ей что-то,

она кивнула головою въ отвѣтъ ему, и онъ вышелъ. Я уставилъ на нее глаза, и припоминалъ себѣ все, что со мною было. Мало по малу я понималъ, гдѣ нахожусь и въ какомъ положеніи. Вотъ висятъ, на прежнихъ мѣстахъ, портреты отца моего, матери и дяди. «Незабвенные друзья мои!» думалъ я: «неужели мнѣ пришла пора съ вами увидѣться? Или долженъ я еще томиться въ этомъ мірѣ?» — — — Долго не могъ я вымолвить слова. Анна Ивановна, видно, примѣтила внутреннее мое движеніе по лицу, подошла ко мнѣ, и подала какого-то питья. Это меня освѣжило. «Ахъ, хорошо!» сказалъ я. — «Слава Богу!» вскричала она: «вы говорите! Слава Богу!» — Силы мои возвращались понемногу. Часа два прошло, и я уже могъ и понимать и самъ говорить. Вошелъ мой Аѳанасій, и, увидѣвъ, что я въ памяти, перекрестился со слезами, и сказалъ: «Ахъ сударь! мы не думали, что васъ Богъ на ноги поставитъ. Худы вы были, худы!» — На вопросъ мой, какъ все это сдѣлалось, онъ отвѣчалъ, что я, выходя у Сената изъ катера, вдругъ лишился чувствъ. Онъ съ трудомъ освободилъ меня изъ рукъ усердной полиціи, которая хотѣла было взять меня на свое родительское попеченіе, посадилъ на дрожки, и привезъ на квартиру. Послали дать знать о моей болѣзни въ департаментъ. Добрый Василій Александровичъ тотчасъ самъ ко мнѣ пріѣхалъ и привезъ Фризеля. Я былъ въ безпамятствѣ. На другой день открылась жесточайшая горячка, при-

чиненная, какъ полагали, сильною простудою на моръ. Фризель, не надѣясь на свои познанія, пригласилъ двухъ первыхъ врачей петербургскихъ къ себѣ на помощь, и самъ только исполнялъ ихъ предписанія. Анна Ивановна была у меня сидѣлкою, въ ожиданіи того, что ей прійдется варить кутю на мои похороны. По ея словамъ, я находился нѣсколько дней на краю могилы, и медики потеряли было всю надежду возвратить меня къ жизни. — Рѣчи Анны Ивановны лились рѣкою: бѣдняжка девять сутокъ молчала! Я слушалъ ее со вниманіемъ, съ жадностію и съ какою-то боязнію. Вскорѣ заговорила она о семействѣ Миллера — этого-то я ждалъ и страшился. — «Ваша болѣзнь,» говорила она: «всѣхъ перепугала. Карлъ Ѳедоровичъ приходитъ дважды въ день, чтобъ освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ. На третій день вашей болѣзни, я было занемогла, такъ Марья Ивановна просидѣла ночь у вашей постели. Вы были очень безпокойны. Это ее чрезвычайно огорчило, и она съ тѣхъ поръ все плачетъ. Елисавета Карл....» — «Какъ?» спросилъ я, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ: «развѣ она здѣсь?» — «А гдѣ жъ ей быть! Вотъ добрая дочь! Еще на прошлой недѣлѣ предлагали ей ѣхать въ Москву, въ институтъ, класною дамою! Куда! никакъ не хочетъ! Рѣдкая дѣвица!» — Здѣсь?.... дѣвица?.... что я слышу! такъ она свободна? Эта мысль подѣйствовала на меня съ волшебною силою. Въ глазахъ у меня прояснѣло. Дыханіе сдѣлалось свободнѣе.

Сердце стало биться съ бóльшею силою. Анна Ивановна, не замѣчая моего волненія, продолжала: «Елисавета Карловна, тайкомъ отъ родителей, приказала отслужить молебенъ о вашемъ здоровьѣ, въ Андрѣевскомъ Соборѣ — это мнѣ сказывала Авдотья. Иванъ Карловичъ самъ бѣгаетъ въ аптеку. Да и малютки всѣ заботятся о вашемъ здоровьѣ. Братъ Карла Ѳедоровича, пріѣзжій, не можетъ надивиться этой любви, этой привязанности.» — Быть не можетъ, думалъ я про себя: очень помню, что Луиза выходила за Кибица. Вѣрно, это остатки моихъ болѣзненныхъ сновидѣній. Мучительное недоумѣніе! Спрошу! — «А что дѣлаетъ господинъ Кибицъ, то есть, отецъ?» спросилъ я. — «Богъ его знаетъ!» отвѣчаетъ она. «Упалъ какъ камень въ воду. Ну, ужъ надѣлалъ хлопотъ! Вздумалъ присвататься, а чрезъ четыре дня отказался. Хорошо, что такъ кончилось. И съ богатымъ-то было бы житіе незавидное, а съ банкротомъ! Пусть его въ Ригѣ бьется, какъ рыба объ ледъ. Всѣхъ было сгубилъ!» — Каждое слово было для меня каплею цѣлительнаго бальсама. Она продолжала говорить: рассказывала о пріѣздѣ какого-то родственника изъ-за моря, о свадьбѣ Круммгольца, о томъ, что Матрена Христіановна развелась съ своимъ мужемъ послѣ двухъ мѣсяцевъ супружества, о производствѣ Ивана Карловича въ титулярные совѣтники, о высылкѣ Мюльштейна за городъ; но я едва понималъ ее — все носился въ какомъ-то морѣ неизъяснимаго усла-

жденія, душевнаго блаженства. — Чрезъ нѣсколько времени вновь явился Фризель съ другимъ докторомъ. Они обрадовались, увидѣвъ меня въ памяти, но испугались моего пульса. Я былъ въ сильномъ волненіи. Догадавшись, что этому причиною рассказы Анны Ивановны, они жестоко ее пожурили, и запретили говорить со мною. Мнѣ было все равно: я зналъ главное. Луиза свободна — моя Луиза свободна! Эта мысль заглушала во мнѣ всѣ прочія. Смерклось. Я уснулъ сладкимъ сномъ, и наслаждался пріятнѣйшими мечтаніями. Просыпаюсь на другой день, и вижу у постели моей другую женщину, мнѣ вовсе неизвѣстную. Анну Ивановну смѣнили за болтовство. Я былъ подъ самымъ строгимъ арестомъ: видѣлъ только врачей моихъ, безмолвную сидѣлку и изрѣдка Аѳанасья. Въ другой комнатѣ слышались иногда шаги и шопоть. На пятый день послѣ того, что я очнулся, мнѣ позволили встать съ постели — это было третьяго дня. Пришелъ Миллеръ съ женою и съ сыномъ. Какое пріятное, утѣшительное свиданіе! Мы почти ничего не говорили. Они плакали; я рыдалъ, какъ ребенокъ. Послѣ этого посѣщенія, мнѣ предписано было отдохнуть сутки. Сегодня позволили писать. Вотъ я кое-какъ исписалъ листъ. Подожду отсылать на почту. Сберусь съ силами, и кончу. Завтра мнѣ позволено выѣхать.

3 Октября.

Другъ мой! Ты принималъ участіе въ моихъ горестяхъ, ты раздѣлялъ мои страданія. Теперь

порадуйся моему счастью, раздѣли со мною мое блаженство. Сбылось все, чего я только могъ надѣяться въ самыхъ смѣлыхъ порывахъ моего воображенія.

Дай мнѣ собраться съ духомъ. Все перескажу тебѣ съ начала до конца. Извини, если рассказъ мой будетъ нескладенъ и безтолковъ. Я едва самъ себя помню.

Вчера Иванъ Ивановичъ объявилъ мнѣ, что я могу выѣхать въ каретъ. Я обрадовался этому, какъ заключенный извѣстію о выпускѣ его изъ тюрьмы. «Куда жъ вы поѣдете?» спросилъ старичекъ съ улыбкою, въ которой замѣтно было нѣкоторое лукавство: «не къ намъ ли?» — «Для чего жъ и нѣтъ?» отвѣчалъ я, стараясь казаться равнодушнымъ: «я обязанъ визитомъ вашей сестрицѣ.» — «Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ объ одномъ любителѣ водки,» сказалъ Иванъ Ивановичъ: «который спросилъ у человѣка квасу, и на отвѣтъ, что дома есть только ромъ, сказалъ: «ну, подай хоть рому!» Я боюсь, чтобъ это свиданіе не разстроило васъ слишкомъ. Позвольте, я провожу васъ.» — «Съ удовольствіемъ!» отвѣчалъ я. Мы поѣхали — это было въ двѣнадцатомъ часу утра. Слишкомъ годъ не видалъ я Петербурга; радовался, что вижу опять тѣ же улицы, тѣ же дома, тѣ же лица на улицахъ; но главная мысль, что увижу Луизу, мою Луизу, свободную, ту же, что и прежде, только съ общаніемъ помнить меня до могилы, заглушала всѣ прочія. По мѣрѣ приближенія къ ихъ дому,

мнѣ все становилось страшнѣе и страшнѣе. Сердце мое стѣснялось. Дыханіе занималось. Еще странно: по приближеніи къ дому, и когда мы всходили на крыльцо, мнѣ казалось несбыточнымъ, чтобъ я могъ увидѣть Луизу. Входимъ въ комнату. Кто-то вскрикиваетъ — и я въ изнеможеніи отъ радостнаго восторга, упадаю предъ Луизою. Меня подняли, посадили на софу — и вотъ я сижу подлѣ нея, держу ее за руку, вижу ея ангельскій ликъ, гляжу ей въ глаза. И она смотритъ на меня съ нѣжнымъ участіемъ. Мы не можемъ говорить. Входитъ Марья Ивановна; я хочу встать и пойти къ ней на встрѣчу, но она меня предупреждаетъ, заставляетъ сѣсть попрежнему, и садится подлѣ меня въ кресла. — «Что жъ вы не здороваетесь съ Луизою?» говоритъ она. Я отвѣчаю въ смущеніи: «Я уже поздоровался съ Елисаветою Карловною!» — «Полно, полно, Дмитрій Сергѣевичъ! Нѣтъ надобности притворяться — я все знаю.» — «Что жъ такое вы знаете?» спросилъ я въ недоумѣніи. — «Что вы благороднѣйшій человѣкъ,» отвѣчала она съ чувствомъ, какого я въ ней до толѣ не замѣчалъ, и притомъ по-нѣмецки (это ея торжественный и офиціальныя языкъ): «и что Луиза васъ достойна. Дѣти мои! Богъ послалъ на всѣхъ насъ испытаніе, чтобъ мы въ горести и страданіи увидѣли, какъ искренно любимъ другъ друга, какимъ образомъ можемъ быть счастливы. Я видѣла, Дмитрій Сергѣевичъ, какъ нѣжно и великодушно вы пожертвовали

своею склонностію, когда могли думать, что это нужно для нашего счастья. Луиза! и твое намѣреніе забыть чловѣка тебѣ любезнаго, выйти за другаго — единственно для того, чтобъ усладить старость твоихъ родителей, отъ меня не укрылось. Къ несчастію, я увидѣла все это, когда уже поздно было. Я молчала, какъ и всѣ. Богъ услышалъ мою тайную молитву. Вы къ намъ возвратились; но въ какомъ ужасномъ состояніи! Извѣстіемъ о вашей опасности братецъ перепугалъ всѣхъ насъ. Мы къ вамъ бросились, и нашли васъ въ безпамятствѣ. На третью ночь болѣзни пришлось мнѣ сидѣть у вашей постели. Вы тихо уснули, и я, чтобъ не задремать, позвала вашего Аѳанасья, и стала спрашивать его о вашемъ путешествіи. Этотъ добрый чловѣкъ открылъ мнѣ все, и самъ того не зная. Онъ разсказалъ мнѣ, въ какомъ разстройствѣ вы оставили Петербургъ, какъ всякое воспоминаніе о нашемъ домѣ васъ и утѣшало, и огорчало. Онъ подалъ мнѣ бумажникъ вашъ, и въ немъ увидѣла я портретъ ея съ надписью: *До могилы!* И вдругъ вы заговорили во снѣ: «Нѣтъ! нѣтъ! не ѣду на Ригу; она тамъ; утоплюсь въ морѣ!» Аѳанасій растолковалъ мнѣ, что вы поѣхали моремъ, боясь какой-то встрѣчи въ Ригѣ. Я догадалась. Онъ мнѣ еще много кое-чего разсказывалъ: о какомъ-то наслѣдствѣ, о четырехъ стахъ душахъ; но это было дѣло постороннее. Главное я узнала: вы любите Луизу, и она любитъ васъ — дѣти мои! я васъ благословляю!» —

Вообрази! при сихъ словахъ она сложила наши руки. Я чувствовалъ не радость, не восторгъ, но какое-то унылое, томное услажденіе. Мысль о смерти въ послѣдніе дни такъ часто представлялась моему воображенію, что мнѣ теперь казалось, будто я уже умеръ, будто ангелъ, въ видѣ Луизы, срътаетъ мою душу! Я ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Первый изъ насъ опомнился Иванъ Ивановичъ! — «Прекрасно! безподобно, сестрица!» сказалъ онъ: «это напоминаетъ мнѣ анекдотъ о принцессѣ Стратонисѣ, которая также вышла замужъ за конвалесцента. Только, подумала ли ты о твоёмъ мужѣ? Что скажетъ Карлъ Ѳедоровичъ? Со времени пріѣзда брата, онъ сдѣлался еще ревностнѣе къ своей религіи, къ своей націи.» — «Пустое!» — закричала Марья Ивановна съ отважностью, какой я въ ней прежде не замѣчалъ. «Какъ можно изъ предразсудковъ губить свое дѣтище и все семейство? Хорошъ былъ лютеранскій ея женихъ! Я успѣю уговорить его, а братъ его еще мнѣ поможетъ: онъ души въ Русскихъ не слышитъ.» — «Что это за братъ?» спросилъ я съ безпокойствомъ. — «Братъ мужа моего,» отвѣчала Марья Ивановна: «онъ пріѣхалъ къ намъ нынѣшнимъ лѣтомъ изъ-за моря. Много тамъ горя натерпѣлся. Онъ живетъ у насъ — человекъ добрый и тихій. Они оба скоро воротятся домой. Статочное ли дѣло, мѣшать счастьемъ дочери!» —

Въ это время зазвенѣлъ колокольчикъ. Марья

Ивановна поблѣднѣла: храбрость ея была непродолжительна. Всѣ мы были въ смущеніи, въ недоумѣніи, въ страхѣ.

Входитъ Миллеръ съ братомъ своимъ. «Ну, слава Богу, Дмитрій Сергѣевичъ!» говоритъ онъ, увидѣвъ меня: «слава Богу, что я васъ у себя вижу!» Съ сими словами приближается онъ ко мнѣ, чтобъ обнять меня; но братъ его опережаетъ и бросается предо мною на колѣни, съ восклицаніемъ: «Это онъ! это онъ!» — Всѣ испугались. «Кто онъ?» спрашиваетъ Миллеръ. — «Онъ! онъ! тотъ русскій чиновникъ, о которомъ я сто разъ твердилъ вамъ, который въ Страсбургѣ спасъ меня и товарищей моихъ отъ гиліотины! Благодаритель мой! наконецъ я васъ нашелъ. Богъ услышалъ мои молитвы.» — «Я не знаю, не помню васъ!» отвѣчалъ я ему, и это была правда: я въ самомъ дѣлѣ не помнилъ его лица. — «А я помню!» отвѣчалъ онъ: «вы не хотѣли слышать изъясненія нашей благодарности, убѣжали въ другую комнату, потомъ тайкомъ вышли изъ дому и уѣхали изъ Страсбурга. На другой день выступила оттуда и союзная армія. Никто не могъ сказать мнѣ вашей фамиліи. Но это вы, вы!» — «Перестаньте закидывать!» сказалъ Миллеръ: «вы спасли моего брата отъ смерти, вы доказали его невинность!» — «Ахъ, нѣтъ! не я!» — отвѣчалъ я: «а вы, Луиза!» Засимъ разсказалъ я все, какъ было, и въ жару повѣствованія забылся до того, что говорилъ Миллеру открыто, явно о любви моей къ его дочери, какъ будто бы это

уже было ему извѣстно. Разсказъ мой всѣхъ привелъ въ умиленіе. «И такъ вы все еще любите дочь мою?» спросилъ Миллеръ. Я затрепеталъ и не могъ отвѣчать. — «Такъ возьмите ее и будьте счастливы!» — «Карлъ Ѳедоровичъ!» сказала Марья Ивановна въ полголоса: «ты забылъ объ одномъ. — «Знаю и не забылъ!» отвѣчалъ онъ: «но хоть бы онъ былъ Татаринъ, онъ заслужилъ Луизу! Онъ спасъ моего брата, онъ человекъ благородный! Ты будешь съ нимъ счастлива, моя Луиза!»

Что за этимъ послѣдовало, того не только написать, но и припомнить я не въ состояніи. Весь вчерашній день провелъ я у нихъ, и расставаясь послѣ вечера, прожитаго постарому, въ первый разъ поцѣловалъ свою невѣсту.

Возвратясь домой, бросился я на колѣни предъ изображеніями моихъ почившихъ друзей, и молилъ ихъ благословить бракъ мой, основанный на пламенной любви къ благороднѣйшей женщинѣ.

Сегодня всталъ я, обновленный силами и здоровьемъ. Первымъ долгомъ счелъ написать къ тебѣ, и подѣлиться моимъ счастіемъ.

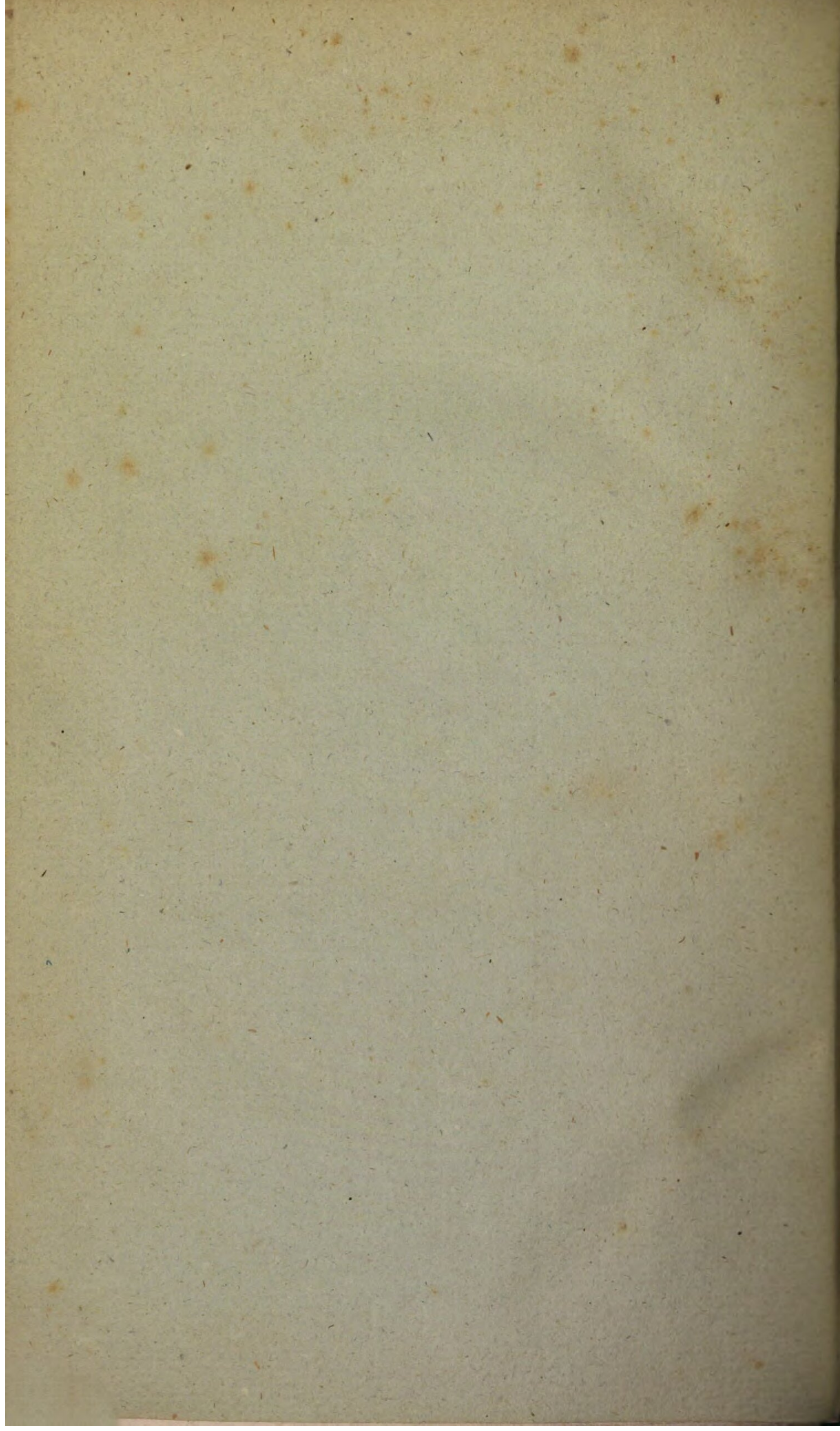
Со временемъ сообщу тебѣ подробности. Теперь живу въ неземномъ мірѣ, наслаждаюсь счастіемъ неизъяснимымъ, и благословляю свою поѣздку въ Германію!

К О Н Е Ц Ъ .

Greč, Nikolaj Ivanovič,

Sočinenija

Bd.: 3. Poězdka v Germaniju

Petersburg 1838

P.o.rel. 3067-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10047829-8